

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2019. Т. 14

№3 (191)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 3
Social and Political Sciences

2019. T. 14

№ 3 (191)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, первый проректор УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Уральского
гуманитарного института УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. РАН
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
-
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Н. Л. Антонова,
докт. социол. наук, проф.

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

Я. В. Дидковская,
докт. социол. наук, доц.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

А. В. Старшинова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук, доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИФРОВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ: ОНТОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА, ЭТИКА	
<i>Керимов Т. Х.</i> Цифровизация общества: модуляция, время, субъективация..... 5	
<i>Бурбулис Ю. В.</i> Обновление онтологии: социальность бытия..... 18	
<i>Кульжанова Г. Т.</i> Подход к уточнению сущности понятия «человеческий капитал» 29	
<i>Томильцева Д. А.</i> Антропоморфизм — шаг к теории горизонтальной этики?..... 45	
ЧЕЛОВЕК В СВОЕМ ВРЕМЕНИ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ в.	
<i>Соболева М. Е.</i> Время как смысл и смысл как время: о трансцендентальных основаниях времени..... 52	
<i>Круглова Т. А.</i> «Современная классика» или «вечная современность»: срав- нение двух темпоральных режимов развития искусства в межвоенный период (фашистская Италия и СССР) 63	
<i>Якимов А. Е.</i> Особенности конструиро- вания хронотопа в немецком кино- экспрессионизме 1920-х гг..... 72	
<i>Пургин С. П.</i> Трансформация романти- ческой традиции в искусстве Пауля Клее: темпоральный поворот..... 86	
<i>Сысолятин А. А.</i> Каталепсия времени: эстетизация ужаса в «Трактатах» Л. Липавского 98	
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ	
<i>Меренков А. В.</i> Культура эгоизма: теоре- тико-методологический анализ 106	
<i>Трынов Д. В., Дидковская Я. В.</i> Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего..... 118	
<i>Салганова Е. И.</i> Состояние и особен- ности формирования патриотизма учащихся средней общеобразова- тельной школы..... 127	
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ	
<i>Керимов А. А.</i> Избирательная система в действии: характеристика элек- торальных циклов в современной России..... 138	
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Логонов А. В., Лихачев М. А.</i> Гуманитарная интервенция: между суверенитетом государства и правами человека..... 148	
<i>Коцур Г. В.</i> Проблемы нормативного взаи- модействия в конструктивистских теориях международных отношений. 161	
<i>Кузьмин В. А., Николаев Ю. В.</i> Решение администрации Д. Трампа по пе- реносу посольства США в Иеру- салим и реакция мирового сооб- щества 170	
<i>Гусейнов К. К.</i> Почему невозможен фран- цузский «ядерный ноль»?..... 185	
<i>Камынин В. Д., Папоян А. Р.</i> Особенности отношений Республики Армения и Европейского союза 193	
ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ	
<i>Темлякова А. С.</i> Роль фотографии в кино (на примере фильма «Возвращение», 2003, реж. А. Звягинцев) 201	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Глазырин В. А.</i> «Назад в будущее»..... 207	
КОНФЕРЕНЦИИ И СЕМИНАРЫ	
<i>Орлов Б. В., Лисовец И. М.</i> Первый рос- сийский эстетический конгресс..... 211	
Авторы номера 220	
Summa 223	

ЦИФРОВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ: ОНТОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА, ЭТИКА

Сегодня цифровизация все более сдвигается в средоточие человеческой жизни: сама идея цифрового существования приобретает решающее экзистенциальное значение, порождает новые формы субъективации, способствует образованию одних стилей и практик жизни и маргинализации других, создает ассоциативные сетевые структуры, организационные формы и процессы, используемые для достижения определенной «перформативности». Это обстоятельство вызывает ряд вопросов: как цифровые технологии способствуют формированию и трансформации человеческого существования? каковы возможности и границы цифрового воплощения человеческих интересов и потребностей? какой может быть этика цифрового существования? В статьях, публикуемых в этом разделе, феномен цифрового существования рассматривается именно в свете актуальных экзистенциальных проблем и возможностей, которые он предлагает человеку.

УДК 101.2 + 115 + 004.5

Т. Х. Керимов

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: МОДУЛЯЦИЯ, ВРЕМЯ, СУБЪЕКТИВАЦИЯ

Сегодня цифровизация все более сдвигается в средоточие человеческого бытия, пронизывает все решающие события жизни и сознания людей. Сама идея цифрового существования приобретает решающее экзистенциальное значение в человеческом сознании и бытии, порождает новые формы субъективации. Цифровизация становится основным структурообразующим фактором современной социальной жизни: общество переходит от аналогового (непрерывного) структурирования в соответствии с физическим предназначением к цифровому. В статье рассматриваются основной принцип цифровизации общества, его механизмы и средства. Этот принцип связывается с переходом от хронологического к хроноскопическому времени и конкретизируется в определении некоторых модальностей и ориентиров цифрового существования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цифровизация, дисциплина, модуляция, хронологическое время, хроноскопическое время, объектив, суперъект.

Вся история философии демонстрирует нам метафизическую приверженность к поискам подлинного, аутентичного, собственного, не важно, будет ли это пространством полиса, интерсубъективным пространством диалога или сферой созерцания, рефлексии и диалога души с самой собой. В этом поиске и сопутствующей ему оппозиции собственного и производного техника, или техничность, всегда идентифицируется как негативная сторона оппозиции. В противоположность традиции репрессии техники Ж. Деррида в качестве гипотезы высказывает мысль об исходной техничности бытия [8, 244]. Техника рассматривается как само условие возможности бытия. Техника — это такой процесс экстерииоризации, использования средств или медиации, благодаря которому человек определенным образом очеловечивается. «Понятие жизни подрывает оппозицию *physis* и *techné*. Как отношение к самой себе, как активность и реактивность, как дифференциальная сила и повторение, жизнь всегда уже проживается технизацией. Отношение между *physis* и техникой не есть отношение оппозиции; с самого начала имеет место инструментализация [*dés l'origine il y a de l'instrumentalisation*]. Термин “инструмент” является неподходящим в контексте исходной техничности. Как бы то ни было, сам момент жизни питается протезической стратегией повторения: жизнь — это процесс самозамещения, заданность жизни — это *mechanike*, форма техники. Тогда техника не просто не является противоположностью жизни, она питает ее с самого начала» [Там же]. Человеческое, или событие человеческого, возможно только в силу технического опосредования, то есть в силу того, что Деррида называет «техническим дифференциалом». Нет события человеческого без технического *différance*, без технологического саморазличения человеческого в отношении к не-человеческому.

Тезис об исходной техничности бытия приобретает особую актуальность в ситуации цифровизации общества, что требует соответствующего осмысления. Хотя здесь возможны самые различные варианты, в этой статье мы ограничиваемся тремя аспектами подобного осмысления. Во-первых, в ней даются краткое описание временной модуляции как основного принципа цифровизации и некоторые его механизмы и средства. Во-вторых, принцип модуляции связывается с переходом от хронологического к хроноскопическому времени, то есть цифровому реальному времени. Наконец, в-третьих, очерчиваются некоторые модальности и ориентиры человеческого существования в цифровой среде.

На этом этапе следует отметить, что любое обсуждение процесса цифровизации общества ограничено главным образом потому, что этот процесс все еще находится на стадии формирования. Отсюда неизбежные сравнения цифрового общества с предшествующими типами обществ. Кроме того, утверждение значимости цифровизации с ее новой виртуальной прозрачностью, неограниченными уровнями наблюдения и контроля оставляет открытым вопрос о положительных и негативных ее последствиях.

Пространственная дисциплина и временная модуляция

В «Надзирать и наказывать» М. Фуко объясняет: дисциплина как машина функционирует с помощью четырех механизмов и трех средств, использующих индивидов «и как объекты власти, и как орудия ее отправления» [6, 249]. Чтобы лучше очертить пределы дисциплины и способствовать более дифференцированному пониманию модуляции, вкратце остановимся на дисциплинарных механизмах и средствах.

Первый механизм дисциплинарной машины состоит в распределении индивидов в пространстве, причем каждое пространство выполняет строго определенную функцию. Для этого дисциплинарная машина использует несколько методов. Прежде всего это метод «отгораживания»: дисциплинарная машина-аппарат тяготеет к разделению групп и масс на индивидов и к указанию каждому индивиду строго определенного места. Каждый индивид должен быть всегда на своем месте, каждого в любой момент можно обнаружить, контролировать. Все перемещения должны быть функционально оправданы. Этот метод становится основным архитектурным принципом организации пространства, с помощью которого дисциплина решает три главные задачи: осуществляет постоянный надзор, препятствует соединениям индивидов в группы и, наконец, создает полезное пространство. Дисциплина, организуя «кельи», места и ранги, тем самым формирует сложное дисциплинарное пространство, «одновременно архитектурное, функциональное и иерархическое» [Там же, 216]. Идеалом дисциплинарного общества выступает пространство, играющее роль одной большой таблицы.

Второй механизм — это контроль над деятельностью [Там же, 218]. Дисциплина регулирует не только распределение индивидов в пространстве, но и распределение времени. Время регулируется как разделением его на все более дробные интервалы, так и контролированием качества использованного времени. Измеряемое и оплачиваемое время должно быть временем без примесей и изъянов, высококачественным временем. Все большей детализации дисциплинарного времени соответствует растущая корреляция тела и жеста, тела и объекта. «Дисциплинированное тело — подставка для эффективного жеста» [Там же, 223]. Детально выверенное сцепление устанавливается и между телом и объектом. Тело рассматривается как бы в параллель объекту: «тело — оружие, тело — инструмент, тело — машина» [Там же, 224]. В результате начинает складываться новый объект — «природное тело, носитель сил и местонахождение длительности, тело, подвергаемое специфическим операциям, имеющим свой порядок, время, внутренние условия, составные элементы» [Там же, 226].

Третий механизм — организация генезисов — представляет собой совокупность методов, используемых для организации обучения индивида, и имеет решающее значение как для обеспечения стандартизации производимого объекта — индивида, так и для дифференциации одного индивида от другого с точки зрения его способностей. С одной стороны, дисциплинарное управление временем индивида выражается в стремлении делить время на возможно более дробные интервалы, которые должны быть посвящены выполнению определенной задачи. Это создает

больше возможностей для оценки результатов и контроля. С другой стороны, большее сегментирование дисциплинарного времени предполагает введение большего числа тестов, испытаний для непрерывного контроля за использованием этого времени. Таким образом, длительность дисциплинарного времени понимается как линейное время, направленное к устойчивой конечной точке. Динамика «эволюционной» историчности постепенно вытесняет «династику» величественных событий [6, 235].

Наконец, четвертый механизм — «сложение сил». По сути, дисциплина — это искусство сложения сил в целях построения эффективной машины. Для управления массами, функционирующими как единая эффективная машина, дисциплинарное общество изобретает особые тактики. Тактики — основа дисциплинарной практики. А знание тактического характера имеет фундаментальное значение для осуществления дисциплины.

Эти четыре механизма и способ их функционирования производят человека в качестве стандартизированного объекта, индивидуальность, «обладающую четырьмя характеристиками: она клеточная (в игре пространственного распределения), органическая (кодирование деятельности), генетическая (суммирование времени) и комбинированная (сложение сил). Для того чтобы добиться этого, дисциплина использует четыре основных метода: строит таблицы; предписывает движения; принуждает к упражнениям; наконец, чтобы достичь сложения сил, использует «тактики» [Там же, 244].

Дисциплина использует не только механизмы, но и средства. Одним из важнейших средств дисциплинарного общества, складывающегося в XVIII в., является иерархический надзор, идея которого заключается в том, чтобы видеть контролируемое тело, не будучи видимым. Принцип иерархического надзора требует особой архитектуры. Этот принцип прослеживается в обустройстве тюрьмы, больницы, учебного заведения. Помимо иерархизированного надзора Фуко выделяет и такое средство дисциплинарного общества, как нормализующее наказание. Наказанию подлежит все то, что не соответствует правилу, вся безграничная область отклонения от заданной нормы, несоответствия ей. В дисциплинарном обществе существует особая процедура сочетания техники иерархизированного надзора и нормализующего наказания — экзамен. Он становится тщательно обставленным и ритуализированным действием. В экзамене наиболее явно сочетаются отношения власти и знания.

Успех дисциплины во многом зависит от этих средств, потому что благодаря им функционирование власти объективируется, становится наглядным. Более того, эти средства обнажают роль и значение «аппарата записи» [Там же, 276–278] в работе дисциплинарной машины в целом. Именно изменения в «аппарате записи», главным образом посредством баз данных [13, 3], не только усиливают функционирование и воздействие дисциплинарных механизмов, но и производят эффекты, которые не являются дисциплинарными по своему характеру.

Общим местом является констатация того факта, что база данных и использование цифровых средств значительно усиливают функционирование дисциплинарной машины. Более того, в цифровом обществе «аппарат записи»

не ограничивается дисциплинарными пространствами (школы, больницы или офиса), благодаря чему поле видимости, в котором мы потенциально подвергаемся наблюдению, значительно расширяется. Конечно, наблюдение и запись наших действий (через мобильные телефоны, устройства GPS, просматриваемые веб-страницы, социальные сети, мессенджеры или кредитные карты) не означает, что они всегда используются в дисциплинарных целях. Смысл — в другом: расширяя «аппарат записи», мы тем самым расширяем и, что не менее важно, усиливаем принудительную функцию наблюдения, а также сеть отношений, которая «производит власть и распределяет индивидов в постоянном и непрерывном поле» [6, 258–259].

Не менее важным является то, что до использования цифровых устройств и особенно до появления Интернета и возросшей взаимосвязанности этих устройств существовали значительные пространственные и временные ограничения, которые сдерживали отслеживание данных и возможные манипуляции ими. Снятие этих ограничений значительно расширяет сеть отношений, установленных дисциплинарной машиной, и повышает возможности цифрового «аппарата записи». В этом контексте любое действие, совершаемое с помощью цифрового средства, всегда является своего рода записью, но важно подчеркнуть, что хотя по крайней мере некоторые из этих действий подвержены дисциплинарным формам наблюдения, они в то же время «встраиваются» в формы наблюдения, которые принципиально отличаются от них.

Цифровизация «аппарата записи» влечет за собой далекоидущие последствия, которые выходят за пределы дисциплинарной машины. Эти последствия отражают работу механизмов, которые принадлежат другому способу функционирования власти, который Делез определяет как модуляция [4, 228]. Принципиальное отличие модуляции от дисциплины состоит в том, что дисциплина «заключает», приручает, объективирует массы, множества, модуляция — внешнее, виртуальное, становление. Дисциплина субстанциональна, модуляция событийна.

В цифровом обществе основной принцип модуляции — это упреждение, предвосхищение действий до того, как они произойдут [12]. Модуляция изменяет характер наблюдения в цифровом обществе. Отныне наблюдение подразумевает идентификацию шаблонов кода, сгенерированного на машинном уровне. Этот код создается всякий раз, когда мы что-то делаем с помощью цифрового средства и становимся видимыми. Примечательно, что эта форма наблюдения имеет место не в перспективном пространстве, что прямо противоположно тому, как функционирует наблюдение в дисциплинарной машине. Дисциплина организует пространства так, чтобы создавать конкретные формы поведения. И для этой цели используется средство иерархического надзора. Однако целью модуляции являются не индивиды в пространстве, а обнаружение и предвидение появления определенных шаблонов кода. Поскольку они не являются пространственными и не обязательно направлены на изменение поведения человека, они принадлежат другому механизму власти.

Непространственный характер действия влияет на второй механизм дисциплины — контроль деятельности. Целью этого механизма является увеличение

эффективности конкретных действий, выполняемых индивидами. Однако модуляция не принуждает индивидов выполнять действия определенным образом. Как указывает Ж. Делез [4, 230] на примере маркетингового сэмпла, нет никаких форм или норм, которых следует придерживаться. То есть модуляция не принуждает, а программирует, что, в свою очередь, предполагает предвосхищение действия в качестве нового механизма модуляции.

Дисциплинарный механизм организации генезисов используется для обучения индивида. Время с этой целью разделяется на отдельные сегменты с началом и концом и требует выполнения определенных условий до начала следующего сегмента. В цифровом обществе такие сегменты с четкой начальной и конечной точкой заменяются непрерывным обучением, которое не имеет конечной точки [Там же, 229]. Вместо того чтобы разделять время на конкретные сегменты, все время субъекта представляется как один большой сегмент, который подвергается различным формам обучения, ни у одного из которых нет четкой конечной точки. Делез назвал это переходом от «временного оправдания» к «бесконечному откладыванию» [Там же]. Отсюда третий механизм модуляции — механизм варьирования.

Наконец, если дисциплина с помощью четвертого механизма сложения сил объединяет остальные три механизма и создает единую структуру, механическую или даже органическую форму, то таким «объединяющим» механизмом модуляции выступает процесс или поток. Строго говоря, процесс не объединяет, не создает структуру или форму, а предвосхищает тенденции, модели потока или энергии в жидких формах системы [3, 38]. Хотя, как указывает Б. Массуми, модуляцию следует рассматривать именно как процесс, а не систему: «когерентность процесса — это когерентность тенденции, которая обращается на себя таким образом, что всегда порождает другое различие. Процесс является флуктуальным. По сути, он носит нестабильный характер. Система, с другой стороны, представляет собой эмерджентную, временную стабильность, возникающую на пересечении тенденций процесса, определяющую силу которых она переводит в свою самоорганизацию... Когерентность системы — это самовоспроизводство. Ее операции обращаются на себя в интересах их собственного самосохранения» [12, 168].

И если объектом этих механизмов дисциплины является стандартизированная индивидуальность (клеточная, органическая, генетическая и комбинированная), то объектом модуляции является дивидуум»: «Мы больше не имеем дела с парой масса/индивидуум. Индивидуумы становятся “дивидуумами”, а массы — сэмплами, данными, рынками и “банками»» [4, 230].

Модуляция, так же как и дисциплина, использует соответствующие средства. Прежде всего это симуляция, или компьютерное моделирование. Все, что делает человек в цифровой среде, это в то же время и запись, и кодирование, и категоризация [13]. Другими словами, все действия, выполняемые в контексте цифровых технологий, открыты для предвосхищения. В этом отношении любое наблюдение всегда является симуляцией. Модуляция, в отличие от нормализующего наказания, не устанавливает никакой нормы, которой должен соответствовать человек и в соответствии с которой должен корректировать свое поведение.

Как подчеркивает Ж. Бодрийяр, «больше нет императива подчинения модели или мнению. “ВЫ — модель!” “Главное — это вы!”» [1, 25]. Модуляция связана не столько с навязыванием, сколько с проекцией нормы. Отсюда средство категориального отбора: какой моделью, категорией, нормой человек является. Делез указывает на третье средство модуляции — сэмпл. Если маркетинг является одной из основных форм общественного контроля, то сэмпл играет здесь ключевую роль, поскольку он определяет структуру потребления.

От хронологического к хроноскопическому времени

Дисциплинарные машины распределяют людей в определенных пространствах, управляя их деятельностью и использованием их времени. Цифровой «аппарат записи» функционирует через идентификацию кода, предвосхищение действия. В то время как дисциплина действует в реальном пространстве (географическом) и в реальном времени (историческом или хронологическом), модуляция не-пространственна. Можно сказать, что основным измерением дисциплины является пространство, тогда как основным измерением модуляции — скорость или время [17]. В то время как дисциплинарное пространство является фрагментированным пространством, организованным в соответствии с различием функций, цифровое пространство является временным и стремится к потоку.

Одна из ключевых характеристик практик, выраженных цифровыми средствами, заключается в том, что они не имеют отношения к движению, перемещению в пространстве, мобильности. По мнению Ф. Джеймисона, цифровые средства, строго говоря, не являются машинами, имеющими какое-либо отношение к движению, к кинетической энергии: это машины, которые участвуют в «процессах воспроизводства». Именно по этой причине машины цифрового ансамбля не имеют такой же способности репрезентации, как машины промышленного производства. «Такие машины на самом деле являются машинами воспроизводства, а не производства, и к нашей способности эстетической репрезентации они предъявляют требования, совершенно отличные от тех, что предъявлялись довольно-таки миметической идолатрией старой машинерии футуристических времен или же старой скульптурой скорости-и-энергии. В этом случае мы имеем дело уже не столько с кинетической энергией, сколько со всевозможными новыми процессами воспроизводства» [5, 142].

Однако в то же время цифровые машины работают со «скоростью света». В любом случае, как говорит П. Вирильо, «достижение светового барьера, достижение скорости света — это историческое событие, которое расстраивает историю и сбивает с толку отношение живого существа к миру» [18, 23]. Именно это «расстройство» является в настоящее время одной из наиболее острых проблем цифровизации общества.

Этот двойной процесс «непосредственности и мгновенности» [Там же], то есть, с одной стороны, отсутствие физического движения, а с другой — достижение скорости света, часто определяется как уничтожение времени и пространства. Редукция времени составляет необходимое условие технологизации всех сторон

общественной жизни. Время компьютеров, Интернета, спутникового телевидения, мобильной связи — это условие децентрализации социальных действий, их извлечения из конкретного контекста и свободного перемещения, это существование «пустых» временных измерений, то есть измерений, не опосредованных конкретным местом осуществления социального действия. «Опустошение» времени делает возможной все возрастающую по своим масштабам координацию социальной деятельности. Времяберегающие технологии, казалось бы, высвобождают время, следовательно, дают нам больше свободного времени. Однако появление этих технологий приводит к прямо противоположным результатам: время дробится на мелкие отрезки, так что в результате от него не остается ничего.

Тезис об «опустошении» времени нельзя понять, если не обратить внимание на то, что цифровизация общества вызывает ощущение времени и пространства, сильно отличающееся от представления времени и пространства в индустриальную эпоху [9]. Это отличие можно было бы назвать, следуя Вирильо, переходом от хронологического к хроноскопическому времени, то есть цифровому реальному времени [18]. В этом новом хроноскопическом порядке, основанном на цифровых технологиях, мгновенность реального времени замещает старый, медлительный порядок хронологического времени. Цифровое время освобождается от человеческого времени, выходит за пределы человеческого восприятия: «С распространением цифровой темпорализации в современном жизненном мире — распространением, которое совпадает с массовым распространением микропроцессоров в наших средах, — мы не можем не признать широкую временную власть, которой обладают технические артефакты и которая функционирует автономно или квазиавтономно по отношению к узкочеловеческим режимам темпорализации» [10, 304]. «Здесь и теперь» становятся непрерывной временной длительностью хроноскопического порядка культура и общество, и наше индивидуальное и коллективное переживания прошлого, настоящего и возможного будущего нивелируются по мере того, как цифровизация все более сдвигается в средоточие человеческого бытия, пронизывает все решающие события жизни и сознания людей.

«Переход от хронологического к хроноскопическому времени предполагает радикальное изменение временной ориентации и того самого средства, с помощью которого мы осмысливаем нашу жизнь. Хроноскопическое время свидетельствует об интенсивном сжатии. Экстенсивное время истории, хронологии и повествовательной последовательности превращается в беспокойство и озабоченность мгновением реального времени. То, что раньше составляло повествовательное осмысление истории, основанное на знании прошлого, настоящего и будущего, сжимается в жужжание мерцающего настоящего» [14].

Более того, повсеместное распространение цифровой технологии создает взаимосвязанную цифровую среду, цифровую экологию. Географическое пространство трансформируется в виртуальное пространство, хронологическое время редуцируется к наносекундам реального времени. С одной стороны, цифровые технологии позволяют выполнять действия в глобальном, а точнее, планетарном масштабе. Географическое положение и расстояние при использовании

цифровых технологий становятся неважными. С другой стороны, цифровое пространство — это не географическое пространство, а «виртуальная реальность», «киберпространство» или «гиперпространство», хотя называть эту реальность пространством не вполне корректно, и, это как правило, вызывает множество недоразумений. Цифровое пространство неверно мыслить по аналогии с географическим пространством: это не пространство, в котором человек перемещается с места на место, и не пространство, в котором человек физически, телесно обитает. Цифровое пространство — это время: «Само слово “глобализация” является подделкой. Глобализации не существует, есть только виртуализация. То, что мгновенно глобализируется, — это время. Теперь все происходит в перспективе реального времени: впредь считается, что мы живем в “единовременной системе”» [18, 22]. В этом так называемом «пространстве» нет ощущения глубины [5, 93]. Самое большее, что можно сказать относительно этой реальности, по крайней мере на данный момент, что цифровая реальность — это поверхность экрана. А экранная реальность — это процесс, но не в смысле перемещения, движения, а сети, инфраструктуры. Экранная реальность — это поток, жидкость. Как объясняет К. Кнорр-Цетина, «смысл экранной реальности как потока не в том, что она кочевая (без маршрута) и не имеет следов социальной и экономической структуры. Суть в том, чтобы спроецировать и воссоздать эту реальность как сложную и постоянно развивающуюся по частям» [11, 17].

Поток экранной реальности состоит не из одного потока: существует множество потоков, каждый из которых вызывает совершенно разные эффекты, часто зависящие от интенсивности и скорости потока. В то же время эта экранная реальность состоит из других потоков, будь то на том же экране или на других экранах, включая экраны мобильных телефонов или телевизионные экраны, если они являются цифровыми. Конечно, этот эффект зависит также от пользователя или участника потока. Короче говоря, речь идет о цифровой сборке человек–машина, которая создается связью. Конкретная связь создает конкретные потоки. Связь, или «связность», конечно, имеет первостепенное значение в цифровой сборке. Цифровая сборка с ее способностью к конвергенции и симбиозу явно претендует на роль гигантской машины связи.

Цифровое существование

Индивид, как указывал Делез, всегда определяется как положение в массе, он всегда является частью массы [4, 226]. Его идентичность — это непрерывная структура, пронизывающая все его существование и простирающаяся через различные пространства, по которым он движется. Дивидуум, с другой стороны, создается из кода [Там же] и уравнивается со всеми идентичностями в зависимости от конкретной ситуации. Хардт и Негри, например, поясняют, что «в дисциплинарном обществе каждый индивид имел много идентичностей, но в определенной степени разные идентичности определялись разными местами и разными временами жизни... В обществе контроля именно эти места, эти разрозненные возможности применения влекут за собой их определение и делимитацию.

Гибридная субъективность, создаваемая в обществе контроля, может не иметь идентичности заключенного, психически больного или фабричного рабочего, но все же может быть составлена одновременно всей их логикой. Это фабричный рабочий вне фабрики, ученик вне школы, заключенный вне тюрьмы, безумный за пределами убежища — и все это одновременно» [7, 308–309]. Дивидуумы конструируются в базах данных, идентифицируются посредством отдельных компьютерных файлов, каждый файл доступен для разных целей, параметры каждого файла организованы вокруг этой цели. Это означает, что индивид всегда превращается в идентичность, тогда как дивидуум предстает постоянно откладываемой идентичностью. Опять же в этом отношении индивид больше похож на последовательный файл или последовательную память, тогда как дивидуум — на файл произвольного доступа или оперативную память, и он всегда доступен по необходимости.

Индивид в значительной степени является объектом в материальном смысле. Индивиды — это субстанции. Они перемещаются, разделяются и действуют так, что принимают конкретную форму в зависимости от данной ситуации. Они имеют структурированную и стандартизированную форму. Далее, индивиды в качестве стандартизированных объектов имеют сущность, и задача заключается в том, чтобы раскрыть или, скорее, произвести эту внутреннюю сущность.

В контексте цифрового существования производство идентичности никогда не прекращается. Не существует конкретного начала или конца этого производства. Не существует результата этого производства или объекта как такового. Существует предвосхищение идентичности, постоянное, изменяющееся производство без определенного начала или конца и объекта в качестве цели. Этот способ существования имеет бесформенный и неопределенный характер. Именно по этой причине его необходимо концептуализировать как текучесть, жидкость [15, 159], то есть по характеру потока. В этом отношении цифровое существование представляет собой непрерывный процесс самого производства. Действительно, сама природа «производства» отличается тем, что его целью является не столько производство чего-либо, сколько предвидение, предсказание деятельности.

Именно по этой причине Делез описывает цифровое существование как объективное. В «Складке. Лейбниц и барокко» Делез объясняет, что объективль «отсылает уже не к началу индустриальной эры, когда идея стандарта сохраняла хотя бы подобие существенности, навязывая закон постоянства («объект, произведенный массами и для масс»), — но к нашей современной ситуации, когда постоянство закона сменяется флуктуацией нормы, объект, благодаря вариативности, занимает место в континууме, а гибкое автоматизированное производство или станки с числовым управлением вытесняют чеканку или штамповку. Новый статус объекта соотносит последний уже не с пространственной формой, то есть не с отношением «форма–материя», а с некоей временной модуляцией, подразумевающей как непрерывную вариативность материи, так и непрерывное развитие формы» [2, 34]. Объективль характеризуется отсутствием конкретной или определенной формы. Его «форма» находится в «непрерывном развитии», а также в непрерывном изменении материи. И если объективль «идентичность»

не имеет формы, это жидкость, текучесть. Быть «жидким» или «текучим» означает, что «идентичность» в контексте временной модуляции имеет природу потока.

Существование в цифровой среде является комбинацией множества разных потоков в одно и то же время, с разными скоростями и, следовательно, с разными временами в один и тот же момент. Как отмечает С. Теркл, существование в цифровом ансамбле характеризуется потенциально чрезвычайно высокой степенью множественности. Эта множественность характеризуется не только тем фактом, что она очень сильно рассеяна, главным образом потому, что нет тела, с которым можно было непосредственно связать идентичности, но также и тем, что она является мгновенной: мы можем присутствовать через множество функционально разных окон на наших экранах в одно и то же время [16, 13].

Множественность, которая характеризует существование в цифровом ансамбле, рассеяна, одновременна, мгновенна и непрерывна. Она состоит из множества различных потоков. Она одновременна и мгновенна, потому что любое количество потоков может быть доступно в любое время в любом месте. Она непрерывна, во-первых, потому, что ни один из этих потоков не имеет ни начала, ни конца, и, во-вторых, потому, что можно легко или плавно менять места или перемещаться из одного потока в другой, что, в свою очередь, затрудняет идентификацию потоков, к которым обращаются или в которых участвуют.

В этом контексте «идентичность» не имеет ни начала, ни конца. Она ни «здесь», ни «там». Она не движется в пространственном смысле перемещения. Другими словами, объективированная временная модуляция — это не субстанция. Она не имеет сущности. Цифровое существование является тем, что Делез называет событием [2, 35]. Таким образом, в контексте цифрового существования мы имеем глубинную трансформацию — переход от объекта к объективу, от субъекта к суперъекту.

Суперъект существует во времени, не имеет формы и конституирует свой собственный мир. Это не сущность, а событие. У него совершенно другое чувство перспективы или, скорее, другое восприятие или чувствительность. Делез объясняет это по отношению к барочной перспективе: «Вместе с субъектом — во всяком случае, в первую очередь, варьирует вовсе не точка зрения; напротив, варьируют условия, при которых вероятный субъект улавливает вариацию (метаморфоза), или те, при которых нечто = x (анаморфоз)... Это не варьирование истины соответственно субъекту, а условие, при котором субъекту предстает истинность варьирования» [Там же, 35–36].

Суперъект переключает пространственное существование к временному или цифровому существованию. В первом случае человек существует пространственно или визуально, в мире с глубиной. Изменяя свою точку зрения, он изменяет свою позицию по отношению к исследуемому объекту. Во втором случае существование является временным, или проекцией, и изменение «точки зрения» или, скорее, его симуляция является функцией изменения мира, а не чьей-либо позиции в нем. Действительно, отношение суперъекта к объекту не есть отношение субъекта к объекту. Различия между субъектом и объектом не существует, и поскольку это различие может быть смоделировано или даже симулировано, оно является функцией суперъекта.

Эта трансформация выражается в понятии функции или функциональности. Когда вариация становится объектом временной модуляции, выделяется понятие функции, «но понятие объекта также меняется, становясь функциональным» [2, 33]. Другими словами, «объект уже не определяется присущей ему формой, но становится чисто функциональным, отклоняясь от семейства кривых с четкими параметрами и будучи неотделимым от ряда возможных отклонений или от плоскости с переменной кривизной, каковую он сам и описывает» [Там же, 34]. Функция, или цель, временной модуляции в контексте цифровых технологий — это чистая функциональность.

Конечно, Делез описывает это различие в понятии функции с точки зрения усиления контроля. И тем не менее контроль в контексте цифровых технологий имеет иной порядок. Последний связан с тем, что временная модуляция не ставит своей целью создание конкретных форм из материи, стандартизированного объекта, то есть «полезных» индивидов. Он предвосхищает события. Собственно, объектилем и является предвосхищение событий. Объектиль не создается и не контролируется по аналогии с объектом. У него другой статус. Во многих отношениях предвосхищение события — это именно то, что конституирует объектиль. Если смысл временной модуляции состоит в идентификации модели или шаблона генерируемого кода или потока, далее — в предвосхищении или даже предсказании возможного продолжения этого потока, также как появления этого шаблона или потока, тогда объектиль — это «след одной и той же линии в непрерывном движении» [Там же, 35].

В контексте цифровизации общества имеет место непрерывное предвосхищение событий в неопределенной среде вне зависимости от идентичности или формы этих событий. Событие или, скорее, объектиль не контролируется и не создается. Контроль в привычном его значении неуместен в этом контексте. Контроль функционирует исключительно посредством предвосхищения или даже формирования, провоцирования события. Поэтому контроль имеет другой порядок. Индивиду не нужно приспосабливаться к какой-то норме, форме или идеалу. Внешняя среда приспосабливается к поведению индивида. Контроль функционирует как имманентный процесс перераспределения турбулентных потоков. Именно в этом контексте контроль принимает форму программирования и предвосхищения потоков в турбулентной среде.

Формы технологии выражают формы бытия как на макроуровне (с точки зрения конкретных социальных форм, производящих конкретные типы технологий), так и на микроуровне (с точки зрения конкретных технологий, обуславливающих определенные формы бытия). С этой точки зрения любое разделение технологии и социального бытия представляется проблематичным. Но если технологии или типы машин выражают социальные формы, то какую социальную форму выражают те машины, которые мы относим к цифровым технологиям, если они действительно представляют собой другой тип машины?

Сегодня цифровизация приходит на смену информатизации и компьютеризации, она пронизывает все решающие события жизни. Идея цифрового существования приобретает решающее экзистенциальное значение, порождает новые

формы субъективации, способствует образованию одних стилей и практик жизни и маргинализации других, формирует ассоциативные сетевые структуры, организационные формы и процессы, используемые для достижения определенной «перформативности».

Ключевое понятие, которое может объединить основные элементы процесса цифровизации общества, — это понятие текучести. Связь модуляции и конструирования объектиля, конституирование дивидуума, существование суперъекта как существование потока и, конечно, текучие формы деятельности суть элементы цифровизации общества, отношение между которыми требует дальнейшего исследования.

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М., 2015.
2. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М., 1997.
3. Деланда М. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург ; М., 2014.
4. Делёз Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. СПб., 2004. С. 226–233.
5. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М., 2019.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
7. Хардт М., Негру А. Империя. М., 2004.
8. Derrida J. Nietzsche and the Machine // Negotiations. Stanford : Stanford University Press. 2002. P. 215–258.
9. Foucault M. Of Other spaces // The Visual culture reader. Routledge. 1998. P. 229–237.
10. Hansen M. B. N. Bodies in Code: Interfaces with Digital Media. Hoboken, 2006.
11. Hansen M. B. N. Living (with) Technical Time: From Media Surrogacy to Distributed Cognition // Theory, Culture & Society. 2009. 26(2–3). P. 294–315.
12. Knorr-Cetina K. From Pipes to Scopes: The Flow Architecture of Financial Markets // Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory. 2003. 4(2). P. 7–23.
13. Massumi B. National Enterprise Emergency: Steps toward an Ecology of Powers // Theory, Culture & Society. 2009. № 26(6). P. 153–185.
14. Poster M. The Second Media Age. Cambridge : Polity Press, 1995.
15. Purser R. The Coming Crisis in Real Time Environments: A Dromological Analysis [Electronic resource]. URL: online.sfsu.edu/~rpurser/revise/pages/DROMOLOGY.htm (accessed: 01.07.2019).
16. Shaviro S. Connected, or What It Means to Live in the Network Society. Minneapolis, 2003.
17. Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. N. Y., 1995.
18. Virilio P. Speed and Politics: An Essay on Dromology, Trans. M. Polizzoti. N. Y., 1986.
19. Virilio P. Speed and Information: Cyberspace Alarm! // Reading Digital Culture. Oxford, 2001. P. 23–26.

Рукопись поступила в редакцию 22 июля 2019 г.

ОБНОВЛЕНИЕ ОНТОЛОГИИ: СОЦИАЛЬНОСТЬ БЫТИЯ

В статье рассматриваются методологические основания и теоретические поиски «онтологического поворота» в современной социальной теории. Анализируются условия и причины обновления онтологии в социально-гуманитарном познании, нового описания социальной бытия. В представленном исследовании автор опирается на актуальные теоретико-методологические обоснования в современной философии и социальной теории, изучение новой онтологии и проблему интерпретации социальной.

Ключевые слова: онтологический поворот, горизонтальная онтология, онтическое, эссенциализм, антифундаментализм, фундаментализм, социальное, тотализация.

Онтологический поворот становится широким теоретико-методологическим движением в современной философии и социальной теории в конце XX — начале XXI столетия. Первая волна онтологического поворота приходится на конец 80-х — начало 90-х гг. XX в. На первых порах онтологический поворот, представленный прежде всего в работах М. Гильберта, Дж. Серля, Р. Туомела, воспринимается как реакция на конструктивистскую «деонтологизацию реальности». Последняя составляла теоретическое ядро мейнстрима социальной теории. В частности, Н. Луман дает следующую формулировку этого ядра: «Тезис операционального конструктивизма, следовательно, не ведет к “утрате мира”, не оспаривает существования реальности... поэтому не остается никакой другой возможности, кроме одной — конструировать реальность и при случае: наблюдать наблюдателей в том, как они конструируют реальность» [12, 15–16]. П. Бурдье, в свою очередь, формулирует основное правило конструктивистского структурализма: «С помощью структурализма я хочу сказать, что... существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов... С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия... а с другой стороны — социальных структур и, в частности, того, что я называю полями или группами» [5, 181–182].

Онтологический поворот первоначально вызывает недоумение. С одной стороны, онтология традиционно связывается с довольно ограниченной областью философской рефлексии, то есть с учением о сущем как таковом, что, на первый взгляд, достаточно далеко отстоит от социальных, или политических, или этических проблем. Еще большее недоумение вызывает тот факт, что онтология традиционно отождествляется, пусть даже и опосредованно, с метафизикой, которая многими исследователями рассматривается с большим подозрением. Но все эти подозрения легко снимаются с учетом того, что в прошлом столетии значение онтологии было подвергнуто значительной трансформации как в континентальной философии (благодаря усилиям М. Хайдеггера), так и в аналитической традиции и философии науки (благодаря усилиям У. Куайна). Кроме того, важным стимулом возрождения онтологии в современной социальной теории и разработки новой

социальной онтологии оказались онтологические идеи конца XX — начала XXI в., преодолевающие онтологический проект философии и намечающие контуры «онтологии после онтологической философии» (Дж. Агамбен, А. Бадью, Ж. Делез, Ж.-Л. Нанси и др.) [10, 5–6]. Существенным усилением этого стимула стали концепции «спекулятивного реализма» (К. Мейясу), «нового реализма» (М. Феррарис), «объектно-ориентированной онтологии» (Г. Харман), преодолевающие эпистемологический и политический конструктивизм и постмодернизм, подчеркивающие онтологический статус реальности, преобладание онтологии над эпистемологией.

Конечно, указанные причины и стимулы являются всего лишь отдельными симптомами формирования онтологического поворота в современной социальной теории. Очевидно, что в таком виде эти идеи невозможно механически перенести в традиционную онтологическую схему, поскольку их вряд ли можно соотнести с ее содержательным исследованием. Поэтому актуальным становится вопрос о теоретико-методологическом осмыслении этих симптомов и условий онтологического поворота в современной социальной теории.

Но именно благодаря этим стимулам онтологический поворот, первоначально воспринимающийся как реакция на конструктивизм и постмодернизм, в начале XXI столетия обретает свое полное значение. Его осмысление происходит прежде всего в экономике, в основном с позиций критического реализма. Онтологический поворот в экономике связывается с «Кембриджской группой социальной онтологии», состоящей из экономистов и социальных философов из Кембриджа (Т. Лоусон, К. Лоусон и П. Льюис), Лондона (С. Праттен), Оксфорда (Дж. Лацис) и Эссекса (Д. Элдер-Васс).

Наиболее радикально проблема «онтологии» стоит именно в тех социальных науках, где доминирующими методами репрезентации знания оказываются формальные, естественно-научные, количественные. Этот радикализм очевидным образом наблюдается в методологии экономической науки. Разработка «онтологической проблематики» в экономической науке приобретает особую актуальность в свете «засилья формализма», поскольку формально-математические методы исчисления стали основным способом познания объекта. В результате постепенно из поля зрения экономического познания стали ускользать проблемы, характеризующие экономику как социальный и человеческий процесс. По мнению Т. Лоусона, засилье формализма в экономической теории приводит к искаженному представлению событий реального мира, а также к конструированию «закрытых» систем, тогда как экономика, будучи социальной сферой, принципиально открыта: «В сфере общественных наук вообще не существует закрытых систем... Предположение об универсальной применимости дедуктивного способа объяснения в конечном счете связано с приверженностью метафизическому представлению, которое можно назвать детерминизмом регулярности. В соответствии с этим представлением для любого экономического события или положения вещей y существует такой набор событий или условий $x_1, x_2, \dots, x_n$, что y и $x_1, x_2, \dots, x_n$ связаны регулярным образом» [11, 91].

Поэтому вполне закономерно, что вслед за экономикой тема онтологической переориентации вошла в другие социальные науки: в социологию (Э. Эббот,

Дж. Крюкшанк, Д. П. Джонсон); в социальную теорию (М. Арчер, М. ДеЛанда, Дж. Паркер, Р. Сибен, Дж. Серль, Д. Элдер-Васс); в политическую философию (К. Лефорт, Ш. Муфф, Ж. Рансьер, И. Шапиро, М. Элдред), в теорию международных отношений (А. Вендт, К. Уайт), в область междисциплинарных исследований (Д. Вайсман, А. Каллиникос).

Онтология занимает все более заметное место в современной социальной теории. Если взять общий пафос возрождения онтологии, ее описаний и оценок, то можно утверждать, что эта ориентация подразумевает онтологию постфундаментальную, несамостоятельную и дифференциальную.

Онтическое основание, онтологическое не-основание

Сегодня чаще всего возрождение или даже открытие онтологии связывается с хайдеггеровской деструкцией метафизики и ее онтотеологического строения. «В современной философской “онтологии” полностью господствует имя Хайдеггера», — пишет Бадью [15, 9]. Это отождествление онтологии и Хайдеггера следует парадигматическому условию «де-эссенциализации онтологии» (Ж.-Л. Нанси), которая и позволяет выйти за пределы классической онтологии. В частности, Агамбен следующим образом описывает эту ситуацию: «Человек есть нечто фактическое, но то, чем он является и чем он должен являться, — это вовсе не сущность и не какая-либо вещь: ибо само существование человека есть не что иное, как возможность или потенциал» [2, 43–44].

На первый взгляд, это возобновление вопроса об онтологии в конце прошлого столетия можно объяснить в качестве элементарной исторической операции обновления и изменения. Но подобное объяснение не решает вопроса. Что если это возобновление вынуждает нас вновь поставить вопрос об онтологии и рассмотреть «онтологический поворот» с другой перспективы? Нужно выяснить спорные моменты, присущие «онтологическому повороту» и его повторению в конце прошлого века. Другими словами, проблему «онтологического поворота» можно будет поставить на полностью обновленных основаниях, если удастся показать исторические и теоретические предпосылки ее повторения.

Общеизвестно, что Хайдеггер в «Бытии и времени» пытался возродить или даже открыть онтологию. Но следует уточнить, что это возрождение происходит лишь ценой глубокой трансформации самого смысла онтологии, по крайней мере, в ее традиционной версии. Хайдеггеровская трансформация смысла онтологии касается именно определения сущего как сущего. То есть с хайдеггеровской трансформацией смысла онтологии последняя отныне оказывается исследованием не «сущего как сущего» во всем его многообразии и становлении, независимого и существующего прежде человека, а сущего в его отношении к *Dasein* или к человеческому существу. Онтология становится исследованием сущего для-*Dasein* или для человека, а не сущего как такового. В связи с этой трансформацией онтологии как исследования сущего как такового в исследование сущего-для-человека объекты или субстанции, прежде независимые от человека, становятся объектами опыта, интенциональности, языка и т. д. То есть собственно онтологический

поворот оказывается социально-онтологическим. Как пишет В. Е. Кемеров, наиболее радикальным поворотом в философии XX столетия был онтологический, благодаря чему проблематика сознания, мышления, познания, науки оказалась проблематикой бытия. Однако в последней четверти XX в. выяснилось, что этот онтологический поворот оказался социально-философским: «Кто воспроизводит и выстраивает формы бытия, в каких субъектных взаимодействиях и ситуациях они воспроизводятся, изменяются, проектируются и конструируются?» [8, 61].

С одной стороны, «онтологический поворот» преодолевает всеобщие схемы и субстанциональные определения бытия, когда бытие начинает трактоваться как социальное или человеческое бытие. Но, с другой стороны, «онтологический поворот» приводит к тому, что субстантивируется собственно человеческая реальность. Онтология редуцируется к человеческой онтологии. Таким образом, социальность становится трансцендентальным измерением обновленной онтологии. И тем не менее, несмотря на трансцендентальный статус социальности, в современной философии и социальных науках вновь актуализируется вопрос об онтологии. Решение, которое, по-видимому, напрашивается само собой, связано с двусмысленностью трансцендентального статуса социального, или человеческого, измерения в обновленной онтологии.

Чтобы оценить этот онтологический поворот, а таким образом и способность новой онтологии преодолеть гносеологические рамки сознания и познания, сосредоточимся на этом незаметном сдвиге. Новая онтология утверждает, что мы можем говорить о бытии только как о том, что есть для нас. В разных философских контекстах это «нас» трактуется как сознание, тело, язык, знаки, власть, социальные структуры и т. д. Несмотря на множество вариантов, ключевым моментом является то, что бытие мыслится лишь в перспективе нашего, человеческого, «доступа» к нему. Таким образом, онтология становится вопрошанием не сущего как такового, сущего в его бытии, а нашего «доступа» к бытию. Собственно онтологический вопрос подразумевает обязательную приставку, поскольку сопровождается некоторым искривлением, поскольку в своей точной формулировке вопрос звучит так: «что есть бытие для нас?».

И если онтологический вопрос становится гносео-, или антропо-, или эпистемо-, или дискурсо-онтологическим, отсюда следует, что существует определенный внутрионтологический запрет на постановку вопроса о бытии как таковом, более того, вопрос о бытии как таковом вне нашего доступа становится бессмысленным вопросом. Условия нашего непосредственного доступа к бытию, окружающей реальности покоятся на тех характеристиках человеческого или социального существования, благодаря которым мы и воспринимаем эту реальность. Следовательно, необходимо исследовать и понять те характеристики, благодаря которым эта реальность становится доступной. Внимание исследователя должно быть обращено не на сам мир, предметы этого мира, а на те акты, в которых предметный мир конституируется. Бытие как коррелят человека соотносимо с его антропологическими и социальными качествами — вот истинный предмет онтологии. Таким образом, «корреляция», «доступ» — это фундаментальные модальности онтологии.

С учетом обозначенных выше социально-исторических и теоретических предпосылок «онтологического поворота» можно объяснить причины возобновления вопроса о возможности построения не-антропологической, реалистской онтологии. Очевидно, что эта возможность сопряжена прежде всего с необходимостью выхода за пределы хайдеггеровского отождествления онтологии и онтологии-для-нас и онтологического фундаментализма.

Имеются как внешние, так и внутренние причины для этого растождествления. Внешняя причина связана с необходимостью выхода за пределы суверенности. Об этом пишет Агамбен. Он подчеркивает, что «нацизм как “изначальное зло” имплицитно существовал в западной философии, и, в частности, в онтологии Хайдеггера, в форме «возможности, которая вписана в онтологию Бытия, озабоченного бытием, — Бытия — *dem es in seinem Sein um dieses Sein selbst geht*. Здесь предельно ясно выражена мысль, что нацизм укоренен в том самом опыте фактичности, на который как раз и опирается хайдеггеровская мысль и который философ обобщил формулой в своей «Ректорской речи»: «хотеть или не хотеть собственное бытие-здесь» [1, 193]. Но Агамбен не ограничивается констатацией этой поверхностной мысли: в какой-то точке «нацизм и мысль Хайдеггера радикально расходятся», поскольку последняя сопротивляется «биологическому и евгеническому» влечению, которое характеризует первое: «Если в современной биополитике политикой как раз и является сама жизнь, то здесь это единство... есть нерасторжимое единство, в котором голая жизнь становится неразличимой. Когда же чрезвычайное положение становится всеобщим правилом, жизнь *homo sacer*... оборачивается существованием, по отношению к которому суверенная власть не имеет более никакой силы» [Там же, 195].

Но имеется внутренняя причина, то есть внутренняя связь онтологии и нацизма. Эта связь обосновывается фундаментализмом любой онтологии и соответственно «онтологизацией онтического» (Т. Адорно), когда какое-то сущее наделяется статусом основания или причины сущего вообще. В этом своем качестве онтология становится элементом репрессивной сверхструктуры, которая не оспаривает, а поддерживает наличный социальный порядок.

Главный недостаток онтологии, и, в частности, «фундаментальной онтологии», это ее эссенциализм, занятый поисками самоотжественной истины. Фундаментальная онтология — это онтология сущности, которая образует нередуцируемое ядро сущего и которое остается самоотжественным и неизменным при всех эмпирических модификациях. Сущее понимается прежде всего как субстрат или субстанция, лежащие в основании этих модификаций и разделяющие как их форму, так и их материальность. Так что в одно и то же время сущее саморазличается в своей самоотжественности. Но это различие всегда предполагает предварительное тождество, которому оно подчиняется и которое определяет сущее в его бытии. Онтология с неизбежностью порождает идеологию в самых тоталитарных ее проявлениях. «Обществу, обновленному до статики, как оно видится апологетической идеологии, по-видимому, вообще не приписываются новые мотивы... Если проецировать регресс и уловки философии существующего на бытие, то бытие счастливо оправдано; если оно как просто существующее

с презрением осуждается, то извне можно безнаказанно растить и приумножать его несущность (*Unwesen*). Именно таким способом, чувствительные диктаторы избегают посещения концентрационных лагерей, а службы добросовестно действуют в соответствии с их указаниями» [3, 132–133].

Разъединение онтологии и фундаментализма влечет за собой далекоидущие философские последствия. Прежде всего речь идет не о простом переходе от фундаментализма к антифундаментализму, а о деконструкции области функционирования фундаментализма и фундаменталистских предпосылок. На самом деле, если невозможно просто выйти за пределы фундаментализма, отсюда следует, что не-фундаментализм продолжает в определенной степени деконструктивную работу в области фундаментализма и использует его ресурсы. Принципиальным в этом отношении является не отказ от понятия «основания», а его переформулировка. Например, Нанси пишет об основании, не имеющем основания; Э. Лаклау и Ш. Муфф — о горизонте; Дж. Батлер — о случайном основании [4, 235–257].

В отсутствие основания онтология не занимается описанием сущности или природы вещей. Она не дает абсолютную (вневременную, внеисторическую) перспективу чистой мысли, поскольку эта перспектива всегда уже локализована. Горизонт указывает не на эмпирически существующее, а на постоянно ускользающее основание. На смену фундаментальной онтологии приходит горизонтная онтология. Лаклау и Муфф, настаивая на возможности исторической динамики и гегемонических интервенций, описывают социальное как онтологический «горизонт», а не как онтологическое основание.

Батлер придерживается аналогичной точки зрения на то, что невозможно избавиться от понятия основания. Скорее, теоретик должен сосредоточить свое внимание на том, что исключается в процессе возведения основания. Таким образом, Батлер утверждает, что решающим в постфундаментализме является не отказ от основания и не просто антифундаменталистская позиция. Нефундаментализм и антифундаментализм суть версии фундаментализма. Задача скорее заключается в том, чтобы проблематизировать теоретическое движение, которое, с одной стороны, аксиоматизирует основание, а с другой — осуществляет исключения. Если невозможно избавиться от понятия основания, единственное, что остается, по мысли Батлер, «не сопротивляясь в целом, сопротивляться в частности – переопределять эти основания, делать понятия... местом постоянной открытости и возможности переобозначения» [Там же, 251]. В качестве альтернативы Батлер предлагает понятие «контингентного основания», которое призвано ослабить статус основания, не отказываясь от него полностью.

Итак, мы можем зафиксировать первое принципиальное отличие онтологического поворота в современной философии и социальной философии. Сущностная двойственность основания предполагает не отсутствие основания вообще, а отсутствие окончательного основания, поскольку только в отсутствие такого основания возможны основания вообще. Проблема, следовательно, ставится не с точки зрения не-оснований, а в перспективе «случайных оснований». В конечном счете под вопросом оказывается не существование основания, а его

случайный характер. Методологический сдвиг от оснований к их условию возможности можно охарактеризовать как спекулятивное движение: отсутствие окончательного основания выступает онтологическим условием возможности онтических оснований.

С этим первым отличием связано второе. Тогда как основание повторно вводит различие глубины-поверхности или внешнего-внутреннего, горизонт подразумевает постоянно отступающую, исторически меняющуюся пограничную линию, которая, будучи имманентной социальному, снимает стандартное различие внутреннего-внешнего. Эта неразрешимость внутреннего-внешнего является условием любой социальной практики: необходимость существует только как частичное ограничение области случайности. Именно в этой области конституируется социальное, где невозможны ни тотальная интериорность, ни тотальная экстериорность. Эту неразрешимую альтернативу внутреннего-внешнего Жижек описывает как «парадоксальную топологию», в которой поверхность («просто идеология») напрямую связывается и занимает место, то есть замещает то, что глубже, чем всякая глубина, то, что более реально, чем сама реальность [7, 30].

Деконструкция альтернативы внутреннего-внешнего направлена против социологического объективизма, уходящего корнями в «метафизику присутствия». Согласно социологическому объективизму общество трактуется как объективное единство, исходя из понятийно осмысленных оснований или законов движения. Объективизм предполагает, что социальная форма является проявлением некой сущности. Когда подобная логика сталкивается с «исключениями» — множеством социальных явлений, необъяснимых с точки зрения универсальных «оснований» или «законов движения», — проблема формулируется в ней в терминах недостаточности знания: неверного или неполного понимания тех универсальных законов, которые могли бы объяснить все разнообразие социальной жизни. При этом существование самих законов не подвергается сомнению.

«Парадоксальная топология» постулирует радикальный разрыв с этой логикой. При этом «исключения», необъективируемые нарушения социального порядка, границы объективности больше не считаются проявлением недостаточности знания, препятствием на пути к полному и непротиворечивому знанию об обществе, — они становятся необходимой чертой любой системы, «конститутивным внешним» (Э. Лаклау), без которого система не может определиться, но которое не позволяет ей определиться до конца.

Агамбен также подчеркивает усиливающуюся взаимозависимость онтологии и политической философии, которая определяет судьбу «*homo sacer*». Последнее предопределяет жизнь, которая находится «вне сферы всякого права, не принадлежит при этом и миру жертвоприношения»: обитатели лагеря лишены всех гражданских прав и именно по этой причине становятся воплощением «прав человека». На самом деле, будут ли иметь какое-либо значение права человеческой жизни вне конкретного правового порядка? Находясь в «зоне неразличимости» между священным и профанным, биологическим порядком «голой жизни» («*zoe*») и правовым порядком социально-политической жизни («*bios*»), «*homo sacer*» обозначает сам порог, который связывает и отделяет эти

две сферы. Данный факт редукции человеческих «объектов» к голой жизни составляет главный онтологический вызов политической философии. Если в XX в. мы наблюдали парадигматизацию чрезвычайного положения, тогда само различие между внутренним и внешним лишается смысла. Стало быть, нам надо научиться мыслить по ту сторону категорий и дистинкций вообще: «Любая попытка переосмыслить политическое пространство Запада должна начинаться с ясного понимания того, что нам больше недоступно классическое разделение на *zoe* и *bios*, на частную жизнь и политическое бытие, на человека — живого существа, обитающего в доме, и человека — субъекта политики, живущего в городе...» [1, 238].

Однако новая политика может возникнуть только в контексте новой онтологии и нового образа мышления. Последний только и может «возвратить мысль к ее практическому призванию», потому что глобальная дилемма современного чрезвычайного положения является не искажением античного разделения *zoe* и *bios*, а его логическим итогом. Политическая философия с самого начала основывалась на этом разделении жизни и политики. Но современный синтез жизни и политики открывает возможности радикального переосмысления совместной жизни, исходя из другого метафизического основания. Однако эта задача подразумевает «форму не-отношения» между онтологией и политикой [Там же, 82].

Человеческое, не-человеческое

Деконструкция понятия основания и альтернативы внутреннего-внешнего ведет к тому, что социальность предстает несамодостаточной целостностью. «Конститутивный внешний» не имеет ничего с внутренним, блокирует идентичность внутреннего, хотя и выступает предпосылкой его формирования. В статье «Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук» Ж. Деррида выступает против структуралистской концепции централизованной структуры, которая «является на самом деле понятием обоснованной игры, установленной на основе неподвижности и успокоительной, от игры уже избавленной, достоверности» [6, 352]. Это понятие принадлежит парадигме и традиции фундаментализма. Матрицей этой парадигмы является определение бытия как «присутствия» во всех смыслах. Деррида перечисляет только некоторые: «архее, телос, энергия, усия (сущность, существование, субстанция, субъект), алетейя, трансцендентальность, сознание, Бог, человек и т. д.» [Там же, 353]. Именно присутствие является той скрытой формой, основанием, началом, которое детерминировало движение всей западной философии.

Для Деррида метафизичность европейской философии состоит в привилегии настоящего времени. Решение вопроса о бытии, о преодолении метафизики, по его мнению, предполагает преодоление горизонта феноменологии и фундаментальной онтологии. Бытие не следует понимать как «абсолютное означаемое», а необходимо поместить в систему определений языка, поскольку метафизика — это всегда господство одной исторической формы. Сущее, присутствие, сущность, существование во всех своих смыслах связаны с формой причастия настоящего

времени. И переход к субстантиву предполагает обращение к третьему лицу. И тем не менее эта матрица пережила момент разрыва, который «свойствен не только философскому или научному дискурсу, это также и политический, экономический, технический и т. п. момент» [6, 355]. Без сомнения, этот разрыв обязан нашей эпохе, хотя он всегда уже заявлял о себе.

Когда Деррида объясняет трансцендентальную невозможность закрытия структуры, он предлагает два решения. С точки зрения классического критерия пределы тотализации обычно связываются с бесконечной неисчерпаемостью области, которой стремятся завладеть, так же как с конечностью эмпирического субъекта, стремящегося к этому обладанию и овладению. «Достижение целостности можно посчитать невозможным в классическом стиле: представив себе эмпирическое усилие субъекта или конечного дискурса, тщетно растрчиваемое им на бесконечное богатство, совладать с которым он никогда не сможет. Имеется избыток, имеется больше, чем можешь сказать» [Там же, 363]. Классическое решение предполагает, что тотализация области, например социальности, невозможна из-за ее эмпирической бесконечности и эмпирических границ того, кто пытается тотализовать. Множественность невозможно обосновать, поскольку она всегда оказывается чрезмерной для любого эмпирического субъекта. Но это не единственное решение, ибо необоснованность можно объяснить с точки зрения игры. Игра, которая понимается здесь как «бесконечность замещений», — это бесконечная рефлексия, «бесконечные отсылки» от одной вещи к другой, от одного зеркала к другому, от зеркала к вещи или образу. В отсутствие источника, центра эта игра избегает горизонта истины.

Но если социальное всегда определялось исходя из некоего «трансцендентального означаемого» как инварианта бытия, тогда вся история социальности должна быть помыслена как история различений-замещений «трансцендентального означаемого». Последнее, как инвариант бытия, принимает различные формы или имена: космос, природа, Бог, человек и т. д. Если центр не является центром, тогда он не имеет своего «естественного места». В отсутствие «трансцендентального означаемого» любое другое основание является функцией различений-замещений. Социальность несамодостаточна не по эмпирическим причинам, а потому, что основание или центр отсутствует. Более того, этот центр отсутствует не по какой-то случайной эмпирической причине, а в «принципе»: нехватка центра предписывает бесконечную игру замещений. В то время как классическое решение мыслит невозможность тотализации эмпирически, неклассическое — трансцендентально. Окончательное обоснование невозможно не потому, что социальность «слишком большая», а наши возможности ограничены, а потому, что отсутствие, будучи условием эмпирической возможности множественности, является условием трансцендентальной невозможности тотализации.

Если вопрос в этой связи стоит о новом определении отношения социального к внеположному онтологическому фундаменту, к тому, с чем оно соотносится, то современная социальная философия не может довольствоваться общепринятыми разграничениями областей. Переоценка отношения между региональным и фундаментальным открывают перспективу, которая, с одной стороны, выходит

за рамки отдельных областей, будь это социальность, или политика, или этика, а с другой стороны, преодолевает свои собственные границы и захватывает сцену бесконечной игры замещений-дополнений. Вот почему Нанси пишет: «В такой онтологии, которая не является “онтологией общества” в смысле “региональной онтологии”, но онтологией как “социальностью” или как “социацией”, более значительной, чем любое общество, чем любая “индивидуальность” и чем любая “сущность бытия”, в этой онтологии бытие есть *вместе*, оно есть в *качестве со-* самого бытия (со-бытие бытия)...» [13, 68]. Социальное рассматривается здесь не как производное и вторичное по отношению к собственно онтологии, но скорее как само условие возможности бытия. Более того, тезис об исходной социальности бытия открывает возможность мыслить отношение человеческого к не-человеческому, по крайней мере, не ограничивать социальное именем человека и общества.

В этой первоначальной или онтологической социальности «с одной стороны, мы не можем сказать определенно, что сообщество единичностей ограничивается “человеком” и исключает, например, “животное”... С другой стороны, если социальное бытие всегда является предикатом человека, то “человека” можно было бы мыслить, только исходя из сообщества» [14, 64]. Никакая форма репрезентации не в состоянии кодировать сообщество единичностей, которые исключают образ, природу и сущность человека. «Отсутствие какого-либо образа или сущности человека можно приписать сингулярности в качестве ее предиката, что указывает только на множество сингулярных бесосновных существований и их относительность. Более того, эта исходная социальность не ограничена только человеческим, она включает в себя любую сингулярность вне зависимости от того, воспринимается она как человеческая или нечеловеческая, органическая или неорганическая, живая или неживая. Сингулярности — это не просто люди и не только вещи, а все, что существует: камни, кошки, книги, мысли, города и т. д.» [9, 25].

Построение современной онтологии в ее множественности неизбежно связано с социально-философской или социально-онтологической проблемой, так как актуализируется онтологический статус практической жизни и деятельности людей. Построение новых онтологий, «онтологический поворот» в современной социальной теории указывают на то, что вопросы, традиционно относящиеся к области социальной практики, нуждаются в их онтологическом осмыслении.

Во-первых, сущностная двойственность основания как не-основания предполагает, что основание есть отсутствие основания в традиционном смысле и в то же время это отсутствие, не-основание, само есть некоторый способ основания.

Во-вторых, двойственность основания подразумевает постоянно отступающую, исторически меняющуюся пограничную линию, которая, будучи имманентной социальному, снимает стандартное различие внутреннего-внешнего. Эта неразрешимость внутреннего-внешнего является условием любой социальной практики: необходимость существует только как частичное ограничение области случайности. Именно в этой области конституируется социальное, где невозможны ни тотальная интериорность, ни тотальная экстериорность.

В-третьих, классическая теория определяет возможность тотализации эмпирически, неклассическая теория — трансцендентально. Окончательное обоснование

невозможно не потому, что социальность «слишком большая», а наши возможности ограничены, а потому, что отсутствие, будучи условием эмпирической возможности множественности, является условием трансцендентальной невозможности тотализации.

В-четвертых, социальное рассматривается уже не как производное и вторичное по отношению к собственно онтологии, но скорее как само условие возможности бытия. В такой онтологической социальности «если социальное бытие всегда является предикатом человека, то “человека” можно было бы мыслить, только исходя из сообщества» [14, 64].

-
1. Агамбен Дж. Номо Сасер. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.
  2. Агамбен Дж. Грядущее сообщество. М., 2008.
  3. Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2011
  4. Батлер Д. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. СПб., 2001.
  5. Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
  6. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000.
  7. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
  8. Кемеров В. Е. Меняющаяся роль социальной философии и антиредукционистские стратегии // Вопр. философии. 2006. № 2.
  9. Керимов Т. Х. Обновление гуманизма: его возможности и границы // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2018. Т. 13, № 3(179). С. 16–26.
  10. Керимов Т. Х. Предисловие // Современная социальная философия. Екатеринбург, 2015.
  11. Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма // Вопр. экономики. 2006. № 2.
  12. Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005.
  13. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск, 2004.
  14. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М., 2011.
  15. Badiou A. Being and Event. L., 2005.

Рукопись поступила в редакцию 22 июля 2019 г.

ПОДХОД К УТОЧНЕНИЮ СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ»

Неоднозначностью терминологического аппарата в концепции человеческого капитала обуславливается дискуссионность в формировании научных гипотез в теории. Целью исследования стала разработка концептуального подхода к уточнению сущности категории «человеческий капитал» с учетом формулировок в современной литературе и исторических предпосылок формирования концепции. С использованием технологий контент-анализа структурированы такие понятия, как «капитал», «человеческий капитал» и «трудовой потенциал». На основании терминологического анализа выделены особенности формирования капитала и человеческого капитала в общественных отношениях. Путем сравнительного анализа обособлены отличительные характеристики понятий «трудовой потенциал» и «человеческий капитал». Сформулировано понятие человеческого капитала с учетом функционального назначения, социальных и исторических оснований формирования категории.

К л ю ч е в ы е с л о в а: концепция человеческого капитала, человеческий капитал, капитал, трудовой потенциал, рабочая сила, человеческий фактор, общественные отношения.

Введение в исследовательскую проблему. Актуальность проблемы формирования и развития человеческого капитала обусловлена объективными потребностями современного этапа общемирового социально-экономического развития общества. Решающая роль в развитии любой страны мира принадлежит человеку как носителю богатства [18, 108]. К примеру, в США норма отдачи вложений на получение среднего образования составляет от 10 до 13 %, а вложений в получение высшего образования — от 8 до 10 %. Человеческий капитал является одной из важнейших форм инвестиций в развитых рыночных отношениях. По оценкам Всемирного банка, человеческий капитал превышает 80 % всех производительных богатств в Японии и 60 % в США [33, 20]. Человеческий капитал в условиях стремительных перемен определяет динамику и направленность общественного развития. Обеспечение его соответствия социальным ценностям и требованиям времени становится важной задачей целенаправленного социокультурного развития личности и общества [40, 1]. Мерой человеческого инновационного капитала, жизнеспособности и жизнестойкости общества становится его способность обеспечивать социальное пространство для созидательной, творческой деятельности людей [38, 1181]. Для обеспечения эффективной жизнедеятельности человека в условиях техногенной цивилизации необходима переориентация общественного сознания на приобретение качественно новых знаний и навыков, раскрытие интеллектуального человеческого капитала [24, 11].

Человеческий капитал в аспекте интеллекта, образованности и квалификации людей играет главенствующую роль в создании конкурентоспособной среды. Складывается новый мировой порядок, когда индустриально-инновационное развитие страны подразумевает высокие качественные параметры работников

[37, 445]. В обществе все значительнее возрастает интерес к формированию, накоплению и обогащению человеческого капитала. Главная цель общественного прогресса состоит в обеспечении реализации каждой личностью своего потенциала и ведения здоровой, творческой, активной жизни [11, 987]. Отсюда следует, что совершенствование качеств личности становится залогом и содержанием прогресса всего человечества. «Именно человек, а не заводы, оборудование и другие фонды нужно рассматривать как наиболее ценный ресурс постиндустриального общества». Это означает, что к человеку нужно относиться не как к фактору, а как к мощному социально-психологическому ресурсу совершенствования производства и развития общества [3, 3]. В связи с этим в новейшей истории экономических, социальных исследований одно из ключевых мест принадлежит теории человеческого капитала, основной категорией которой является «человеческий капитал» [29, 431].

Надо отметить, что в современной научной литературе категорию «человеческий капитал» рассматривают в узком и широком ракурсах, синонимизируют со многими другими категориями и т. п. В узком смысле одной из форм такого капитала является образование. Здесь человеческим его называют потому, что эта форма становится частью человека, а капиталом является вследствие того, что представляет собой источник будущих удовлетворений или будущих заработков либо того и другого вместе [31, 1]. В широком же смысле человеческий капитал формируется путем инвестиций или долгосрочных вложений капитала в человека в виде затрат на образование и подготовку рабочей силы на производстве, на охрану здоровья, миграцию и поиск информации о ценах и доходах [33, 19]. В широком смысле человеческий капитал представляет собой человеческий потенциал во всем его многообразии, который может быть направлен на созидание благ [31, 1]. В узком смысле человеческий капитал выступает как качество функционирующей рабочей силы, т. е. мера ее полезности, источник доходов для человека, предприятия, государства [18, 115].

Неоднозначность подходов к формулировке сущности человеческого капитала в теории порождает бесконечные дискуссии в научном сообществе о его использовании в процессе исследований, что актуализирует необходимость уточнения его содержания. Уточняя терминологию, необходимо учитывать, что она является важным инструментом формулирования научных гипотез в науке, их доказательства или опровержения. Понятийный аппарат теории можно рассматривать как универсальную систему языковых определений. В противном случае будет формироваться производный исследовательский круг и вместо решения прикладных задач ученые снова и снова будут спорить о терминологическом инструментарии.

Целью исследования стала разработка концептуального подхода к уточнению сущности категории «человеческий капитал» с учетом формулировок в современной литературе и исторических предпосылок формирования концепции. В ходе исследования были решены следующие задачи научного поиска: терминологический анализ понятия «капитал» и определение исторических предпосылок его формирования, сравнительный анализ сущности понятий «трудовой потенциал»

и «человеческий капитал», выделение основных признаков человеческого капитала и уточнение его сущности в рамках концепции человеческого капитала.

Литературный обзор. Концепция «человеческого капитала» не возникла стихийно, а явилась закономерным результатом развития мировой философской, а затем и экономической мысли. Как отмечает Е. М. Самородова, важнейшая предпосылка исследований в интересующей нас научной сфере — это «тезис о том, что человек является одновременно и производителем, и потребителем материальных благ» [6, 124]. Первую попытку оценить денежную стоимость производительных качеств человека сделал Уильям Петти (1623–1687) — родоначальник английской классической политэкономии. Он отмечал, что богатство общества зависит от характера занятий людей, различая бесполезные занятия и занятия, которые «повышают квалификацию людей и располагают их к тому или иному виду деятельности, которая сама по себе имеет огромное значение» [32, 105]. Уильям Петти видел также большую пользу в общественном образовании.

В отличие от Уильяма Петти, который включал в человеческий капитал стоимость как трудоспособного, так и нетрудоспособного населения, Адама Смита (1723–1790) интересовало преимущественно население в трудоспособном возрасте [39, 654]. Идея человеческого капитала нашла отражение в труде Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). В труде «Начала политической экономии и налогового обложения» Давид Рикардо (1772–1823) также рассматривает основной набор издержек по созданию человеческого капитала, подчеркивая роль образования в формировании богатства нации: во многом именно недостатком образования во всех слоях народа объясняет он разный уровень экономического развития стран [34, 87]. Карл Маркс (1818–1883) определил рабочую силу (способность к труду) как «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости». Он отметил, что «стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли... Стоимость рабочей силы есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца». Он указывал, что совершенствование производительной силы труда определяется во многом созидательными, умственными способностями человека, для развития которых необходимо свободное время [27, 756].

В конце XIX–XX в. такие экономисты, как Дж. Маккуллох, Ж. Б. Сэй, Дж. Милль, Н. Сениор, считали, что приобретенные человеком способности к труду следует рассматривать как капитал в его «человеческой» форме». По вопросам формирования и использования человеческого капитала выражали свою точку зрения и русские ученые. Среди них М. И. Туган-Барановский (1865–1919), который отмечал своеобразие рабочей силы как товара, отличающее его от всех без исключения других товаров: «Все остальные товары представляют внешние продукты или средства хозяйственной деятельности человека, хозяйственные объекты. Рабочая сила человека — это сам человек, т. е. не объект, а субъект

хозяйства» [7, 432]. Известный русский ученый Д. И. Менделеев (1834–1907) писал: «Образование есть благоприобретенный капитал, отвечающий затрате времени и труда и накоплению людской мудрости» [5, 227].

Таким образом, проблема развития человеческого капитала имеет глубокие корни в истории социально-философской мысли. Научные исследования классиков мировой экономической мысли позволили на рубеже 50–60-х гг. XX в. сформироваться теории человеческого капитала.

Что представляет собой человеческий капитал как явление? Следует отметить, что человеческий капитал представляет собой весьма сложное, комплексное явление. Оно само вбирает в себя такие разнопорядковые явления, как вклад образования в экономический рост, спрос на образовательные и медицинские услуги, возрастная динамика заработков, различия в оплате мужского и женского труда, передача экономического неравенства из поколения в поколение и т. д.

В последнее время в обществоведческих кругах часто говорится о человеческом капитале как о необходимом ресурсе повышения конкурентоспособности государства в целом, а также его экономики и всех трудоспособных граждан.

Являясь функциональной составляющей инновационного производства, человеческий капитал обобщает знания, навыки, практический опыт, одухотворенные интеллектуальной активностью, выступает формой реализации интеллектуальных, нравственно и культурно ориентированных способностей человека и создания нового, ранее неизвестного знания, обеспечивающего получение интеллектуальной ренты и различного рода преимуществ перед конкурентами. Более того, совершение инвестиций и грамотное управление способствует успешной работе предприятия [4, 48].

Во второй половине XX в. в научный и организационно-практический оборот термин «человеческий капитал» ввели экономисты, в частности, лауреаты Нобелевской премии американские ученые Теодор Шульц и Гари Беккер [10, 385; 36, 1]. Первый из них начал исследовать то, что он называл «человеческим капиталом», в начале 60-х гг. прошлого века. В 1964 г. Теодор Шульц опубликовал монографию «Преобразование традиционного сельского хозяйства», которая определила принципиально новые подходы в развитии экономической науки [36, 15]. В этой и последующих своих работах он показал, что образовательный уровень населения предопределяет его способность использовать информацию и технологию для экономического развития. Т. Шульц писал, что улучшение благосостояния бедных людей зависело не от земли с ее недрами, а скорее от знаний. Он назвал этот качественный аспект экономики человеческим капиталом [Там же, 17].

Т. Шульц является пионером в обосновании человеческого капитала как важного экономического ресурса общества. Кстати, Т. Шульц отмечал, что помимо образования человеческий капитал должен включать в себя и состояние здоровья [Там же, 14].

Другой автор теории человеческого капитала, Гари Беккер, вкладывает в понятие «человеческий капитал» знания, навыки и способности человека, которые содействуют росту его производительной силы. В своей Нобелевской лекции в 1992 г. он отметил, что человеческий капитал состоит из приобретенных навыков,

знаний, мотиваций и энергии, которыми наделены человеческие существа и которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях производства товаров или услуг. Он создал модель человеческого капитала и издал по этому поводу монографию «Человеческий капитал» [10, 389].

А. А. Хамидов, обращаясь к пониманию человеческого капитала в философском смысле, различает в человеческом капитале две ипостаси: 1) субъектную и 2) социумную. В первой ипостаси человеческий капитал представляет собой всю полноту атрибутов субъектной достаточности человека. Поэтому развитие и совершенствование человеческого капитала является онтологической самоцелью субъекта, подразумевающей гармонизацию с развитием и совершенствованием всех других. В своей второй ипостаси человеческий капитал выступает как определенность для наличного социума. Поскольку любой социум конкретно-историчен, своецентричен и имеет тенденцию подчинения жизнедеятельности образующих его субъектов задачам своего воспроизведения и развития, то не любые атрибуты субъектной ипостаси человеческого капитала оказываются востребованными и поддерживаемыми наличным социумом [3, 217].

Каким же путем возможно формирование, развитие и совершенствование человеческого капитала в условиях подобного разделения? А. А. Хамидов, как и многие другие философы современности, связывает этот путь в первую очередь с кардинальным совершенствованием системы образования, появлением радикально обновленного единого воспитательно-образовательного комплекса. Приоритетность образовательно-воспитательной сферы в формировании человеческого капитала, отмечает он, связана с ее способностью оказывать близкое к тотальному влияние как на человека, так и на все сферы социума. «Ведь она формирует всех членов общества, независимо от их статуса и положения в социумной стратификации. Сквозь нее проходит каждый... индивидуум, прежде чем занять то или иное место в материальном производстве, в науке, политике и т. д., включая и самую систему образования. Система образования-воспитания должна пробуждать у обучающихся-воспитуемых желание и волю к выработке правильного мировоззрения и универсально-человеческих ценностей. Только так образованный и воспитанный человек является личностью, которую метафорически-метафизически можно назвать человеческим капиталом человечества» [Там же, 262].

Но почему в условиях наличного социума и соответствующей системы образования у человека практически нет возможности подняться на более высокий уровень развития и стать личностью, а следовательно, сформироваться в качестве подлинного «человеческого капитала»? Все дело в том, считает казахстанский философ В. С. Батурин, что приоритет в разработке стратегии социального развития, в том числе и сферы образования, остается не за деятельностью, а за экономической онтологией, благоприятствующей доминированию отношений «господство–подчинение» и принципов «субъект-объектной» парадигмы социальной самоорганизации [2, 116]. А это значит, что общество функционирует в режиме, когда одна, и при этом наименьшая по численности, его часть в силу различного рода причин, где экономический фактор играет далеко не последнюю роль, выступает в роли «социального субъекта». В силу этой своей «субъектоподобности»

она всегда находила, да и сегодня находит, возможность в той или иной форме использовать свое более многочисленное «объектоподобное» окружение в качестве орудия или средства при достижении ею своих личных или иного рода социумно-детерминированных потребностей, интересов и целей. Поэтому нужны поиск путей и способов формирования «качественно иной рефлексивной культуры мышления», привитие «иной, новой культуры организации всех видов коммуникации», разработка стратегий по овладению «иной культурой организации любого вида деятельности вообще» [2, 119].

Таким образом, основываясь на анализе существующих подходов в этимологии дефиниции «человеческий капитал», следует отметить, что многие ученые подразумевают под данным понятием экономический капитал, то есть фактор, формируемый в процессе производства, фундаментальную основу производства, отождествление категории «человеческий капитал» с рабочей силой, трудовым потенциалом, расходами на образование и знаниями, которые воплощены в человеке. Все это искажает содержание категории «человеческий капитал» и усложняет ее практическое применение

Следует признать, что, несмотря на значительные достижения ученых-теоретиков, текущая траектория развития представлений о человеческом капитале, как одной из основных категорий в науке, требует существенной корректировки как с точки зрения исторических особенностей развития процесса производства, так и с точки зрения особенностей формирования ценностей общества и возможностей развития навыков человека.

Методология и методы исследования. Для уточнения содержания понятия «человеческий капитал» в качестве научного метода познания автором использован метод контент-анализа. Это метод количественного изучения текстовых данных, суть которого заключается в расчленении текстовых данных на структурные элементы, обнаружении ключевых слов в документах с определением частоты их упоминаний. Данный метод является ведущим в исследовании сущности понятий, содержания сообщений средств массовой информации, ответов на вопросы социологических исследований [20, 29]. Контент-анализ реализован в программном продукте TextAnalyst. С помощью семантического анализа как инструмента текстомайнинга формируется семантическая сеть — совокупность терминов, выделенных с анализируемого понятия (слов и словосочетаний), связанных между собой по содержанию. В процессе семантического анализа допускается, что структуру (S) совокупности определений одного понятия можно представить следующим образом [1, 222]:

$$S = \{M, F\}, \quad (1)$$

где M — совокупность всех исследуемых определений; F — соотношение «содержательная связь».

В качестве формальной модели структуры понятия формируется семантическая сеть, имеющая форму ориентированного графа:

$$G = (E V), \quad (2)$$

где E — совокупность вершин, которой соответствует совокупность связанных понятий; V — совокупность ориентированных дуг. При этом выполняется условие

$$v = (MF) \in V, M \in E \wedge F \in E. \quad (3)$$

Дуга V выходит с вершины, которая отвечает основному понятию a , и входит в вершину соответствующего понятия, которое объединяется по смыслу в тексте (часто используются в объединении) с понятием a . Каждый элемент семантической сети категории характеризуется числовой оценкой — «содержательная связь». Связи между парами понятий также характеризуются весами, позволяющими сравнить относительный вес термина.

В семантической графе количественный показатель, стоящий рядом с понятием, характеризует его содержательный вес. Его значение в пределах от 1 до 100 отражает значение термина для сущности всего понятия. Так, максимальное значение, равное 100, свидетельствует о том, что термин является ключевым и определяет содержание понятия. Число, которое стоит на дугах семантической сети, характеризует вес связи между соответствующими дефинициями. Большое значение веса связи между понятиями указывает на то, что термины существенно связаны между собой [1, 222].

Результаты исследования. Семантическая сеть определения сущности понятия «капитал» с позиции классиков экономической, политической и философской мысли представлена на рис. 1.

Ключевым термином при определении понятия «капитал» является «богатство», содержательный вес которого составляет 82 %. Также под капиталом понимают «запасы» (частота упоминаний 70 %), «доход» (52 %), «фактор производства» (41 %), «благо» (37 %), «деньги» (22 %), «продукт» (19 %), «ценности» (11 %), «дисконтированный доход» (4 %), серебро (4 %), «золото» (4 %).

Семантическая сеть определения сущности понятия «капитал» современных авторов представлена на рис. 2.

Наиболее часто используемые термины: «вклад» (частота упоминаний 91 %), «стоимость» (87 %), «фактор производства» (82 %), «совокупные ресурсы» (81 %), «средства» (79 %), «источник дохода» (78 %), «первоначальная сумма средств» (71 %).

Семантическая сеть сущности понятия «человеческий капитал» представлена на рис. 3.

Наиболее часто используемые термины: «человек, индивид, работник» (частота упоминаний 100 %), «трудовые ресурсы» (90 %), «развитие» (89 %), «знания» (87 %), «навыки» (87 %), «умения» (85 %), «возможности» (82 %), «способность» (81 %), «практические» (80 %), «профессиональные» (78 %), «мотивация» (73 %), «здоровье» (70 %).

Семантическая сеть формулировки ученых содержания категории «трудовой потенциал» представлена на рис. 4.

Наиболее часто используемые термины: «труд (трудовые ресурсы)» (частота упоминаний 100 %), «возможности» (92 %), «ресурсы» (90 %), «способность»

Рис. 1. Семантическая сеть определения сущности понятия «капитал» с позиции классиков

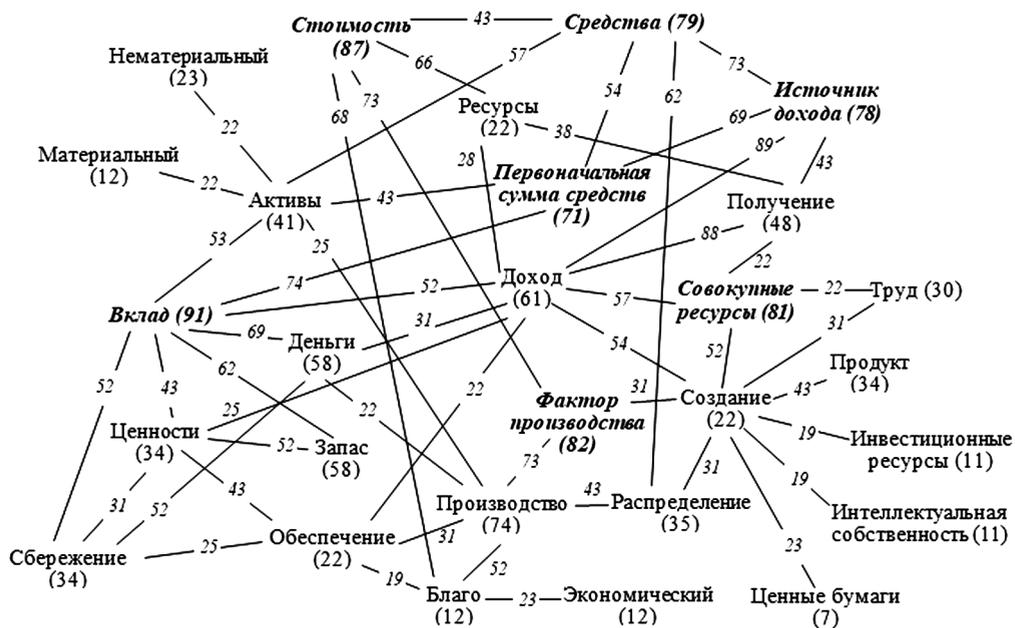

Рис. 2. Семантическая сеть определения сущности понятия «капитал» в современной науке

Рис. 3. Семантическая сеть определения сущности понятия «человеческий капитал»

Рис. 4. Семантическая сеть определения сущности понятия «трудовой потенциал»

(88 %), «знания» (88 %), «не выявленный» (86 %), «факторы» (81 %), «материальные» (75 %), «объект» (73 %), «признак» (71 %).

Обсуждение. На основании исторического анализа и контент-анализа автором обозначено, что, несмотря на разнообразие мнений ученых в экономической теории, можно обобщить понятие «капитал» как некое богатство материальной формы, создаваемое соответствующим трудом, используемое в дальнейшем производстве товаров и услуг и приносящее доход его владельцу (см. рис. 1). Но следует отметить, что, ссылаясь на выделенные подходы классиков, нельзя согласиться с мнением, что капитал представляет собой богатство (частота упоминания в анализируемых источниках максимальная — 82 %, рис. 1). Как в прошлом, так и в современных условиях экономического развития богатством является определенная ценность, находящаяся в распоряжении или отдельного экономического субъекта, или общества [15, 17; 17, 53; 41, 86]. То есть это определенная сумма потребительской стоимости, массы благ, которая образуется, потребляется и накапливается [15, 23; 17, 61]. Тогда как главной особенностью капитала является процесс его обращения с целью получения прибыли, то есть его самовозрастающая стоимость [27, 813].

Физиократы, классики, марксисты, неоклассики и кейнсианцы изучали капитал и, критикуя взгляды друг друга, пытались установить его сущность и природу в целом, но только институционалисты обратили внимание на социальные факторы, непосредственно влияющие на образование капитала. Указанные научные школы способствовали возникновению ряда подходов, которые сейчас и формируют теоретический базис для расширения формулировки содержания понятия «капитал». То есть капитал стал рассматриваться как базовая и системообразующая категория науки и практики хозяйствования на всех уровнях функционирования экономической системы. Однако поскольку первичным звеном экономики выступало предприятие (субъект хозяйствования), то категория «капитал» в первую очередь отражала особенности его функционирования в процессе общественного воспроизводства. Данное условие понимания сущности капитала объясняет, почему ученые XIX — первой половины XX столетия не рассматривали и не оперировали таким понятием, как «человеческий капитал».

Понятие «капитал» зарождалось в условиях становления первичного накопления капитала, основывавшегося на принудительном и массовом труде. Следовательно, можно констатировать, что для зарождения и функционирования той или иной формы капитала необходимы определенные условия. Для того чтобы знания функционировали в качестве капитала, необходимо обеспечение соответствующих политических, социальных, экономических и культурных условий в обществе (это касается и других форм капитала). Однако в этом случае необходимые условия должны быть воспроизведены гораздо раньше, чтобы стать базисом для развития тех или иных форм капитала. Только в современных условиях стал возможным переход от примитивных к прогрессивным знаниям, к приоритету профессиональной компетентности. Именно результаты длительного обучения, постоянные

инвестиции в образование и ознаменовали возникновение принципиально иной формы капитала — человеческого капитала.

Оперирование дефиницией «человеческий капитал» стало основанием для осознания того, что способности человека как неотъемлемое личное достояние каждого индивида приобретают форму капитала в результате продолжительного развития общественных отношений в процессе использования человеческих способностей в определенных условиях функционирования рыночной экономики. Фактором необратимости таких преобразований и устойчивости их развития стала непрерывность научно-технического прогресса, усложнения технологических операций и внедрения новейших технических разработок в производственную практику и проч. Во времена же К. Маркса трансформация взаимоотношений между капиталом и наемным трудом, которые обуславливалась развитием машинного производства, находилась в зачаточном состоянии, что делало невозможным трактовку проблем формирования и использование производительных способностей человека с позиций экономического учения о капитале. Поэтому ученые-теоретики XIX в. были объективно не готовы признать специфичность категории «знание», дать ему исчерпывающую характеристику с позиций капиталовложений в образование и развитие профессиональной компетенции трудовых ресурсов в рамках индустриального типа общества.

Общее определение сущности категории «капитал» современными учеными-экономистами выходит за рамки функционирования общественного воспроизводства и дает возможность разрабатывать собственные концепции о понимании данной категории и структуры капитала. Исследование сущности дефиниции «капитал» позволяет утверждать, что современные определения слишком неоднозначны и сводятся к пониманию капитала как «стоимости», «источника дохода», «средства», «первоначальной суммы средств», «совокупных ресурсов», «фактора производства», «богатства» и т. д. (см. рис. 2). То есть современные ученые все больше рассматривают капитал как особенный экономический ресурс. Такой подход основывается на сравнении полезности благ во времени (частота цитирования как «стоимость» 87 % и как «первоначальная сумма средств» 71 %). Но в рамках контент-анализа сущности капитала можно также выделить его формулировку как определенного вклада, обеспечивающего его собственнику получение определенного дохода в будущем («вклад» 91 %, «источник дохода» 78 %). Такая концепция и послужила основанием для зарождения теории человеческого капитала.

С процессом становления постиндустриального общества научно-технический прогресс стал источником прибавочной стоимости, по сравнению с которым все меньше отводится роль источнику — рабочей силе как непосредственному производителю [27, 917]. И если капитал и труд были главными структурными компонентами индустриального социума, то информация и знание — основанием общества постиндустриального типа [22, 663]. Именно человеческий капитал рассматривается в качестве основного экономического отношения современного постиндустриального общества. Во главу угла стала проблематика квалификационного уровня работающих, затрат на профессиональную подготовку и их влияния

на стоимость производимого продукта. При таких условиях оказываются доминирующими не проблемы количества труда, а проблемы его качества, обеспечение которой требует существенных капиталовложений в образование и профессиональное развитие вне зависимости от пола и возраста трудоспособного человека.

Основываясь на терминологическом анализе сущности капитала учеными в современной науке, капитал представлен как производный фактор процесса производства от земли и труда (частота упоминания 82 %) [16, 246; 26, 423; 28, 90; 30, 49]. То есть комбинация в трудовом процессе природных ресурсов и человеческого труда формирует стоимость, выступающую в роли капитала. Следовательно, капитал как экономический феномен возникает на определенной стадии общественных взаимоотношений. Тогда как человеческий капитал возникает при обеспечении определенных условий на данной стадии общественных взаимоотношений, что дает основание утверждать, что понятие «человеческий капитал» и как экономический феномен является производным от капитала. Такой подход опровергает мнение некоторых ученых о производности капитала от человеческого капитала в силу точки зрения, что знаниями, умениями и способностями человека формируется капитал как таковой [12, 1225; 35, 146; 40, 5].

Неоднозначность формулировки категории «человеческий капитал», как показали исследования, основывается на категориальных взаимосвязях между формами капитала. Под человеческим капиталом подразумеваются навыки, знания, профессиональные умения, практический опыт, мотивация, здоровье и прочие упоминания («развитие» (89 %), «знания» (87 %), «навыки» (87 %), «умения» (85 %), «опыт» (82 %), «способность» (81 %), «практические» (80 %), «профессиональные» (78 %), «мотивация» (73 %), «здоровье» (70 %) (см. рис. 3). При этом нивелируется факт доходности как признак капитала, что стимулирует прогрессивные социально-экономические преобразования. Категория «человеческий капитал» свидетельствует о характере и закономерности распределения общественного продукта между слоями населения [12, 1237; 13, 1], о статусе и социальной роли отдельных социальных слоев общества [25, 311; 35, 146], о потенциале повышения уровня и качества жизни наемного работника [8, 969; 9, 347; 19, 350; 21, 928]. И если в рамках проблематики «трудового потенциала» знания и профессиональные навыки представляются в качестве возможности достижения определенных экономических целей, то в плоскости «человеческого капитала» как экономического феномена — в рамках способности приносить доход владельцу этих знаний. «Знание» как «знание» и «знание» как «капитал» содержат разный смысл.

Основным аспектом проблематики человеческого капитала представляется не генерирование знаний и их полезность, а результативность применения имеющихся знаний и их развитие. Суть концепции человеческого развития, теоретическим ядром которой выступает парадигма человеческого капитала, заключается в том, что благосостояние людей оценивается по их возможности вести достойную жизнь, а не по уровню дохода населения, который рассматривается как условие, расширяющее возможности человека в таких областях, как здравоохранение, образование, экономическая и общественная деятельность [19, 381]. В качестве

наиболее актуальных проблем рассматриваются следующие: прожить долгую и здоровую жизнь, получить знания и иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни. Все эти проблемы сопряжены с вопросами занятости, повышения доходов населения и решения проблемы бедности. Таким образом, человеческое развитие ведет к созданию такой окружающей экономической, социальной, политической и экологической среды, которая способствовала бы возрастанию человеческого потенциала и его реализации в форме человеческого капитала во всех основных сферах человеческого и общественного бытия.

Исследование показало, что в современной литературе многие авторы однозначно толкуют содержания категорий «человеческий капитал» и «трудовой потенциал» [14, 223; 23, 195]. Их мнения сходны и по категориям в цитировании данных понятий: «знание», «возможности», «способность» (см. рис. 4). Но, основываясь на сущности общей дефиниции «потенциал», можно утверждать, что содержание категории «трудовой потенциал» заключается в отражении ценности сочетания имеющегося интеллекта трудоспособного человека при определении приоритетов в решении тех или иных задач при определенных внешних условиях и обстоятельствах. То есть в рамках теории человеческого капитала трудовой потенциал будет представлять собой совокупность конфигурации умений и знаний, профессиональных компетенций, обеспечивающих потенциальную способность к принесению прибыли.

Таким образом, основываясь на исторических, экономических и социальных основаниях развития концепции человеческого капитала, результатах контент-анализа понятий «капитал», «трудовой потенциал» и «человеческий капитал», под категорией «человеческий капитал» следует понимать актив, формируемый в процессе инвестирования в генерирование знаний и модификацию производительных способностей индивида в ходе трудовой деятельности, что обеспечивает определенный доход участникам инвестиционно-производственного процесса. Использование доходности как одной из основных сущностных характеристик человеческого капитала подтверждает тот факт, что в тех странах, где знания и результативные способности человека функционируют в форме капитала, граждане в целом живут лучше. Они получают заработную плату, которая не только покрывает их расходы, связанные с необходимостью воспроизводства рабочей силы, но и содержит некоторый избыток, благодаря которому приумножается их материальное состояние, повышается качество досуга и т. п. Но в тех странах, где знания, вследствие ряда причин, не приобрели признаки капитала, наблюдается низкий уровень качества существования подавляющего большинства наемных работников и их семей. Вместе с тем естественной является ситуация, когда в одном и том же обществе часть трудоспособного населения характеризуется с точки зрения собственника трудового капитала, а другая часть — без наличия данного актива. Вопрос только в соотношении соответствующих групп населения. Так или иначе ни одно общество не может обойтись без простого (физического), в том числе неквалифицированного, труда. Данные вопросы, основываясь на результатах данного исследования, станут базисом для дальнейших наших научных разработок.

В заключение отметим, что понятие «капитал» является первичным относительно категории «человеческий капитал», так как формируется на определенных стадиях общественных взаимоотношений, а человеческий капитал — только при обеспечении определенных условий на данных стадиях общественных взаимоотношений.

Неоднозначность формулировки категории «человеческий капитал» основана на категориальной взаимосвязи между формами капитала в науке и нивелированием в толкованиях понятия факта доходности как признака капитала и человеческого капитала, в частности как основы социально-экономических преобразований и развития. К тому же употребление учеными человеческого потенциала как синонима категории «трудовой потенциал» не отражает главный признак категории — результативность применения имеющихся знаний и их развитие в общественных отношениях.

С учетом выявленных основных особенностей категорий «капитал», «трудовой потенциал» и «человеческий капитал» в исследовании уточнено содержание сущности понятия «человеческий капитал» как актива, формируемого в процессе инвестирования в генерирование знаний и модификацию производительных способностей индивида в ходе трудовой деятельности, что обеспечивает определенный доход участникам инвестиционно-производственного процесса. Такой подход, в отличие от существующих формулировок, отражает наиболее комплексно характеристики капитала, способности к применению знаний и условия их применения. Это формирует теоретические основания для усовершенствования теоретической базы и терминологического аппарата концепции человеческого капитала.

---

1. Барсегян А. А., Куприянов М. С., Степаненко В. В., Холод И. И. Технологии анализа данных: Data Mining, Visual Mining, Text Mining, OLAP. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2007.

2. Батурич В. С. Состояние и проблемы постсоветского образования в контексте теории деятельности // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2012. № 118(7). С. 114–120.

3. Изотов М. З., Сарсенбаева З. Н., Хамидов А. А. Формирование человеческого капитала в независимом Казахстане: социально-философский анализ. Алматы, 2011.

4. Кончакова Л. Н., Чузунтова С. В. Человеческий капитал и инвестиции в человеческий капитал предприятия // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. № 3(13). С. 48–50.

5. Менделеев Д. И. Заветные мысли: Полное издание. М., 1995.

6. Самородова Е. М. Человеческий капитал: особенности функционирования, накопления, использования. СПб., 2008.

7. Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. Донецк, 2004.

8. Atalay R. The Education and the Human Capital to Get Rid of the Middle-income Trap and to Provide the Economic Development. Procedia // Social and Behavioral Sciences. 2015. № 174. P. 969–976.

9. Baten J., Ma D., Morgan S., Wang Q. Evolution of living standards and human capital in China in the 18–20th centuries: Evidences from real wages, age-heaping, and anthropometrics // Explorations in Economic History. 2010. № 47(3). P. 347–359.

10. Becker G. S. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior // Journal of Political Economy. 1993. № 101(3). P. 385–409.

11. Belousova A. Development of a Personal Potential in Collaborative Thinking Activity. Procedia // Social and Behavioral Sciences. 2015. № 171. P. 987–994.

12. *Bjornskov C., Sonderskov K. M.* Is Social Capital a Good Concept? // *Social Indicators Research*. 2013. № 114(3). P. 1225–1242.
13. *Calcagnini G., Perugini F.* Social capital and well-being in the Italian provinces // *Socio-Economic Planning Sciences*. 2018. Nov.
14. *Delogu M., Docquier F., Machado J.* Globalizing labor and the world economy: the role of human capital // *Journal of Economic Growth*. 2018. № 23(2). P. 223–258.
15. *Elinder M., Erixson O., Waldenström D.* Inheritance and wealth inequality: Evidence from population registers // *Journal of Public Economics*. 2018. № 165. P. 17–30.
16. *Escribá-Pérez F. J., Murgui-García M. J., Ruiz-Tamarit J. R.* Economic and statistical measurement of physical capital: From theory to practice // *Economic Modelling*. 2018. № 75. P. 246–255.
17. *Estrada-Mejía C., de Vries M., Zeelenberg M.* Numeracy and wealth // *Of Economic Psychology*. 2016. № 54. P. 53–63.
18. *Faria H. J., Montesinos-Yufa H. M., Morales D. R., Navarro C. E.* Unbundling the roles of human capital and institutions in economic development. *European Journal of Political Economy*. 2016. № 45. P. 108–128.
19. *Gilleskie D. B., Han E., Norton E. C.* Disentangling the contemporaneous and dynamic effects of human and health capital on wages over the life cycle // *Review of Economic Dynamics*. 2017. № 25. P. 350–383.
20. *Graneheim U. H., Lindgren B.-M., Lundman B.* Methodological challenges in qualitative content analysis: A discussion paper // *Nurse Education Today*. 2017. № 56. P. 29–34.
21. *Hayek M., Thomas C. H., Novicevic M. M., Montalvo D.* Contextualizing human capital theory in a non-Western setting: Testing the pay-for-performance assumption // *Journal of Business Research*. 2016. № 69(2). P. 928–935.
22. *Hoey B. A.* Postindustrial Societies // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. 2015. P. 663–669.
23. *Holcombe R. G.* Capital and labor, Past and present, in the context of Piketty's Capital // *The Review of Austrian Economics*. 2015. № 28(2). P. 195–207.
24. *Kianto A., Sáenz J., Aramburu N.* Knowledge-based human resource management practices, intellectual capital and innovation // *Journal of Business Research*. 2017. № 81. P. 11–20.
25. *Koziol W.* The Concept of Measurement and Reporting of Human Capital // *The Impact of Globalization on International Finance and Accounting*. 2017. P. 311–318.
26. *Lewin P., Cachanosky N.* Substance and semantics: The question of capital // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2018. № 150. P. 423–431.
27. *Marx K.* Capital. Wordsworth Editions. 2013. P. 1168.
28. *Missemer A.* Natural Capital as an Economic Concept, History and Contemporary Issues // *Ecological Economics*. 2018. № 143. P. 90–96.
29. *Na L., Ying Q.* A Study on the Recent Application of the Human Capital Theories in China // *Business, Economics, Financial Sciences, and Management*. 2012. № 143. P. 431–435.
30. *Oliver T. H.* Is the Concept of 'Natural Capital' Useful? // *Debating Nature's Value*. 2019. P. 49–54.
31. *Ono T., Uchida Y.* Human capital, public debt, and economic growth: A political economy analysis // *Journal of Macroeconomics*. 2018. № 57. P. 1–14.
32. *Petty W.* Political Arithmetick. Hansebooks, 2018. P. 148.
33. *Psacharopoulos G., Patrinos H. A.* Returns to Investment in Education // *A Decennial Review of the Global Literature*. 2018. Policy Research Working Paper, 8402. Retrieved January 25, 2019, from [Electronic resource]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/442521523465644318/pdf/WPS8402.pdf> (accessed: 30.04.2019).
34. *Ricardo D.* On the Principles of Political Economy, and Taxation. Cambridge, 2015. P. 82–89.
35. *Scheffler R. M., Rocco L., Averett S. L.* Social Capital and Health: A Concept whose Time has Come // *Eastern Economic Journal*. 2014. № 40(2). P. 146–149.
36. *Schultz T. W.* Investment in Human Capital // *The American Economic Review*. 1971. № 51(1). P. 1–17.

37. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution: what it means, how to respond // World Economic Forum. Retrieved January 22, 2019, from [Electronic resource]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/> (accessed: 30.04.2019).

38. Skytt-Larsen C. B. The influence of the early formation of human and social capital on inventiveness: perspectives from a Swedish case study // GeoJournal. 2018. № 83(6). P. 1181–1192.

39. Smith A. Wealth of Nations. Hertfordshire, 2012.

40. Tomoko H. Social and Cultural Development of Human // Encyclopedia of Life Support Systems. Retrieved January 22, 2019, from [Electronic resource]. URL: <http://www.eolss.net/sample-chapters/c11/e1-11-00-00.pdf> (accessed: 30.04.2019).

41. Yum M. On the distribution of wealth and employment // Review of Economic Dynamics. 2018. № 30. P. 86–105.

Рукопись поступила в редакцию 20 мая 2019 г.

УДК 17.023.1 + 165.6/.8 + 141.333

Д. А. Томильцева

АНТРОПОМОРФИЗМ – ШАГ К ТЕОРИИ ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ ЭТИКИ?*

В то время как проблема антропоморфизма чаще всего исследуется в гносеологическом ключе, в данной статье она раскрывается в необычном ракурсе: антропоморфизм рассматривается в контексте обновления гуманизма в философии, а также связанного с ним переосмысления образа человека в этике и этологии. На примере работ Ф. де Ваала, В. В. Бибахина и Дж. Беннет показывается, как проблема антропоморфизма связана с преодолением антропоцентризма и проектом построения горизонтальной этики на основании плоской онтологии.

Ключевые слова: этика, антропоморфизм, антропоцентризм, горизонтальная этика, виталистический материализм, этология, гуманизм

Проблема антропоморфизма не часто поднимается в этическом преломлении, гораздо более привычно говорить о ней в гносеологическом ключе. Между тем такое невнимание совершенно незаслуженно, поскольку обращение к антропоморфизму позволяет проследить изменения, связанные с репрезентацией человека в этике XX–XXI вв., и, в более широком смысле, показать основные тенденции в переосмыслении гуманизма и преодолении антропоцентризма в философии и науке. В данной статье будет сделана попытка изменить сложившуюся ситуацию и показать значение проблематики антропоморфизма для построения теорий горизонтальной этики.

Меняются доминанты мысли, методологии и теории морали, но основные вопросы, обсуждаемые этикой, казалось бы, остаются неизменными. «Как поступать/выстраивать отношения -с или -к хорошо/правильно/приемлемо/

---

* Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента (РФ МК-1740.2019.6).

допустимо?» Эти вопросы, вызывая ожесточенные споры, формулировались и решались каждый раз немножечко иначе, в зависимости от того, как именно и кто именно их ставил. Но один момент практически никогда не вызывал сомнений: проблематизация, формулировка вопросов и поиск решений исходили и продолжают исходить от людей и в интересах людей. В рамках иерархической антропоцентристской онтологии такая позиция не вызывала никаких затруднений. Все изменилось с начатого Мартином Хайдеггером «онтологического поворота» в философии. Развитие теорий плоских онтологий [4] и более раннее «смещение» человека с центристских позиций в биологии и экологии привели к тому, что прежние иерархические этики оказались неудовлетворительными. И теперь, в то время как философы — сторонники объектно-ориентированной онтологии, виталистического материализма, спекулятивного реализма — размышляют о возможности построения новой этики на основании плоской онтологии, свободной от антропоцентризма, биологи, этологи и экологи последовательно делают попытки реконструировать миры тех или иных живых существ и сообществ, что должно позволить нам проникнуть в «чужую реальность», не соответствующую человеческим способам восприятия и смыслообразования.

В первом случае некоторые исследователи, например философы Джейн Беннет и Стивен Шавиро, выдвигают позицию антропоморфизма в качестве единственного когнитивно-эстетического основания, формирующего этику как «отношения -с» или «отношение -к», альтернативную человекоцентристской позиции. Во втором же форма «ухода от человеческого» в биологии и этологии родилась из учения Якоба фон Иксюля об умвельте [9], она строится на иных методологических основаниях, находя одно из наиболее ярких своих выражений в биосемиотике [8]. Предельно упрощая, обе эти позиции расчеловечивания можно выразить следующим образом: «наша собственная форма — единственный способ выстроить отношения с иным-равнозначным» vs «чтобы адекватно относиться к иному, нужно исходить из его собственной реальности, а не из своей».

В то же время любое неантропоморфное описание неизбежно осуществляется при помощи антропоморфных средств, — парадокс, из которого нам вряд ли удастся в ближайшее время выйти. И действительно, как можно уйти от центрации человека, «очеловечивая» объекты? Как можно описывать чужую реальность, используя для этого язык, всецело приспособленный к нашей?

В XX в. проблема антропоморфизма поднималась не раз [13]. Антропоморфизм использовали в качестве аргумента, доказывающего невозможность объективного знания (убрать человека из научного описания невозможно уже по той простой причине, что сам наш язык антропоморфичен). С ним пытались бороться, например, посредством языка формул. Другая сторона проблемы заключается в том, что если в числе равноправно и полноценно действующих (наделяемых статусом агентности) и существующих (наделяемых статусом объектности) помимо людей признаются и другие сущие, причем не только одушевленные — животные или растения, но и неодушевленные — вещи, идеи, пучки отношений [11], то решение вопросов «как поступать/выстроить отношения -с или -к?» исключительно с человеческой точки зрения и только в интересах людей оказывается более неполным

и однобоким. Ведь в этом случае не учитывается и не принимается во внимание все многообразие действий и способов существовать, так же вовлеченных в возникновение и развитие ситуации этического.

Между тем в самом переходе к отказу от антропоцентризма в этике, в движении к депривилегизации и расширению числа равноправных моральных субъектов можно выделить некоторую морально-политическую преемственность. Во-первых, открытие границ собственно человеческого мира: сословия, полы, религии, этносы, расы, гендеры и, наконец, признание (по крайней мере декларативное) равноправия и равнозначности всех людей. Следующей вехой (было бы не совсем корректно говорить «ступенью» и представлять описываемую здесь преемственность линейно, поскольку некоторые из этих процессов шли параллельно друг другу) стало признание особого статуса животных — домашних животных, животных, обитающих в дикой природе, борьба с различными видами специцизма и, в более общем виде, под влиянием экологии, отказ человеку в центральной позиции и как биологическому виду, и как главнейшему моральному агенту. Наконец, развитие техники, цифровых коммуникаций, разработка искусственного интеллекта привели к необходимости «считаться» не просто с живым, находящимся рядом с людьми, но и с создаваемым ими, то есть с тем, что учится и действовать, и мыслить, по крайней мере пока, аналогичным человеку образом. Последнюю веху в определенной степени можно было бы назвать новой формой антропоморфизма.

Если мы посмотрим на это движение под другим углом, например вслед за виталистическими материалистами, то увидим, что речь в нем шла не только об установлении тождества «они такие же, как мы», но и о занятии мыслительных позиций по отношению к исключительности: 1) не стоит думать, что мужчины «исключительнее» женщин; 2) не стоит думать, что человек «исключительнее» других живых существ; 3) не стоит думать, что «зримо-живое» «исключительнее» неживого [2, 153]. Онтологический поворот в философии позволил появиться той проблематике, о которой мы сейчас говорим: если мир более не иерархичен, то какие у нас есть средства для создания новой, «плоской» этики, без опасности ухода в релятивизм или возврата к человекоцентристскому моральному предписанию? И какова взаимосвязь между «новыми» антропоморфизмом и гуманизмом?

Здесь стоит сделать небольшое уточнение: формулируя подобные вопросы, мы должны принять во внимание, что антропоморфизм предстает перед нами одновременно в двух аспектах — и как один из инструментов познания, и как собственно этический способ построения отношений -с или -к. Кроме того, не всегда оказывается ясным, что является подлинным антропоморфизмом: отождествление, аналогия, метафоризация... Такая неопределенность приводит либо к утверждению антропоцентризма, соответственно и борьба с ним становится борьбой с антропоморфизмом, либо к представлению об иллюзорности антропоморфизма, либо к пониманию его как способа приблизиться к иному: «Смысл в том, что определенная доля антропоморфизма необходима, чтобы избежать антропоцентризма. Я приписываю чувства градинам именно для того, чтобы уйти от пагубного дуализма, который требовал бы, чтобы чувства были у одних лишь людей (или, самое

большее, у людей и некоторых животных)» [14, 146]. Для того чтобы эти аспекты стали более наглядны, мы рассмотрим их на нескольких примерах.

Первый принадлежит этологу Франсу де Ваалю. Он интересен для нас тем, что представляет антропоморфизм не в философском, а в естественно-научном ключе. В нем наглядно показывается, какие проблемы и противоречия встречаются там, где ведется борьба за объективное знание и против человеческой исключительности (как биологического вида). Одновременно, как мы можем заметить, речь идет об избирательном антропоморфизме, в котором оспаривается приведенная нами выше позиция Стивена Шавиро.

«С моей точки зрения, антропоморфизм представляет собой проблему, только если сравнение выглядит натяжкой, как в случае с видами, далекими от человека по происхождению» [5, 44]¹. То есть речь идет о том, что антропоморфические аналогии не всегда могут привести к получению достоверного результата, но не потому, что сама по себе познавательная стратегия оказывается изначально ложной, а потому, что она не учитывает реальных причин, вследствие которых поведение конкретного биологического вида кажется нам схожим с человеческим. С другой стороны, нельзя исключать и ту возможность, в которой правильное понимание причин будет способствовать формированию «правильной аналогии»: «...Я придумал слово антропоотрицание... которое по определению отрицает наличие в животном черт, характерных для человека, и наоборот. Антропоморфизм и антропоотрицание противоположны по смыслу: чем ближе к нам другой вид, тем больше антропоморфизм поможет нашему пониманию этого вида и тем выше опасность антропоотрицания. Напротив, чем дальше от нас другой вид, тем выше риск, что антропоморфизм обнаружит сомнительные общие черты, возникшие по совершенно различным причинам» [Там же, 45–46].

Нетрудно заметить, что такой антропоморфизм оказывается не- или даже антиантропоцентричным, поскольку его цель состоит не в том, чтобы наделить животных человеческими чертами или доказать обратное, но в том, чтобы признать равнозначность одних и тех же поведенческих моделей и у животных, и у человека, тем самым лишая последнего статуса исключительности и уникальности. В конечном счете такой подход позволяет выработать неметафизический взгляд на человеческие идеи: «...Антропоморфизм потерял бы всякий смысл, если бы только наклеивал на поведение животных человеческие этикетки. Американский биолог и герпетолог Гордон Бургхардт призвал к критическому антропоморфизму, в котором мы бы использовали человеческую интуицию и знание естественной истории животных, чтобы сформулировать задачи исследования... Так, когда мы говорим, что животные “планируют” будущее или “мирятся” после ссоры, — эти понятия обозначают идеи, которые можно проверить» [Там же, 47].

Если мы попытаемся представить, какая этическая идея заключена в представленном видении, то вновь вернемся к тому, о чем уже упоминали в данной статье:

---

¹ «Так, когда мы говорим, что у муравьев есть “королева”, “солдаты” и “рабы”, — это всего лишь антропоморфные упрощения. Мы вкладываем в это не больше смысла, чем в женские имена, которые даем ураганам, или в проклятия, адресованные компьютеру, как будто он обладает свободой воли» [5, 46].

этика деантропоцентрируется [6], раскалывается на множество равноценных «этик», уместных тому или иному умweltу или биологическому роду и т. д. Это означает, что этика вообще и отдельные моральные предписания в частности более не делают «человека человеком», но лишь подчеркивают его неуникальность.

Как мы уже отмечали выше, становление этологии и биосемиотики стало возможным благодаря исследованиям Я. фон Иксюля. Его труды если и не оказали непосредственного влияния на начавшиеся в первой четверти XX в. процессы обновления гуманизма и разработки теоретического антигуманизма в философии, были знакомы некоторым философам, в частности, М. Хайдеггеру [12]. Возможно, по этой причине между современным этологическим видением и проектом переосмысления места, роли и сущности человека, начатом мыслителем, можно усмотреть некоторое сходство. Благодаря новому неметафизическому взгляду человек оказался лишенным вневременной и самотождественной сущности [7, 18], выставленным «на границе возможности мира» [Там же]. Теперь, перефразируя социолога Бруно Латура [10, 13–15], мы можем сказать, что собственно человеческое объяснение этического «потому что человеческое» утратило свое универсальное и самоочевидное значение. Но неужели человек вследствие такого нового понимания лишился своей человечности, а значит, всего возвышающего или собственно этического?

Положительный ответ на данный вопрос был бы неверен. Во-первых, на примере, рассмотренном выше, мы уже показали, что децентрирующий антропоморфизм отнюдь не означает потери человеком себя, но скорее позволяет расширить границы самопонимания. Во-вторых, хайдеггеровский теоретический антигуманизм (как и порождаемое им обновленное понимание гуманизма) может быть представлен и в ином, человекоцентристском ракурсе [7, 19], где антропоморфические аналогии служат ключом, открывающим доступ к имманентной этике. Подобное прочтение, например, мы находим у философа Владимира Вениаминовича Бибахина.

В. В. Бибахин говорит об антропоморфизме в антропоцентристском ключе. В его представлении антропоморфизм оказывается той мыслительной операцией, посредством которой человек возвращается к самому себе, обнаруживает свой собственный этос². «Истина не обязательно то, до чего нужно дознаваться. Раньше “подноготной” истины — то, что все есть так, как оно есть. <...> Раньше, чем начать деятельность самообеспечения, человек был способен к отрешенной свободе — к тому, чтобы допустить в своем присутствии и своим присутствием всем вещам быть как они есть. Он был местом вещей, уместным среди вещей. Он осуществляется, когда возвращается к тому, чем был с самого начала. Он уходит от навязывания своего образа миру не переходом на машинную фиксацию данности с помощью датчиков, а восстановлением своего существа, которое не форма» [1]. Вместе с тем такой антропоморфизм оказывается «иллюзорным», поскольку направлен на самого (познающего) человека. Он вовсе не наделяет человеческой формой любых других сущих, но лишь задает «человеческий» ракурс для их

---

² Подобное видение возвращает нас к хайдеггеровскому пониманию этоса как онтоса в «Письме о гуманизме».

постижения: «В знание познаваемое не входит иначе как узнанным, приведенным в образ доступного нам знания, т. е. очеловеченным, как в восприятии быка все будет обычным. <...> В приписывании прообразу человеческого образа, если это знающее незнание (*docta ignorantia*), нет антропоморфизма, потому что отношение между отображением и прообразом — это отношение не смазанного подражательного символа, а символа в строгом изначальном смысле указания на другое, с которым символизируемое только и может составить целое. <...> Отображение воссоздает в прообразе *то самое*: не похожее и не отличное от себя, а свою истину; видит себя другого в смысле истинного, каким себя в себе не знает и никогда не могло бы узнать, не посмотрев на то другое, в чем узнает себя мыслящего» [1].

Как ни странно, но в этой части позиция В. В. Бибикина несколько сближается с представлениями Дж. Беннет, которые, впрочем, в большей степени направлены не на обретение собственного этоса, а на децентрацию человека и построение горизонтальной этики ассамбляжей, как ее еще можно назвать, призванной решать проблемы сосуществования, например, экологические. Так, исследовательница говорит: «Если я существую не как человеческий субъект, перед которым разворачивается мир природных и культурных объектов, но как один из конативных актантов, роящихся и соперничающих друг с другом, то максима бережливости окажется чересчур простой» [2, 155]. И далее продолжает Дж. Беннет в своей литании виталистического материализма: «Я верю, что было бы ошибкой отрицать витальность нечеловеческих тел, сил и форм, и я верю, что осторожная антропоморфизация поможет нам обнаружить эту витальность, даже если последняя и сопротивляется как полному переводу, так и всестороннему пониманию. Я верю, что встречи с живой материей могут усмирить мои фантазии о человеческом господстве, позволят мне увидеть общую всем нам материальность, раскроют передо мной более щедро распределенную агентность и позволят пересобрать мое Я и его интересы» [Там же, 155–156].

Что означает «осторожная антропоморфизация»? В этом прочтении этос более не связан с возвращением к своей собственной, сингулярной уместности, но локализуется в некоторой совместности — кризисе, событии, сборке, пучке отношений, аффектах. В рамках новых требований и нового мышления этика становится большей, нежели моральное предписание, она превосходит мир человеческих идей и правил по той простой причине, что более ими не ограничивается и, главное, она более не гуманна, то есть не отождествляется с человеческой сущностью. Этот смелый, даже радикальный концептуальный шаг коррелирует с апорией о философском обосновании человека: если философия безосновна, то у мысли о человеке тоже нет единого основания [7, 25].

Но как быть с антропоцентризмом? Разве удастся когда-нибудь в самом деле от него отойти, не превращая апории философии и постулаты новой этики в максимы, лишь прикрывающие привычный способ мышления? Иен Богост, предлагая свою концепцию «чужой феноменологии», замечает по этому поводу: «Есть существенная разница между принятием истинности человеческих описаний объектных восприятий и признанием того, что мы, будучи людьми, не можем не предлагать антропоморфные метафоры для единичных операций объектных

восприятий, в особенности потому, что в наши намерения зачастую входит трансляция этих описаний другим людям» [3, 87]. Схожим образом дела обстоят и с этикой. Если она, с одной стороны, более не отождествляется с человеческой сущностью, то тем не менее продолжает быть человеческой в той мере, в какой людям требуется выстраивать отношения друг с другом и с другими сущими. Оставаясь приближенной к человеку, она в то же самое время выходит из-под его непосредственного ведения, сохраняя за нами лишь небольшой кусочек того, что «касается именно нас».

Представленные в рамках данной статьи аспекты антропоморфизма не являются исчерпывающими. Нам удалось осветить лишь несколько наиболее значимых моментов, показывающих концептуальную траекторию современной этики и проект обновления гуманизма. Важная трансформация, которую само понимание антропоморфизма претерпело в связи с движением по данной траектории, заключается в том, что если до обновления гуманизма форма очеловечивания была тесно связана с господствующим в науке и философии образом человека, тем самым оказываясь авторитарной и универсальной, то в настоящее время представить такую жесткую привязку попросту невозможно. И если, во всяком случае пока, на проблему этики мы можем смотреть только глазами человека и исходя из позиции человека, то в рамках нового, или осторожного, или критического, или иного подобного антропоморфизма это видение не превращается в насильственное навязывание миру своего образа, втиснуться в который он беспрекословно обязан. Так начинается переход к горизонтальной этике.

---

1. *Бибихин В. В.* Язык философии [Электронный ресурс]. URL: http://bibikhin.ru/yazik_filosofii#b146 (дата обращения: 01.07.2019).

2. *Беннет Дж.* Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. Пермь, 2018.

3. *Богост И.* Чужая феноменология, или Каково быть вещью? Пермь, 2019.

4. *Бурбулис Ю. В.* «Онтологический поворот» в современной социальной теории: теоретико-методологические предпосылки // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2015. № 4(146). С. 53–65.

5. *Вааль Ф. де* Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? М., 2019.

6. *Вааль Ф. де* Истоки морали: В поисках человеческого у приматов. М., 2014.

7. *Керимов Т. Х.* Обновление гуманизма: его возможности и границы // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2018. № 3(179). С. 16–26.

8. *Князева Е. Н.* Биосемиотика: истоки междисциплинарного направления // Вопр. философии. 2015. № 5. С. 86–98.

9. *Князева Е. Н.* Понятие “umwelt” Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопр. философии. 2015. № 5. С. 30–44.

10. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.

11. *Серр М.* Теория квазиобъектов [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@alieksandr-14/mishiel-sierr-o-kvazi-obiektakh> (дата обращения: 01.07.2019).

12. *Сафрански Р.* Хайдеггер: германский мастер и его время. М., 2005.

13. *Титова Т. А.* Антропоморфизм как форма познания мира // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 172–179.

14. *Шавиро С.* Вселенная вещей // Логос. 2017. № 3. С. 127–152.

Рукопись поступила в редакцию 15 июля 2019 г.

ЧЕЛОВЕК В СВОЕМ ВРЕМЕНИ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

С наступлением XX столетия время из простого объективного физического факта превратилось в экзистенциальную проблему для человека. На этом аспекте временности и сосредоточен поддержанный в 2019 г. Российским научным фондом исследовательский проект «Человек в своем времени: проблематизация темпоральности в европейском интеллектуальном пространстве первой трети XX века». Его участниками являются российские (из Уральского гуманитарного института УрФУ) и зарубежные философы и гуманитарии, ставящие перед собой задачу проследить, как со сменой историко-культурных эпох меняются представления о времени, формируются его новые концепты и символы и какими смыслами наделяется категория времени в различных сферах бытия человека. Эти темы предполагается раскрыть путем анализа философских и художественных текстов, а также других изобразительных форм, таких как кино, живопись и музыка, в рамках единой концепции, которую исследователи обозначили как «темпоральный поворот».

Ниже мы публикуем статьи участников проекта, представляющие собой первые опыты по междисциплинарному освоению времени как феномена культуры первой трети XX в.

ВРЕМЯ КАК СМЫСЛ И СМЫСЛ КАК ВРЕМЯ: О ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ВРЕМЕНИ*

Предмет данной статьи — философский анализ трансцендентальных оснований времени-смысла. Цель ее заключается в том, чтобы представить время как основную структурообразующую составляющую смысла, а смысл — как единицу времени, а также выявить взаимообусловленность смысла и времени. Для обоснования выдвинутого тезиса подробно анализируется теория времени Канта. Дальнейшие возможности развития трансцендентальной концепции времени продемонстрированы на примере теории времени Гуссерля и Хайдеггера. Новизна исследования заключается в том, что дан анализ кантовского понятия времени как априорной формы чувственности на основе отношения внутреннего и внешнего опыта в связи с проблемой реализма. Показано, что в основе возникновения времени лежит переживание пространства, а пространственно-временная корреляция восприятий создает предпосылки для возникновения смысла. Сравнительный анализ временно-смысловой трансцендентальности в трансцендентальной теории опыта у Канта, в феноменологии Гуссерля и в экзистенциализме Хайдеггера продемонстрировал развитие понятия времени от формы чувственности к форме чистого сознания, а затем к форме трансцендентально-экзистенциальной конституции *Dasein* и форме бытия реального человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а: время, смысл, трансцендентальный, основание, опыт, чувственность, сознание, бытие.

«Что же такое время? Кто смог бы объяснить это просто и кратко? Кто смог бы постичь мысленно, чтобы ясно об этом рассказать? О чем, однако, упоминаем мы в разговоре как о совсем привычном и знакомом, как не о времени? И когда мы говорим о нем, мы, конечно, понимаем, что это такое, и когда о нем говорит кто-то другой, мы тоже понимаем его слова. Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю», — пишет Святой Августин в своей исповеди [1, 167]. О том, что время и сегодня остается для нас загадкой, свидетельствует огромное количество публикаций на эту тему. Причем время стало предметом не только естественных наук, но и социологии, наук о культуре и философии¹.

Время, с одной стороны, представляет для нас объективную данность, причем эту данность можно охарактеризовать как с точки зрения физики, так и с точки зрения истории. Так, мы живем в физически измеряемом времени — в таком-то году, будь то от сотворения мира или от Рождества Христова, в таком-то месяце и т. д. Мы живем также в социально-объективном времени, например, в эпоху постмодерна, постсоциализма или перехода от индустриального к информационному

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Человек в своем времени: проблематизация темпоральности в европейском интеллектуальном пространстве первой трети XX века», 2019–2021 гг. (проект №19-18-00342).

¹ См., например, работы Софронова, Семенова [9], Lübbe [18], Geissler [16], Chvojka, Schwarcz & Thien [14].

обществу. Наконец, каждый из нас обладает своими индивидуальными временными, биографическими, характеристиками.

С другой стороны, каждого из нас отличает свое собственное восприятие времени: для кого-то время течет слишком быстро, для кого-то — слишком медленно. Иногда мы «выпадаем» из времени или не успеваем за ним или, напротив, ощущаем себя «на пике» времени. Время, следовательно, имеет не только объективное, но и субъективное, феноменальное, измерение. Феноменальность времени проявляется в том, что мы приписываем ему определенные качества, например, оно протекает и поэтому имеет продолжительность. Оно необратимо и неповторимо для нас: как изрек еще Гераклит, мы не можем войти дважды в одну и ту же реку. Время имеет направленность: оно либо линейно, либо циклично. И наконец, что особенно важно с точки зрения человеческой жизни, время имеет интенсивность. Под этим углом зрения время можно подразделить на «пустое», когда, например, мы «бьем баклуши», и «полное», когда мы, например, говорим, что пережили «момент истины»². Это время формирует индивидуальную историю человеческой жизни.

Мне кажется уместным привести старый советский анекдот в качестве иллюстрации утверждения о том, что время человека — это переживаемое время и как таковое оно обладает смысловой насыщенностью. Это анекдот о прапорщике, который всю свою жизнь прослужил в маленьком отдаленном гарнизоне. Волею судеб он оказался на одном кладбище, где с удивлением увидел примерно такие надгробные надписи: «Имярек родился в 1900 г. Умер в 1990 г. Прожил двадцать лет». Прапорщик недоумевая спрашивает: что это означает, и получает ответ, что временем жизни в данной культуре считается только то время, которое прожито осмысленно и наполненно. Прапорщик задумался и сказал, что тогда в его случае следует написать, что он родился мертвым.

Итак, уже наш повседневный опыт свидетельствует о том, что время необходимо связано со смыслом. Философский анализ трансцендентальных оснований времени-смысла составляет предмет данной статьи. Цель ее заключается в том, чтобы представить время как основную структурообразующую составляющую смысла, а смысл — как единицу времени с тем, чтобы выявить взаимообусловленность смысла и времени. Для обоснования выдвинутого тезиса я подробно остановлюсь на теории Канта, а затем схематично представлю теории Гуссерля и Хайдеггера с целью продемонстрировать, по моему мнению, основные направления временно-смыслового трансцендентализма. Разумеется, что попытки понимания смысла через время и времени через смысл можно найти и в работах многих других авторов, включая Святого Августина, Бергсона, Зиммеля, Бердяева, Бахтина, Ясперса и Сартра. Однако подробный анализ всех имеющихся концепций вышел бы за рамки данной статьи.

---

² Послефрейдовский психоанализ использует такой подход ко времени в психотерапевтической практике. Об этом много написано у Жака Лакана в его «Семинарах».

Значение кантовской концепции времени с точки зрения поставленной проблемы

Основным текстом Канта, на который ссылаются в связи с проблемой времени, является раздел его «Критики чистого разума», называемый «Трансцендентальная эстетика». Новаторство Канта заключается в том, что здесь он утверждает, что пространство и время являются не свойствами предметов самих по себе, а относятся к свойствам познающего их субъекта. Пространство и время суть априорные формы чувственности человека, причем пространство есть форма внешнего чувства, а время — форма чувства внутреннего.

Априорный характер чувственности, обладающей пространственно-временной структурой, приводит к тому, что мир воспринимается нами не таким, какой он есть сам по себе, а как зависящее от строения нашей чувственности «явление». Свое учение о явлении Кант называл «трансцендентальным идеализмом» и рассматривал его как решение, позволяющее преодолеть идеализм метафизический, который либо редуцирует вещи к сумме воспринимаемых нами признаков (Беркли), либо сомневается в существовании вещей внешнего мира (Декарт). Помимо этого Кант утверждал, что его «трансцендентальный идеализм» вполне совместим с «эмпирическим реализмом», поскольку последний «признает за материей как явлением действительность, непосредственно воспринимаемую, а не выводимую путем заключения» [7, 467]. Отметим, что эмпирический реализм Кант противопоставляет также «трансцендентальному» эмпиризму, принимающему, что вещи познаются такими, как они существуют сами по себе, в силу того, что они просто отражаются или копируются нашим сознанием.

Итак, трансцендентальный идеализм обосновывает у Канта эмпирический реализм, а самым лучшим доказательством реальности внешнего мира служит, по его собственным словам, не что иное, как «явление». Здесь нужно заметить, что данные рассуждения Канта до сих пор остаются непонятыми и проведенное им различие между «явлениями» и «вещами в себе» использовалось и продолжает использоваться для упреков его в субъективном идеализме, конструктивизме, солипсизме, агностицизме и т. д. Литература по данному вопросу практически безгранична; давно сложилась определенная скептическая традиция в отношении к этой стороне кантовского учения, и называть какие-либо отдельные работы здесь не имеет смысла.

Основной причиной недопонимания того, что «явление» свидетельствует о реальности внешнего мира, служат критикуемая еще самим Кантом трактовка явлений «в отрыве от нашей чувственности» [Там же] и принятие их «за самостоятельные сущности, находящиеся вне нас» [Там же]. В результате этого о бытии явлений становится невозможно узнать «иначе, чем заключая от причины к следствию, причем при таком заключении всегда должно оставаться сомнительным, находится ли эта причина в нас или вне нас» [Там же].

Другой важной причиной неверного истолкования понятия «явление» у Канта выступает то, что явления относят к «вещам в себе», в то время как Кант указывает, что вещи, данные нам в явлениях, — это материальные вещи, находящиеся

в пространстве [7, 469]. «Вещь в себе» — это только мыслительный конструкт, понятие, относящееся к ноуменальной сфере; оно возникает, когда мы думаем о вещах. Восприниматься нашими чувствами (являться им), напротив, могут только вещи, реально существующие в мире³.

Кант несколько раз пытается объяснить свою позицию. Он делает это прежде всего в «Критике четвертого паралогизма трансцендентальной психологии» в первом издании «Критики чистого разума», гласящего, что можно сомневаться в бытии того, что является причиной чувственных восприятий. Важны также предисловие и глава «Опровержение идеализма» во втором издании «Критики». Рассмотрим основные кантовские аргументы в защиту реальности внешнего мира, представляемого через явления.

1. В первом издании «Критики» Кант переосмысливает знаменитое декартовское «Cogito ergo sum» в реалистическом ключе следующим образом: 1) если я осознаю свои представления, то они существуют (в моем сознании). Если они существуют, то существую и я (причем, заметим, не только как мыслящая субстанция, а как реальная вещь); 2) внешние предметы суть лишь явления, следовательно, они не что иное, как вид моих представлений. Но при этом предметы представлений суть нечто только благодаря моим представлениям, а отдельно от них они ничто; 3) следовательно, точно так же, как я существую в качестве реальной вещи, реально существуют и внешние предметы (о чем непосредственно свидетельствует мое самосознание) [Там же, 467]. Получается, что внешнее чувство выводит нас за пределы ментального состояния в силу тождества являющегося и явления, так как без являющегося не было бы явления, а без явления — являющегося⁴. Сознание явления оказывается, таким образом, сознанием являющегося как реальной вещи⁵.

Из этого силлогизма следует, что чувственность, которую Кант трактует как чистую рецептивность, интенциональна, то есть направлена на предмет. При этом содержанием чувственного восприятия всегда является внешний по отношению к акту восприятия предмет, будь то внутреннее или внешнее восприятие («возьмем ли мы ощущения и страдания или же внешние ощущения, например, ощущения цвета, тепла и т. д.» [Там же, 469]).

---

³ Кант требует от познающего разума, во-первых, оставаться в пределах опыта, считая, что «у нас всегда остается возможность если и не познавать, то по крайней мере мыслить эти предметы как вещи сами по себе. Ведь в противном случае отсюда вытекало бы бессмысленное положение, согласно которому явление существует без того, что через него является» [6, 29]. Кроме того, если не проводить различия между вещами как предметами опыта и как вещами как они есть сами по себе, то «в таком случае закон причинности и, стало быть, механизм природы должны были бы при определении причинности непременно распространяться на все вещи вообще как на действующие причины» [Там же]. Другими словами, в этом случае получалось бы, что все наше познание казуально детерминировано и сводится единственно к отражению материи сознанием. Кроме того, тогда нельзя было бы, не впадая в явное противоречие, представлять одну и ту же вещь различными способами — «чувственным» и «интеллектуальным» [Там же]. Таким образом, понятие о вещи в себе является необходимым условием для реализации познавательной свободы человека.

⁴ Существует и другая традиция в отношении понятий «явление» и «являющееся» у Канта. Ср.: Prichard [19], Barker [13], Howell [15], Howell [16].

⁵ Эти рассуждения касаются области трансцендентального знания. Разумеется, в случае эмпирического знания человек может ошибаться и принимать мнимое за действительное. Такие ошибки, по Канту, подлежат коррекции.

2. После выхода «Критики чистого разума» Канту стало ясно, что читатели не поняли предложенного им доказательства реальности данного в созерцании. Поэтому для второго издания он пишет главу «Опровержение идеализма» и даже специально разъясняет свою идею в предисловии к нему. Здесь он формулирует следующую теорему: «Простое, но эмпирически определенное сознание моего собственного бытия служит доказательством бытия предметов в пространстве вне меня» [6, 369]. Содержательно эта теорема соответствует тому, что утверждалось и в первом издании «Критики», но теперь стратегия аргументации меняется: доказательство этой теоремы построено на понятии времени. Как показывает история рецепции кантовских идей, это объяснение не стало более доступным и понятным, чем первое, и все еще ждет своей адекватной интерпретации.

Попробуем восстановить его суть следующим образом: я воспринимаю себя во времени, а то, что это восприятие охватывает больше, чем просто мышление, доказывает сама возможность временного восприятия (!), ибо «всякое временное определение мы можем воспринять только через смену во внешних отношениях... к постоянному в пространстве» [Там же, 373]. Итак, время предполагает точку отсчета, в мысли же, замкнутой на себе, такого неизменного нет. Чтобы прояснить сказанное, проведем мысленный эксперимент в духе Канта и представим себе чистое интеллектуальное созерцание (сам он любил использовать этот пример). Здесь смена одних мыслей другими не дает понятия о времени, так как все происходит в одном сознании и для него является как бы одновременным: сознание как-будто просто переводит мысленный взор с одного представления на другое, при том что все эти представления находятся перед ним. Чистое сознание не знает времени; оно вне- и безвременно⁶. Для того чтобы появилось время, сознание должно быть ограничено извне; нужен выход за пределы сознания, к реальности, которая дается чувственностью.

Для обоснования реальности мира важно учитывать, что кантовское время не форма мышления, а форма чувственности, причем «внутренний опыт как таковой возможен лишь через внешний опыт вообще» [Там же]. Последнее утверждение можно понять в том смысле, что *время, являющееся формой внутреннего опыта, возникает как переживание пространства*.

В предисловии ко второму изданию «Критики» Кант делает следующее дополнение к сказанному в главе об идеализме: «Однако я сознаю *свое бытие во времени* (следовательно, и определимость этого бытия во времени) посредством внутреннего *опыта*, а это нечто большее, чем только осознание моего представления; это то же, что и *эмпирическое сознание моего бытия*, определимого только через отношение к чему-то, что связано с моим существованием и находится *вне меня*. Таким образом, это сознание моего бытия во времени точно так же (идентично, см. оригинал. — М. С.) связано с сознанием отношения к чему-то находящемуся вне меня⁷, следовательно, опыт, а не выдумка, чувство, а не способность воображения

⁶ Ср. с позицией П. П. Гайденко, которая пишет о том, что «феноменальность времени означает у Канта, что в мире умопостигаемом нет и не может быть никаких изменений: он вневременен» [3, 144].

⁷ «Dieses Bewußtsein meines Daseins in der Zeit ist also mit dem Bewußtsein eines Verhältnisses zu etwas außer mir *identisch* (курсив мой. — М. С.) verbunden...» [6, 42]. К сожалению, в русском переводе это слово выпущено.

неразрывно связывает внешние вещи с моим внутренним чувством» [6, 43]. Он повторяет, что представления о внешних вещах должны соотноситься с чем-то постоянным, что должно «быть внешней вещью, существование которой необходимо включено в *определение* моего собственного бытия и составляет с ним единственный опыт, который даже не мог бы быть внутренним, если бы он в то же время не был (отчасти) внешним» [Там же]. Итак, самосознание, поскольку оно больше, чем сознание лишь своих представлений, но охватывает также и сознание себя как реальной вещи, *идентично* связано с сознанием внешнего мира. Поэтому явление предмета в представлении одновременно есть сознание реального предмета вне меня.

Реализм, таким образом, *не может быть дискурсивно обоснован*: оставаясь в сфере теоретического обоснования, мы остаемся в мире мысли и не можем выйти за его пределы⁸. Для доказательства существования внешнего мира необходим анализ чувственного опыта. В таком случае оно основывается на идентичности сознания себя как составляющей мира и сознания мира вне себя.

3. Наиболее отчетливо мысль о том, что время и пространство взаимно конституируют друг друга, выражена в главе о схематизме категорий чистого рассудка. «Схема», опосредующая отношения между созерцанием и чистым понятием (категорией), не произвольная фантазия, но задана самим созерцанием, так что созерцание и категория приобретают нечто общее, что позволяет сравнивать их друг с другом и соподчинять. Каким образом это происходит? Поскольку время, согласно Канту, является априорным условием явлений, то и деятельность рассудка должна основываться на схематизме времени. Например, под категорию «субстанция» подпадает то, что обладает постоянством во времени. Схему категории «причина» составляет устойчивая временная последовательность явлений или событий и т. д. «Вот почему схемы суть не что иное, как определения времени *a priori*, подчиненные правилам и относящиеся (в применении ко всем возможным предметам согласно порядку категорий) к *временному ряду*, к *содержанию времени*, к *порядку времени* и, наконец, к *совокупности времени*» [Там же, 265]. Таким образом, трансцендентальные схемы отражают то, как вещи являются нам во времени, и эти процессы задают правила для категоризирующей деятельности рассудка. Можно указать на следующую аналогию, лежащую в основе этих рассуждений Канта: подобно тому как понятие в формальной логике обозначает правило, в соответствии с которым субъект формирует представление об объекте, схема как «чувственное понятие предмета» [Там же] определяет, под какое понятие подпадает то или иное созерцание или, наоборот, какая категория соответствует тому или иному созерцанию.

Следовательно, рассудок в своей структурирующей априорной деятельности не произволен, а ограничен внешними условиями, так как «хотя категории осуществляются прежде всего схемами чувственности, тем не менее они

---

⁸ Ср.: «Чтобы судить о действительности внешних предметов, так же как и о действительности предметов моего внутреннего чувства (моих мыслей), я не нуждаюсь в умозаключениях, так как и те и другие предметы суть не что иное, как представления, непосредственное восприятие которых (сознание) есть вместе с тем достаточное доказательство их действительности» [7, 467].

и ограничиваются ими, т. е. ограничиваются условиями, лежащими вне рассудка, а именно в чувственности» [6, 265]. Ограничение рассудка со стороны чувственности основывается на корреляции между внешним и внутренним чувством и, возможно, благодаря тому, что трансцендентальные схемы отражают то, как вещи являются нам и переживаются нами во времени в трансцендентальном, то есть додискурсивном, опыте, и именно эти процессы задают правила для категоризирующей деятельности рассудка.

Подведем итоги сказанному выше. Принимая пространство как форму внешнего, а время — как форму внутреннего чувства, Кант полагает, что пространственно-временная корреляция восприятий конституирует наше представление о реальном внешнем мире, элементом которого мы сами являемся и который мы осваиваем посредством опыта. Тем самым создаются предпосылки для возникновения смысла. При данной трактовке именно время оказывается тем фактором, который связывает нас с миром, ибо само время возникает, согласно Канту, как переживание пространства⁹. Поэтому время способно выполнять смыслообразующую функцию в познании, причем в данном контексте смысл можно определить изначально как «чувственно данный предмет внешнего мира».

Время и пространство не только образуют континуум, но и взаимообуславливают друг друга. Поскольку без внутреннего чувства невозможно внешнее, а без внешнего внутреннее, то моделью кантовских отношений между пространством и временем как априорных форм чувственности может служить лента Мебиуса, имеющая одностороннюю, а не двухстороннюю поверхность. С ее помощью легко представить, например, как время функционирует в качестве априорного формального условия всех явлений вообще и образует «непосредственное условие внутренних явлений (нашей души) и тем самым косвенно также условие внешних явлений» [Там же, 111].

Отношения между временем и пространством сопоставимы с отношениями между материей и формой: время выступает в качестве формы, а пространство — в качестве материи. Благодаря синтезу материи и формы в чувственности возможно последующее появление смысла, так как чувственность поставляет рассудку предметы мышления¹⁰. Как мы знаем, «мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» [Там же, 139]. Это означает, что понятие имеет смысл, если ему соответствует нечто в созерцании, то есть если понятие относится к объекту. Другими словами, смысл возможен благодаря эмпирическому применению категорий. С учетом вышеизложенного очевидно, что именно время обеспечивает взаимодействие мысли и созерцания посредством схематизма. Возникающий в результате смысл также есть функция времени, поскольку само время есть механизм выхода сознания к реальному миру и предоставления рассудку материала для суждений. Другими словами, время оказывается

---

⁹ Кант пишет о «порождении (синтезе)» самого времени «в последовательном схватывании предмета», которое описывается схемой количества [6, 265].

¹⁰ Кант пишет: «Посредством первой способности предмет нам дается, а посредством второй он мыслится в отношении к такому представлению» [Там же, 137].

трансцендентальным условием возможности смысла¹¹. Смысл, в свою очередь, предполагает реальное бытие человека в мире.

Развитие смысло-временного трансцендентализма Гуссерлем и Хайдеггером

Идея о смысле как функции времени получила дальнейшее развитие в философии XX в. Особое значение в этом отношении принадлежит Гуссерлю, который переосмыслил время и превратил его из априорной формы чувственности в априорную структуру сознания. Во всех своих работах, начиная с «Логических исследований», «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» до «Картезианских размышлений», он исследовал «чистые» структуры сознания и их функционирование как смыслопорождающих структур.

В качестве исходной феноменологической установки следует признать кантовское по своему происхождению положение о том, что внешний мир доступен человеку лишь в качестве явлений¹². Однако явление у Гуссерля представляет собой предмет сознания, данный в определенном модусе сознания (восприятие, воспоминание и т. д.) и в определенном смысловом контексте. В «Идеях» он разрабатывает механизм конституирования предмета сознания в терминах ноэзиса и ноэмы. В «Картезианских размышлениях» он характеризует этот механизм как временной синтез.

Основополагающим и неизменным для феноменологии Гуссерля остается положение о том, что предмет сознания предстает как интенциональная предметность, то есть представляет собой синтетическое «единство текущих многообразий» [4, §17], или способов данности вещи. Как таковой, он конституируется в переживании, обладающем длительностью и поэтому имеющем временной характер. Тождество предмета сознания в переживании, представляющем собой «всеобъемлющий пассивный синтез в форме непрерывного сознания внутреннего времени» [Там же, §18], обеспечивается тем, что он «не проникает в это сознание извне, но заключен в нем самом как смысл» [Там же]. Таким образом, время и смысл оказываются в феноменологии неразрывно связанными друг с другом благодаря тому, что смысл представляет собой условие и результат временного синтеза отдельных актов восприятия предмета.

Гуссерлю важно показать, что единичные временные синтезы предметности осуществляются на фоне свойственного сознанию «имманентного времени», о котором свидетельствует упорядоченность переживаний. Это «всеобъемлющее

¹¹ Заметим, что упреки Канта в психологизме, о которых пишет в уже упомянутой выше статье П. П. Гайденко и которые ставят в тупик В. В. Васильева в его работе «Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий)» [2], оказываются нерелевантными, поскольку его концепция — это не «темпоральная» теория рассудка, а реалистическая концепция опыта. Категории рассудка способны функционировать независимо от чувственности, но наполнение понятий реальным содержанием возможно лишь благодаря априорным формам чувственности, то есть, в конечном счете, времени.

¹² Характерным высказыванием в данной связи является следующее: «Даже абсолютный субъект (Бог) не мог бы созерцать вещи иначе, чем в явлениях, данность вещей лишь в форме явлений обусловлена сущностью вещи» [5, 119, ср. 324].

внутреннее сознание времени» является основной формой универсального синтеза, конституирующего единство сознания, что, в свою очередь, обуславливает возможность конкретных предметных синтезов. В результате сознание предстает у Гуссерля как переживание переживания, что проявляется в соотносительности конституированного во времени ego к конституированным им в результате временного синтеза предметам. В такой «интенциональной соотносительности с самим собой» [4, §18] заключается, согласно ему, сущность жизни сознания¹³.

Два момента феноменологии Гуссерля — представление сознания как временного потока переживаний и представление переживания как временного синтеза предметности — раскрывают трансцендентальный характер отношений между смыслом и временем. Вслед за Кантом Гуссерль отличает объективное время от субъективного, но понимает последнее как время явления вещи в сознании. Субъективное время явления есть единство синтеза как связанность непрерывно изменяющихся явлений одной и той же вещи в одно сознание этой вещи, понимаемое как смысл или как интенциональный предмет, на фоне единства сознания.

Поскольку темпоральность у Гуссерля выступает основной характеристикой смысла, трансцендентальность не может больше обсуждаться в жестких терминах логики, как это было у Канта, а требует нового подхода в форме гибкой теории значения. Именно в таком ключе можно проинтерпретировать не только его собственную концепцию, но понимание времени как трансцендентального основания смысла у Хайдеггера. Среди множества разрабатываемых последним мотивов мотив конечности человеческой жизни как смыслообразующего фактора способствовал трансформации феноменологии в экзистенциальную философию. Хайдеггеровское понятие «бытия-к-смерти» свидетельствует о новом понимании темпоральности как относящейся не к жизни чистого сознания, а к жизни реального человека.

Сдвиг в понимании конститутивной природы времени состоит в том, что если для Канта и Гуссерля время представляло собой элемент природы субъекта — чистой чувственности или чистого сознания, то у Хайдеггера время приобретает характер проблемы для Dasein. Время в форме сознания смертности понимается им как один из «экзистенциалов», определяющих бытие человека в мире. Это подразумевает, что экспликация смысла бытия человека возможна лишь при условии конечного характера самого этого бытия. Значение времени как «бытия-к-смерти» состоит в том, что сознание своей смертности заставляет человека строить свою жизнь таким образом, чтобы она так или иначе была направлена на опровержение факта конечности жизни. Для обозначения взаимной отнесенности смысла бытия и темпоральности Хайдеггер использует термин «озабоченность». При этом для него не существует строгой детерминированности между сознанием конечности и формой бытия, что дает возможность «озабоченности» реализоваться в различных жизненных сценариях.

---

¹³ Отметим, что такое понимание сознания было бы абсолютно неприемлемым для Канта. Как бы предвосхищая появление подобного рода теории, он опровергает ее в своей работе «Beantwortung der Frage, ob es eine Erfahrung ist, dass wir denken» («Можно ли считать опытом то, что мы мыслим»).

Трансцендентально-экзистенциальная структура Dasein реализуется в системе общественного времени, для выражения чего Хайдеггер использует термин «заброшенности» индивидуума в историю. Согласно ему «бытие-в-мире» осуществляется как «бытие-к-смерти» на фоне «онтологической дифференции», в зазоре между собственным и несобственным временем субъекта. При этом возможны как рассогласование языков «большого», исторического, и личного времени, так и рассогласование между собственным и несобственным существованием человека.

В целом временность предстает у Хайдеггера как экзистенциальная структура, конституирующая онтологически трансцендентальное условие возможности бытия и разворачивающаяся в онтическом, то есть повседневном, горизонте существования человека. Значение ее состоит в том, что благодаря ей человек «приходит к себе в своей собственной способности быть» [10, 325].

***

В заключение следует указать на то, что сравнительное исследование концепций времени Канта, Гуссерля и Хайдеггера имеет богатую традицию, об этом написаны тысячи работ не только за рубежом¹⁴, но и в отечественной философии. В этой связи стоит назвать прежде всего фундаментальную монографию В. И. Молчанова «Время и сознание. Критика феноменологической философии»,opus magnum А. Г. Чернякова «Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера» и его же статью «Кант и Хайдеггер: метаморфозы философской антропологии» [12], опубликованную в книге «Актуальность Канта». Однако, несмотря на наличие таких солидных работ, последнее слово, которое закрыло бы эту тему, еще не сказано.

Необходимо отметить, что подходы, предложенные Молчановым, Черняковым и автором данной статьи, довольно сильно отличаются друг от друга и не только дополняют друг друга, но и противоречат друг другу в некоторых существенных аспектах. Это обусловлено в первую очередь авторской постановкой проблемы: Молчанов видит ее из феноменологической, Черняков — из онтологической перспективы, а автор данной работы скорее воздерживается от какого-либо методологического метаязыка. Так, Молчанов видит свою задачу в том, чтобы «определить конкретную тенденцию философии Канта, которая обнаруживает не столько непосредственное влияние, сколько содержательное сходство с феноменологией в постановке проблем сознания и времени» [8, 6]. Соответственно цель его работы состоит в том, чтобы «показать близость кантовской и гуссерлевской методологий при рассмотрении взаимосвязи понятий времени, сознания и рефлексии и дать критику хайдеггеровской интерпретации основного произведения Канта, которая по существу навязывает кантовской философии проблемы “фундаментальной онтологии”» [Там же, 6–7]. В отличие от него А. Г. Черняков стремится «осмыслить новое положение времени в иерархии бытийных начал» [11, 15]. Для него время оказывается «онтологическим основанием, приводящим в движение всю систему фундаментальных философских понятий» [Там же]. Он намеревается

¹⁴ См., например: Gorner [17], Streubel [20].

показать, что «в определенном смысле постклассическая онтология есть не что иное, как хроно-логия» [11, 15].

Напротив, цель сравнительного анализа в данной работе заключается в том, чтобы продемонстрировать отличия в понимании временно-смысловой трансцендентальности в трансцендентальной теории опыта у Канта, в феноменологии Гуссерля и в экзистенциализме Хайдеггера. Если Кант понимает время как форму чувственности¹⁵, то у Гуссерля время — это прежде всего фундамент чистого сознания, а у Хайдеггера — форма трансцендентально-экзистенциальной конституции *Dasein* и форма бытия реального, эмпирического человека. Поворот от объективного времени ко времени субъективному у Канта происходит благодаря тому, что время им понимается как создание чувственности самого субъекта, существующего в реальном мире. Внимание Гуссерля сосредоточено на идеальной временности сознания, что дает ему возможность схватить сам поток сознания и раскрыть его общие смыслообразующие структуры в феноменологической рефлексии. У Хайдеггера поворот от объективного времени к временности — это не поиск всеобщих структур сознания, а анализ бытия-в-мире как формы жизненного опыта человека в модусе озабоченности.

Таким образом, несмотря на то, что все три философа озабочены общим вопросом, и то, что время для каждого из них оказывается тем измерением, из которого бытие любого сущего вообще оказывается постижимым, они устанавливают взаимозависимость времени и смысла и рассматривают ее в качестве трансцендентального условия последующих возможных синтезов, придавая совершенно различное значение этой корреляции.

-
1. *Августин А.* Исповедь; *Абеляр П.* История моих бедствий. М., 1992.
  2. *Васильев В. В.* Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). М., 1998.
  3. *Гайденко П. П.* Проблема времени у Канта: время как априорная форма чувственности и вневременность вещей в себе // *Вопр. философии.* 2003. № 9. С. 134–150.
  4. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб., 1998 [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20110705033735/http://elenakosilova.narod.ru/studia/Husserl.htm#_Toc35695628 (дата обращения: 19.05.2019).
  5. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М., 1999.
  6. *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2, ч. 1. М., 2006.
  7. *Кант И.* Критика чистого разума // Там же. Т. 2, ч. 2.
  8. *Молчанов В. И.* Время и сознание. Критика феноменологической философии. М., 1988.
  9. *Софронова Л. А., Семенова А. В. (ред.)* Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. М., 2009.
  10. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1993.
  11. *Черняков А. Г.* Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб., 2001.

---

¹⁵ Молчанов, напротив, исходит из того, что «Кант рассматривает не проблему времени в контексте проблемы сознания, но проблему сознания в контексте проблемы времени. ...Не “измерять время в душе”, но измерить в темпоральных описаниях глубину возможного описания синтезов сознания — такова новая задача, поставленная Кантом» [8, 6].

12. Черняков А. Г. Кант и Хайдеггер: метаморфозы философской антропологии // Актуальность Канта. СПб., 2005, 177–192.
13. Barker S. F. Appearances and Appearing in Kant // The Monist. 1967. P. 426–441.
14. Chvojka E., Schwarcz A., Thien K. (Hg.) Zeit und Geschichte. Kulturgeschichtliche Perspektiven. Wien, 2002.
15. Howell R. A Problem for Kant // E. Saarinen (ed.) Essays in Honour of Jaakko Hintikka. Dordrecht, 1979. P. 331–349.
16. Howell R. Kant's Transcendental Deduction. Dordrecht, 1992.
17. Gorner P. Heidegger's Phenomenology as Transcendental Philosophy // International Journal of Philosophical Studies. 2002. № 10(1). P. 17–3.
18. Lübke H. Zug der Zeit: Verkürzter Aufenthalt in der Gegenwart. Springer-Verlag, 1992.
19. Prichard H. A. Kant's Theory of Knowledge. Oxford, 1909.
20. Streubel T. Das Wesen der Zeit. Zeit und Bewusstsein bei Augustinus, Kant und Husserl. Würzburg, 2006.

Рукопись статьи поступила в редакцию 4 июня 2019 года

УДК 7.011 + 7.036(470)“192” + 7.036(450)“192”

Т. А. Круглова

**«СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА» ИЛИ «ВЕЧНАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ»:
СРАВНЕНИЕ ДВУХ ТЕМПОРАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ
РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(ФАШИСТСКАЯ ИТАЛИЯ И СССР)***

Статья посвящена исследованию проблемы темпоральных трансформаций в дискурсе художественной культуры тоталитарных режимов — от авангардистской интерпретации времени в футуризме к неоклассицистской. Основным вопросом дискуссий межвоенного периода стал концепт «современного» или «нового» искусства, базирующийся на трактовке понятия времени и его атрибутов, отличных от темпоральности предыдущей эпохи. На материале манифестов и программных заявлений представителей творческих групп, художественных критиков и идеологов доказывается, что футуристическая трактовка времени как силы вошла в преобразованном виде в неоклассицистский темпоральный режим, модернизирующий классическое наследие. В итоге концепт «современного искусства» включил в себя синтез актуальных тематизаций текущего времени с устоявшимися и авторитетными образами прошлого, создав парадоксальный сплав модусов будущего и прошлого. Анализ произведен на материале сравнения курсов в СССР и Италии межвоенного периода.

К л ю ч е в ы е с л о в а: темпоральные режимы в искусстве, итальянский футуризм, советское изобразительное искусство 1920–1930-х гг., новоченто, метафизическая живопись, неоклассицизм, тоталитарное искусство, темпоральный поворот в модерне.

Проблема времени, точнее открытие времени как категории культуры, — важнейший признак общества модерна и ключевая тема интеллектуальных дискуссий

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Человек в своем времени: проблематизация темпоральности в европейском интеллектуальном пространстве первой трети XX века», 2019–2021 гг. (проект №19-18-00342).

первой трети XX в. О времени много пишут философы, художники строят свои программы вокруг различных модусов темпоральности (скорости, движения, прорыва, будущего и т. п.), наконец, стремлением оседлать течение времени охвачены политики и общественные движения. Хорошо известно, что в семантике слова «модерн» одинаково важны два значения: современный (contemporary) и новейший (modernly), которые в словарях отмечаются практически как синонимы. Само понятие «новое» уже содержит в себе темпоральный критерий, работающий как постоянное качественное различие того, что было, и того, что появилось только что, — то есть синхронно с моментом настоящего (буквальное значение слова «современный»). Все в культуре предвоенного и межвоенного периодов вращается вокруг концепта «современный», который чрезвычайно частотен, всегда позитивно нагружен и весьма привлекателен на вид: размышляют о том, что такое быть современным; как стать более современным, чем другие; как обогнать, выиграть соревнование в гонке за современностью. Образы и модели современности вступают в конкуренцию друг с другом, разворачивается нешуточная борьба, в конце которой ожидается приз в виде доминирования в международном поле культуры.

Из этой ситуации можно извлечь разные уроки, прежде всего они касаются двух наиболее авторитетных трактовок развития искусства в эпоху модерна — линейной и циклической, за пределы которых мы предлагаем выйти. Действительно, история искусства конца XIX и всего XX в. видится как последовательная и необратимая смена направлений, критерием развития стало понятие обновления. Каждый последующий стиль позиционирует себя через критику предыдущего как устаревшего и предлагает свою новизну. Собственно, это и означает в системе координат модерна быть современным — постоянно рефлексивно различать прошлое и будущее. Часто историки искусства XX в. не учитывают, что обоснование своего искусства, как в высшей степени современного той или иной группой художников, вовсе не выстраивается по линейной оси времени, не строится непременно по логике конфликта с прошлым или отталкивания от него. Концепт «современного» в каждом отдельном случае с трудом поддается вычленению методами объективного анализа комплекса оригинальных, не имеющих аналога в прошлом художественных приемов. Суть подхода, который мы хотим предложить, заключается не в анализе содержательной стороны концептов современного искусства, они не интересуют нас как идеологические конструкции, обосновывающие определенный образ мира, конкурирующий с другими образами мира, также претендующими на современность. *Наша гипотеза заключается в том, что в основе каждой трактовки современности лежит свой темпоральный режим, включающий характеристики времени как такового: направленность, скорость, интенсивность.* «Современность» — это конструкция, изобретение, в основе которого лежит комбинация элементов, прописанных в разных временах.

Разберемся предметно, в чем нам видится ограниченность сложившейся истории искусства XX в. и концептуальной схемы, объясняющей логику смены этапов. В самом общем виде это выглядит так: появившийся в самом начале XX в. авангард позиционирует себя как радикальный разрыв с прошлым, как суперсовременное искусство, критикующее модернизм (стиль модерн) за недостаточно

последовательный антитрадиционализм. Авангард мыслит себя не просто современным и актуальным искусством, а художественной практикой, изобретающей будущее. Активное распространение и утверждение авангарда на мировом поле длится до конца 1920-х гг., а затем, на следующие 20 лет, сменяется совершенно противоположной тенденцией, которую исследователи называют по-разному: реставрацией (В. Шкловский), «великим отступлением» (Н. Тимашев), сдвигом вправо, неотрадиционализмом (В. Тюпа) и другими аналогичными номинациями, описывающими кризис авангарда и общий поворот культуры к прошлому. Затем, уже на рубеже 1950-х и в 1960-е гг., наступает время второго авангарда, после которого снова происходит торможение социального времени, теряется актуальность будущего и наступает постмодернизм с его бесконечными финалами исторического времени и длительностью как постоянным повторением взамен необратимости и устремленности вперед. Существует известная концепция В. Паперного о циклах культуры (Культура 1 и Культура 2), созданная на материале культуры СССР, но вполне вписывающаяся в трактовку динамики искусства как циклов, в которых революционное искусство, устремленное в будущее, сменяется консервативным движением назад.

Эта «двухтактовая» трактовка истории искусства удобна своей простотой и прогнозирующим эффектом, которые всегда присутствуют в бинарных объяснительных моделях, но у нее есть ограничения. Она построена на допущении, что концепты «современное» или «устаревшее» имеют определенные объективные параметры. По определению искусство, ориентированное на образ будущего времени, должно максимально дистанцироваться от повторения образов прошлого, стремиться к полновесной оригинальности, очевидной и не требующей доказательств. Но более внимательное погружение в историю искусства межвоенного периода, на материале которого и возникли концепции периодической смены новаторства консерватизмом, то есть цикличности двух разных темпоральных режимов, предоставляет возможность опровергнуть устоявшуюся схему. Сравнительный анализ концептов «современного искусства» и риторики «новизны» в Италии и СССР имеет продуктивное значение в силу сходства политических режимов и соответствующих им векторов культурной политики в межвоенный период.

Анализ дискурсов о современном искусстве в фашистской Италии и СССР позволяет прояснить суть накопившихся противоречий в теориях модерна, особенно того, что касается темпоральных режимов обществ, находящихся на разных стадиях осуществления проекта модерн (фашистская Италия и сталинская Россия, несомненно, были специфичными версиями процесса модернизации). Так, теоретики модерна считают его особой цивилизацией, чья культура запрограммирована на постоянное самообновление (см.: Sh. N. Eisenstadt), в ней происходит ускорение общественных изменений (см.: А. Escuder), идея открытого будущего становится определяющей временной ориентацией (см.: П. Вагнер). Но феномен тоталитарных культур, становление, развитие и исчезновение которых пронизывает практически весь XX в. и включает в себя опыт множества стран Запада и Востока, не вполне соответствует тем ключевым признакам модерна,

которые были приведены выше. По крайней мере, темпоральные режимы Италии и СССР демонстрируют сильные расхождения с западными версиями модернизации: и того, что касается семантики «обновления», источников ускорения, и того, что относится к открытости будущему. Отнюдь не универсальным представляется также постулат о том, что время модерна сплетено с идеей прогресса (П. Вагнер), так как возвратные процессы и практики сращения актуальных тематизаций с культом наследия характерны, на наш взгляд закономерно, для культуры модерна не менее, чем постоянное движение вперед и разные форматы неотрадиционализма и консерватизма. Таким образом, можно зафиксировать *проблему «рассогласования языков» времени, конфликт между современным пониманием времени и внутренним опытом времени в культуре тоталитарных режимов.*

Начнем наше исследование с Италии. Именно там перед Первой мировой войной сформировался футуризм — самая радикальная версия бунта против классического наследия, самая сильная установка на будущее и отмену власти прошлого. Влиятельность футуризму придавала парадоксальность места его рождения: Италия, будучи родиной всех классицизмов и академий, внесла свой самый существенный вклад в антиклассицистское и антиакадемическое движение. У футуристов можно вычленить собственное понимание современности — становящееся бытие, для выражения которого они изобрели свой специфический словарь: «линии-силы», «динамическая чувствительность», «зафиксированный момент». Схватывание момента настоящего времени в его природном, неокультуренном, состоянии, когда оно не остановлено, не превратилось в Музей; вечное становление и перманентная революция — вот темпоральный режим футуристической трактовки современного искусства. Вместо понимания времени как «пустой формы» общественного прогресса, как необратимого движения, независимого от человеческой деятельности, *футуризм внедряет концепцию времени как силы*, понятие «мгновения» превращается в интенсивный и динамический двигатель преобразования мира. Это отношение к мгновению совершенно не созерцательно, а действенно.

Сосредоточенность на «мгновении» выводит современность за пределы исторических координат времени, освобождая время из-под власти истории. Время у футуристов — прорыв к подлинности, к бытию, а вовсе не к некоей конкретной исторической форме социального бытия. Важно отметить, что при всей декларации устремлений к будущему ни в футуризме, ни в других направлениях авангарда 1910–1920-х гг. мы не увидим стремления вообразить реальное будущее человечества, и это в равной мере относится и к смычке итальянского авангарда с фашизмом, и к союзу русского авангарда с социализмом. Оба социальных проекта мыслятся как в высшей степени революционные и инновационные, но искусство, активно их поддерживавшее, совершенно не озабочено воображением ближайшего будущего и скорыми проектами его построения.

Считается, что футуризм как течение авангарда несовместим с темпоральным режимом тоталитарных культур, построенных на иной комбинации временных отрезков. Направлением, наиболее тесно ассоциируемым с фашизмом, остался в истории не футуризм, а неоклассицизм, и это утверждение касается не только

Италии, но и целого ряда стран. Около 1920 г. у многих художников обозначился поворот к новому, особому классицизму: «Итальянский “ritorno all ordinare” включился в общеевропейскую тенденцию, нашедшую в разных странах разные воплощения. Помимо упомянутой “Новой вещественности” в Германии, во Франции проявил себя пуризм, а в постреволюционной России, затем в Советском Союзе, — воплотился в целом спектре фигуративного авангарда, в творчестве Давида Штеренберга и Кузьмы Петрова-Водкина, в неоакадемизме Василия Шухаева и Александра Яковлева, а позднее — в искусстве групп “ОСТ” и “Круг» [1, 93]. И если в Германии и СССР возврат к традиционным стилям в искусстве (академизму и реализму) происходил на фоне борьбы с модернизмом, который жестко критиковался (антиэкспрессионистская и антиформалистская кампании) и выдавливался за пределы поля культуры, то в Италии такой резкой границы между традиционализмом и авангардом не было. В Италии эта тенденция проявила себя несколько раньше, прежде всего потому, что «классицизм был естественной составляющей местной художественной традиции и в определенном смысле здесь никогда не прерывался» [Там же].

Обратим внимание на два обстоятельства, существенно пошатнувших стройность теории циклов: от авангарда как оплота революционного понимания современности к возвращению традиционалистских ценностей в период расцвета тоталитарных режимов. Первое обстоятельство, появление футуризма, неоклассицизма и метафизического искусства, происходит почти одновременно, а переход части футуристов в лоно неоакадемизма или метафизиков настолько стремителен, что это наводит на мысль об отсутствии между этими направлениями радикальных отличий. Как отмечает А. Г. Вяземцева, «“Возврат к порядку” обозначился в творчестве многих авангардистов еще в середине 1910-х гг. и тогда не был продиктован политической конъюнктурой фашистского режима, который был установлен в Италии в 1922 году» [Там же, 87]. Например, футурист К. Карра начал открывать по-новому живопись «примитивов» — работы художников Треченто и Кватроченто, видя их красоту «в особой лирической форме пластической трансцендентальности» [Там же, 88]. Отсылка к Раннему итальянскому Возрождению и появление метафизической риторики в 1916 г. («Метафизическая живопись» Де Кирико и Дж. Моранди) указывают на то, что современность все больше соотносится не с фиксацией мгновения в его безостановочном движении и метаморфозах, а с вечностью, то есть таким темпоральным режимом, в котором различия между прошлым, настоящим и будущим становятся нерелевантными.

Отсюда следует указание на второе обстоятельство: «зафиксированный момент» в футуризме и отсылка к вечным ценностям в метафизическом искусстве только на первый взгляд являются противоположностями. *И для модуса мгновения, и для модуса вечности не существует исторического времени, соответственно нет понятия прогресса.* Тесное переплетение таких, казалось бы, разных отношений ко времени, как футуризм и неоклассицизм, на самом деле свидетельствует об их глубоком родстве и общем интересе не к социально-историческим или научно-объективным характеристикам времени, а ко времени как онтологическому

феномену. Дж. Северини, например, подчеркивал преемственность между авангардом и классицизмом, а некоторые итальянские художественные критики указывали на общность словаря нового искусства у авангардистов и «классиков»: «краткость», «строгость», «иерархия», «конструктивность», — находя истоки всех этих качеств в Древнем Риме. На правильность версии об их сходстве указывает также и тот факт, что все эти направления, включая и герметизм в поэзии (Дж. Унгаретти), не были отринуты фашистской культурной политикой, которая не отдавала приоритета ни одному из стилей, следя только за идеологической позицией авторов.

Более того, задолго до прихода к власти фашизма в Италии и нацизма в Германии начинается процесс «возвращения метафизики» в философских кругах (дискуссия М. Хайдеггера и Э. Кассирера 1916 г. о том, считать ли Канта онтологом или гносеологом, сразу получила истолкование в политическом смысле): «нам, немцам, нужна метафизика» (Отмар Шпанн)¹. И поскольку метафизику искали в глубоком прошлом, чем больше укреплялись тоталитарные режимы, тем чаще и основательнее они прибегали к культу наследия, устанавливая новый режим «современности». Все чаще и с высоких трибун, и в манифестах творческих групп, и в художественной критике звучит риторика о новой роли художника, которая интерпретируется в связи с социальной пользой его деятельности, «о высшем смысле искусства, не связанном с удовлетворением сиюминутных потребностей вкуса заказчика» [1, 104–105].

Наименование «Новоченто» на выставке 1926 г. было применено уже как собирательное обозначение всего нового итальянского искусства, «представлявшего разные варианты модернизированной интерпретации традиции» [Там же, 124]. *Современность начинает мыслиться как универсальный синтез всех времен*, а художники Новоченто представляют себя в качестве основоположников новой традиции: «Композиции, заимствованные из живописи эпохи Ренессанса, классические образы, интерпретируемые современными персонажами, фигуративность в сочетании с лаконичным изобразительным языком и обобщением предлагались в качестве первых признаков грядущего господства Италии в искусстве XX века» [Там же, 111]. В центре новой традиции была мечта об авангарде, примирившемся с традицией, о «современной классике», по определению Элены Понтиджа, «это противоречащее само себе выражение: все равно, что сказать “современная вечность”, но тогда это никого не волновало» [Там же, 112]. Это искусство все больше начинает получать государственную поддержку, а выражение о «современной классике» очень импонирует верхушке власти и самому Б. Муссолини, который в 1926 г. сказал, что Италии нужно «великое искусство, которое может быть одновременно традиционным и современным» [Там же, 130].

В модернизированной традиции понятия мгновения, метафизики и вечности, давно существующие в обиходе мировой культуры, приобретают тот смысл, который был открыт в футуристической трактовке времени. Классический язык

¹ Мы благодарны М. Е. Соболевой за указание на эту дискуссию и цитату из О. Шпанна.

используется как конструктивная система, из него вычленяются силовые линии, которые выступают как ресурс активного воздействия на мир, как его строительство. Ведущий критик, идеолог нового искусства М. Сарфати в 1920 г. писала: «Что сегодня предлагает отряд итальянских живописцев авангарда? Строить — ответят они с римской душой, с римской классической краткостью» [1, 111].

В СССР происходили аналогичные процессы сращения двух противоположных модусов времени в концепте «современное искусство» — прошлого и будущего, здесь «прогресс осуществляется только как попытка его остановить» [3, 83], движение вперед мыслится как возвращение в нулевую точку, начало истории совпадает с ее вершиной. Борьба с модернизмом как носителем дегуманизации шла рядом с формированием *мифа возвращения к «вечным ценностям народа»*. Требование «возвращения» к традициям — фольклору и классике — было сформулировано как социальный заказ масс. «Золотой век» виделся, конечно, в будущем, но некие намеки на его возможность находили в глубине истории, а аналог искусства будущего — в «органических стилях прошлого» [6, 123].

Культу личности, в основе которого лежала сакрализация действующих вождей, в соцреалистическом искусстве соответствовал культ живых классиков-современников. Среди всех национальных и мировых классиков самыми классическими должны были стать классики соцреализма, и здесь мы видим полное совпадение с итальянской формулой «современной классики». Соцреализм стремился занять метахудожественную позицию, на которую невозможно распространить критику. Классика — то, что служит критерием всему остальному искусству, то, что уже не нуждается в проверке на прочность. Современное соцреалистическое искусство мыслило себя классикой, то есть претендовало на собственные критерии оценки искусства прошлого. Памятники прошлого, особенно античности и классицизма, тем не менее действительно выступают как учителя в одном очень важном деле: учат, как самому соцреализму стать «классическим» при жизни.

Если сравнивать соцреализм с классицизмом, как это часто делается, то необходимо зафиксировать их принципиальное различие в отношениях с прошлым. Классицизм опирается на образцы из прошлого, чья ценность возрастает в зависимости от их древности. Эти образцы могут быть предъявлены во всей своей плоти как документы, как факты истории. Советская культура берет образцы из будущего, то есть из того, что еще не воплотилось. Стахановцы, метростроевцы, спортсмены и летчики, шахтеры и сталевары — это наши современники, точнее, герои, которые эту современность создают, и на полотнах А. Самохвалова и А. Дейнеки они обретают масштаб и мощь древних богов и героев, отсылающих к вечности, и именно в таком воплощении убеждают в величии современности. Как следствие, образцы соцреализма обладают некой умозрачностью, и для преодоления этого эффекта как раз и нужны условные приемы авангарда, оправдывающие недостаток правдоподобия ссылкой на высокий уровень обобщения.

Примат жизни над искусством, провозглашаемый соцреализмом, несет в себе пафос преодоления устоявшейся художественной формы, выводя критерий художественности за пределы искусства. Поскольку черты «классичности»

находятся в самой советской действительности, учеба у классиков приобретает формально-ремесленный характер — «учиться мастерству». На деле следование этому требованию имеет следствием то, что даже тщательное копирование образцов, изучение традиций не приводят к качественному скачку. Творческое волевое усилие по созданию синтеза затухает, на первый план выходит ничем не ограниченное стремление сделать как можно «классичней». Демонстрация этого жеста наиболее полно воплотилась в архитектуре и во внутреннем интерьере общественных зданий 1930–1940-х гг.

«Возвращение» к классике в СССР било сразу по двум мишеням: по автономии классического наследия и по современному новаторскому искусству. Новый метод должен был нейтрализовать критическую и аналитическую направленность классического русского искусства XIX в. и выполнить также функцию орудия в борьбе с формализмом. В течение трех десятилетий не устраивалось практически ни одной выставки современного зарубежного искусства. Экспозиции русского искусства в центральных музеях оканчивались 80-ми годами XIX в.

Парадоксальное сочетание «революционности» и «традиционности» нашло преломление в риторике о «диалектике традиционализма и новаторства» советского искусства. В ранней соцреалистической художественной критике возникает мысль о возможности *своеобразного гибрида динамической новаторской и образцовой реалистической традиционной форм*. В 1933 г. в качестве первых образцов для подражания приводятся картины А. Дейнеки, А. Самохвалова, Г. Рязского, К. Петрова-Водкина. Впоследствии старое стало восприниматься как подлинно новое. Необходимость в действительной новизне стала отпадать: «Жданову кажется нелепой сама мысль, что его могут обвинить в традиционализме. Напротив, именно позиция авангарда первых послереволюционных лет представляется устаревшей и вполне преодоленной» [6, 185]. Соцреализм осознавал себя наследником всей предыдущей культуры (и дореволюционной, и революционной), но с революционной культурой связь была особого рода: практически вся эстетическая платформа «нового метода» была проявлена и отработана в революционной культуре. Тем не менее «соцреализм постоянно стирает этот культурно-исторический код, не признавая права на новизну за “пламенными революционерами»» [4, 125]. Художники, которым соцреалистическое искусство в первую очередь обязано своей новизной, изгоняются из числа советских классиков, а их художественные открытия стираются из коллективной памяти.

Классичность — это образ достигнутого совершенства. Поэтому для его создания использовалась не столько конкретная классика, сколько сам образ отрешенной от времени классичности. Преобладание классических жанров — ландшафта, натюрморта — было демонстрацией «нормального уровня» искусства и усиленно поощрялось. Статус-кво преподносится как естественное и гармоничное состояние общества. Х. Гасснер и Э. Гиллен пишут о классицизме во время террора, чертами которого являются «интимизация выражения чувств и конкретизация места действия... смена ритмов создания картины, простота композиции, теплота красок и человечность сюжета» [2, 37].

Из нацеленности на сохранение статус-кво, из представления о социальном и духовном прогрессе как остановившемся и вытекает высокая степень ясности видения мира, гармоничность композиционной упорядоченности. Все эти черты и были присущи неоклассицизму, который стал одним из ведущих стилей мирового искусства в 1930–1950-е гг. XX в. Неоклассицизм имел корни и в русском искусстве. Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX в. был проявлен весомо, многие представители этого направления были активными и одаренными мастерами, а их профессиональный уровень был признан: они много строили. Это были носители определенной «суммы идей», позволившей войти в программу 1930-х гг. без особого труда. В полемике с творчеством практически любых новаторов (такими были последовательно представители модерна, позже конструктивисты, члены ВОПРа и т. д.) неоклассики объявляли задачей современной архитектуры осмысление и продолжение великих традиций классического зодчества. По тонкому замечанию А. Иконникова, на самом деле речь шла «не о продолжении и развитии заветов прошлого, а об опоре на систему сложившихся и опробованных строительных принципов и элементов внешнего оформления зданий с целью создания неких не подвластных времени Вечных Форм» [5, 70]. Эта позиция стала официально поддержанной утопией архитектуры 1930-х. Она совпала с главной идеей тоталитарного режима, его претензией на историческую вечность. Неоклассицизм наследует стремление модерна к переустройству мира искусством и не менее активно, чем конструктивизм, развивает это стремление в утопии тотальной архитектуры.

-
1. *Вяземцева А. Г.* Искусство тоталитарной Италии. М., 2018.
  2. *Гасснер Х., Гиллен Э.* От создания утопического порядка к идеологии умиротворения в свете эстетической деятельности // Агитация за счастье. Бремен, 1994.
  3. *Деготь Е.* Русское искусство XX века. М., 2000.
  4. *Добренко Е.* Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999.
  5. *Иконников А.* Утопическое сознание и архитектура XX века // Картины мира в искусстве XX века. Штрихи к портрету эпохи. М., 1994. С. 56–75.
  6. *Круглова Т. А.* Нескромное обаяние соцреализма, или Советская художественность. Екатеринбург, 2005.
  7. *Степанян Н.* Искусство России XX века. М., 1999.

Рукопись поступила в редакцию 20 июля 2019 г.

УДК 791.4 + 7.036.7 + 791.62(430)

А. Е. Якимов

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ХРОНОТОПА В НЕМЕЦКОМ КИНОЭКСПРЕССИОНИЗМЕ 1920-х гг.*

В статье проводится анализ и дается описание особенностей хронотопа в произведениях немецкого киноэкспрессионизма 1920-х гг., прослеживается связь этих особенностей со сложившейся в данный период социокультурной исторической ситуацией (опираясь на концепты, предложенные К. Ясперсом и Х. Ортегой-и-Гассетом). Автор описывает технические приемы и художественные средства, используемые режиссерами для конструирования экспрессионистской кинореальности. Основой всех этих приемов является пространственно-временной схематизм, или хронотоп. Статья задает определенный способ исследования игрового кино как «документа» и позволяет по-новому взглянуть на экспрессионистские фильмы как на попытку создать символический кинематограф; как на модель, отражающую произошедший культурный слом; как на историческое воображаемое, в котором выражаются элементы современной социально-психологической ситуации общества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: кинематограф, киноэкспрессионизм, конструирование, хронотоп, темпоральность, кинематографическая реальность, теория кино, ситуация времени.

Несмотря на то что немецкий кинематограф 1920-х гг. уже давно признается исследователями классикой немого кино и является довольно изученным в рамках теории и истории кино, в данной статье я постараюсь взглянуть на фильмы этого периода с новой перспективы и проанализировать особенности конструирования кинематографической реальности в ее связи с исторической и культурной ситуацией времени. Я остановлюсь на анализе технических приемов, которые были изобретены в этот период и стали основой как для языка немого кино, так и для современных фильмов. Целью исследования является, во-первых, выявление особенностей конструирования пространства и времени в фильмах и обнаружение их зависимости от сложившейся в первой трети XX в. социокультурной исторической ситуации. Во-вторых, это ответ на вопрос о том, является ли хронотоп кинореальности экспрессионистских фильмов уникальным художественным явлением и насколько он выражает сложившееся в данный период мироощущение.

Кино как конструирование кинематографической реальности посредством времени

Используемый мною подход к анализу кинематографа исходит из положения о том, что кино является не столько набором знаков, отсылающих нас к референту, то есть к реальности, сколько представляет собой особую, сконструированную на основе репрезентаций реальность, которая отсылает не к действительности

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Человек в своем времени: проблематизация темпоральности в европейском интеллектуальном пространстве первой трети XX века», 2019–2021 (проект №19-18-00342).

как таковой, а к реальности смыслов. Представление о том, что фильм является репрезентацией реальности, является неверным, поскольку создаваемая в фильме реальность не существует вне эстетического опыта ее переживания в процессе просмотра фильма. Подобный подход к кинематографу представлен в работах многих теоретиков кино. Наиболее известные из них «Метакино» О. Аронсона, «Кино» Ж. Делёза, «Эстетика Фильма» Ж. Омона и А. Бергала, «Теория кино. Глаз, эмоции, тело» Т. Эльзессера и М. Хагенера. Данных исследователей объединяет еще и то, что в связи с появлением и развитием кинематографа они отмечают появление новой субъективности, нового способа восприятия и новой реальности — кинореальности. Как утверждает О. Аронсон в одной из своих лекций, «в кино момент первичных ощущений является базовым. И если понимание его разрушает, то оно разрушает и всю концепцию кинематографа как иного вида восприятия, восприятия по преимуществу неиндивидуализированного и десубъективированного» [5]. Кино, обладая особой аффективной природой, конструирует наполненный смыслами хронотоп, который является психологическим отражением создателей фильма и содержит их реакцию на мир.

В рамках данного подхода к анализу кино значение приобретает специфический для кинематографа нефигуративный аспект изображения, такой, как ракурс, экспозиция, план и пространство вне плана, особенности монтажа, при помощи которого конструируется кинематографическая реальность. Киновысказывание — это всегда сложная, многоуровневая конструкция, которая организуется из различных элементов, зачастую нелинейно, содержит в себе повторы, смещения, скачки. При этом нарративный элемент разворачивается на разных уровнях — на уровне денотации, на уровне представления или воображения, на уровне стиля и законов жанра, на уровне ритма и порядка киноповествования, на уровне мизансцены как внутренней организации кадра и т. д. Все вместе это сообразуется в «диегезис», историю, понимаемую как «псевдомир, как вымышленный универсум» [7, 248], который представляет собой правдоподобный фон повествования.

Андрей Тарковский в статье «Запечатленное время» говорит о том, что с появлением кино появился новый эстетический принцип: «...Впервые в истории культуры человек нашел способ непосредственно запечатлеть время... возможность сколько угодно раз воспроизвести протекание этого времени на экране... Человек получил в свои руки матрицу реального времени» [10]. Именно этот эстетический принцип, по мнению Тарковского, является основополагающим для кино, а главная идея киноискусства — это «время, запечатленное в своих фактических формах и проявлениях» [Там же]. Кино становится тем особенным «жизненным опытом», который расширяет и обогащает «фактический опыт» человека. Смысл кинематографа, по мнению Тарковского, состоит в том, чтобы сопоставить человека с «...бесконечной средой, сличить его с несчетным числом людей, мимо него и вдали от него проходящих, соотнести человека со всем миром...» [Там же].

Жиль Делёз также показывает важность времени для фильма, хотя кино для него, в отличие от Тарковского, это прежде всего новый, депсихологизированный способ мышления и философствования нового деиндивидуализированного,

пассивного субъекта. «Кино — виртуальная видимость. Здесь наше чувственное восприятие уступает место иным перцептивным силам... Кино открывает нам возвращение мысли, забытой в эпоху господства субъекта» [4, 21]. Можно согласиться с тем, что «Делёз усматривает в самой философии кроме актуального еще и сущностный виртуальный момент» [9]. Оттого что он заостряет внимание не на актуальной составляющей фильма, а на потенциальности, виртуальности, и возникает понимание кино как пространства философии.

В теории Делёза кино — это актуализация воспоминания, но воспоминания несобственного, чужого, потому что время фильма не принадлежит зрителю и осуществляется независимо от него. Делёз утверждает, что «...если кино и возможно представить как язык, то не язык понимания фильмов, а язык описания образа-времени. Именно здесь кино обнаруживает свой теоретический потенциал, способность быть не только зрелищем, но и инструментом мышления, а скорее даже — самим мышлением» [4, 30].

Таким образом, можно сделать вывод, что понимание кинематографа как совокупности знаков выходит за рамки схемы Ф. де Соссюра, утверждающей, что знак состоит из означающего, означаемого и референта. Но если и трактовать фильмы, опираясь на данную схему, то важно заметить, что референт кинематографического образа не сводится к запечатлеваемой им физической реальности, конструируя собственную и наделяя ее смыслами, к которым можно получить доступ при ее описании и интерпретации.

Описанный выше взгляд на кино как на конструирование кинематографической реальности посредством времени за счет использования особых для киноязыка нефигуративных аспектов изображения позволяет нам рассматривать экспрессионистское кино как своего рода «документ», отражающий преобладающее в данный период мировоззрение. Интерпретация и описание языка этих фильмов могут дать нам некоторое общее представление о том, как осмыслили историческую ситуацию их создатели.

Кино как «историческое воображаемое» или отражение социально-психологического измерения «ситуации времени»

Известный теоретик кино Томас Эльзессер в своей работе, посвященной истории немецкого кинематографа Веймарского периода, отмечает, что фильмы 1920-х гг. не столько конструируют национальное самосознание, сколько наделяны «историческим воображаемым». Он утверждает, что эти фильмы «функционируют при помощи “исторической символики”, которая из-за ограниченности собственной перспективы становится в итоге историческим воображаемым» [13, 5]. То есть их следует рассматривать не как «метафорический двойник» реальной истории, но как ее преломление при помощи конструирования в воображаемом, нереальном измерении. Эльзессер исследует немецкое кино именно через призму понятия «историческое воображение»: «Веймарский кинематограф стал воплощением страны, Германии XX в., беспокойной и встревоженной современностью, которая предвосхищала еще более ужасные потрясения, произошедшие впоследствии

в Европе» [13, 3]. Подобные идеи мы обнаруживаем и в одной из самых известных работ, посвященных немецкому кинематографу, — «От Калигари до Гитлера. Психологическая история немецкого кино» Зигфрида Кракауэра, в которой он отмечает особую тесную связь изобразительно-выразительной и сюжетной составляющих фильмов с «социально-психологическими процессами, которые преобладали в нации в соответствующий период» [6, 12].

Кракауэр также отмечает преимущества кинематографа в отражении психологии народа и ощущения эпохи, поскольку кинематограф обладает коллективным характером производства, выражая умонастроения большого количества людей, участвующих в его создании. Кроме того, фильмы являются продуктом, который нацелен в первую очередь на массового зрителя, «стало быть, можно предположить, что популярные фильмы или, точнее говоря, популярные сюжетные мотивы, должны удовлетворять массовые желания и чаяния» [Там же, 14]. Кракауэр рассматривает немецкое кино как отражение господствующих тенденций социальной психологии, отмечая при этом, что рассматриваемый им период описывается особой социально-психологической моделью общества. Понятие социально-психологической модели соотносится с понятием исторического воображаемого кино, поскольку, рассматривая фильмы как историческое воображаемое, мы уже рассматриваем их референт не как нечто исторически достоверное, но как нечто обусловленное индивидуальным взглядом на историю, который неизбежно несет в себе отпечаток современной ему социально-психологической модели.

Еще в одной известной работе, посвященной немецкому кино, — «Демонический экран» Лотте Айснер, кинематограф первой трети XX в. также рассматривается как зеркало духовной жизни общества. Айснер отмечает, что к «апокалиптической доктрине экспрессионизма» привела «извечная склонность немцев к мечтаниям и раздумьям... Мистицизм и магия оказались теми темными, неясными силами, которым предалась германская душа» [1, 11].

Отмеченная выше характерная особенность кинематографа как медиума, способного сохранять и передавать зрителю ощущение эпохи как посредством исторического воображаемого, так и при помощи социально-психологической модели общества, характерна также и для фильмов киноэкспрессионизма. Более того, учитывая ключевые особенности экспрессионизма в целом, его стремление выразить «доведенный до крайности субъективизм» [Там же, 14], беспокойство и муки, которые человек «испытывает от соприкосновения с предметами внешнего мира» [Там же], первобытный страх перед несоизмеримыми с отдельным человеком величинами, мы можем утверждать, что экспрессионизм является художественной реакцией на происходящие события и становится течением в искусстве, отвечающим потребности человечества запечатлеть те серьезные потрясения, которое испытало европейское сознание первой трети XX в. Справедливо, что «художники-экспрессионисты стремились к абстракциям, искажениям реальности и, следовательно, к выходу за рамки повседневной реальности с целью репрезентировать мир не объективно, но прежде всего так, как они его сами видят и переживают» [12, 38].

Причем кинематограф как никакой другой вид экспрессионизма способен удовлетворить эту потребность, поскольку он располагается на границе фантазии и реальности, субъективной точки зрения автора и объективности кинокамеры. Он способен создать диегетический универсум, в котором будет запечатлено переживание смыслов через проживание времени и пространства, диктуемое ракурсами, монтажом, движением камеры, наведением фокуса, конструируемыми декорациями и пр.

Общая характеристика «духовной ситуации времени»

Остановимся на выявлении наиболее важных характеристик мироощущения первой трети XX в. с целью дальнейшего анализа хронотопа, свойственного экспрессионистским фильмам. Исторический контекст, в рамках которого происходило развитие кинематографа Веймарского периода, характеризуется социальными и культурными переменами, причиной которых послужили Первая мировая война, научно-технический прогресс, повсеместная индустриализация и урбанизация, крушение империалистических надежд во многих странах Европы и появление тоталитарных режимов. Кракауэр так описывает состояние дел в послевоенной Германии: «Общественная жизнь находилась в полном разброде. Народ страдал от голода, беспорядков, безработицы и возникающей инфляции. Уличные бои стали привычным делом» [6, 48].

Все эти события и процессы привели к тектоническому сдвигу в мировоззрении европейского человека, ощущению утраты традиционных ценностей и коренному изменению в образе жизни, которые не могли не отразиться в художественных произведениях и работах философов. Карл Ясперс в «Духовной ситуации времени» пишет: «Было время, когда человек ощущал свой мир как непреходящий... Его деятельность была направлена на улучшение своего положения в рамках самих по себе неизменных условий... В сравнении с таким временем человек оказывается оторванным от своих корней, когда он осознает себя в исторически определенной ситуации человеческого существования» [11, 288].

Согласно Ясперсу ключевой характеристикой «духовной ситуации времени» первой трети XX в. становится утрата единства бытия и знания о нем. Единство, «разбитое вдребезги» [Там же], является не просто фактом, который отмечают философы; оно также порождает различные эксперименты в рамках художественных течений модерна. Как он отмечает, «мы находимся внутри некоего движения, которое в качестве изменения знания вынуждает измениться существование и в качестве изменения существования, в свою очередь, вынуждает измениться познающее сознание» [Там же, 289]. Изменения познающего сознания — это изменения, связанные в первую очередь с новым способом восприятия времени и движения, что вызвано интенсификацией индивидуального времени и изменениями в повседневных способах деятельности. Начинает преобладать время так называемых рабочих операций, время, которое разделяется на рабочее и досуговое, время городское, интерсубъективное. «...Мы живем не только в ситуации человеческого бытия вообще, но познаем ее каждый раз

лишь в исторически определенной ситуации, которая идет от иного и гонит нас к иному» [11, 289].

Помимо «разбитого вдребезги» единства и в связи с ним возникает «ощущение беспомощности» перед происходящими в мире событиями. Здесь мы можем провести параллель с тем чувством беспомощности, которое гипертрофированно воссоздается и доводится до абсурда в литературе, например в романе Кафки «Процесс». В романе это ощущение абсурда передается не только при помощи описания конкретных событий, происходящих с Йозефом К., но и при помощи описаний времени, которое имеет свойство растягиваться и сжиматься, а также не соответствовать привычному повседневному времени фоновых практик. Этот роман показывает, что история перестает восприниматься как упорядоченный ряд событий, находящийся под контролем человеческого разума. История оборачивается рядом потрясений, которые затрагивают не только страны, но и отдельных людей, оказавшихся заброшенными в индивидуалистический, жестокий мир. Отдельный человек существует в условиях ужесточившейся бюрократии и необходимости добывать средства на жизнь при помощи наемного труда. Преобладающие в проекте Просвещения рационализм и нацеленность на прогресс оборачиваются трагедией и разочарованием в разуме как абсолютном благе. Это привело к возникновению большого количества иррациональных элементов, которые уже были характерны для вступившего в спор с Просвещением романтизма и получили развитие в художественных практиках авангарда, экспрессионизма, абстракционизма в начале XX в. Иррационализм возникает как попытка осмыслить, изобразить, выразить ничто, с которым, как отмечали уже Ницше и Кьеркегор, сталкивается человек и которое вызывает у него страх, иррациональный ужас неизвестности. Это «...ощущение опасности проходит через все последнее столетие: человек ощущает угрозу» [Там же, 295], констатирует вновь Ясперс.

Все перечисленные выше особенности ситуации времени, приписываемые социокультурному пространству данного периода, отражаются в самых известных философских течениях XX в. Типичным может быть онтологический поворот в философии Хайдеггера, весь пафос которой основан на тезисе о забвении бытия. Феноменология в целом переосмысляет субъект-объектную систему и переводит внимание с объектов на сознание, одним из ключевых свойств которого становится интенциональность как направленность сознания, а реальность мыслится как феноменальная, в основу которой положен временной синтез предметности. В рамках философии экзистенциализма человек перестает быть самоидентифицируемым и мыслится как существо, «обреченное на свободу». Несамостоятельность человека отмечает, например, Хосе Ортега-и-Гассет в своей работе «Человек и люди»: «Быть человеком — значит быть жизненной задачей, грозным, рискованным приключением на грани самого человеческого бытия... И если тигр не может не быть тигром, детигриваться, то человек всегда живет в постоянной опасности дегуманизироваться» [8, 490]. Ясперс уверен в том, что бытие человека «...не в его образе, а в его ситуации. Основная ситуация, в которой находит себя человек, есть одновременно и основной признак его существа» [11, 443].

Разомкнутость человека при его конечности, как утверждает Ясперс, является основным знаком его свободы. Философия перестает заниматься поиском первоосновы всего, перестает быть «онтологической», что ярко демонстрирует ту самую утрату единства, ощущение беспомощности, ощущение иррационального страха перед неструктурируемым рационально множеством, которым оборачивается бытие. Все эти элементы нового мировоззрения приобретают ясные очертания и в искусстве, которое чувствительно реагирует на подобные изменения. Несамостоятельность человека, как мы увидим далее, становится важным мотивом экспрессионистского кино, где утрата персонажами идентичности становится одним из самых распространенных тропов.

Описанные выше особенности «духовной ситуации времени» способствуют более детальному пониманию фильмов режиссеров-экспрессионистов 1920-х гг. Ее отражают все самые основные, признанные классикой экспрессионистские фильмы 1920-х гг., такие как «Руки Орлака» (1924) Р. Вине и «Последний человек» (1924) Ф. В. Мурнау, конструирующие нестабильную, вызывающую тревогу и беспокойство реальность, в которую оказывается заброшенным человек, наделенный духовной свободой, но не способный ее реализовать в действительном мире, выступающем против него.

Далее мы увидим, что те или иные характеристики сложившегося мировоззрения обуславливают художественную форму, технические приемы и способы осуществления нарратива в Веймарском кинематографе. Каждый элемент конструируемой в этих фильмах реальности отсылает нас к описанному в этом параграфе взгляду на мир.

Особенности хронотопа в немецком экспрессионистском кинематографе 1920-х гг.

Рассмотрим особенности хронотопа в некоторых фильмах, особенно показательных для киноэкспрессионизма, но сначала скажем несколько слов о том, что представляет собой понятие «хронотоп художественной реальности». Согласно Бахтину, который и ввел понятие «хронотоп» в эстетическую теорию, это пространственно-временное единство художественного образа. Хронотоп конструирует ценностно-смысловое содержание образа, обладая определенной интенсивностью и направленностью движения. Он обнаруживает себя в формально-содержательном аспекте любого произведения и конструируется зачастую при помощи нефигуративных элементов художественного текста. Его основной характеристикой выступает то, что «приметы времени раскрываются в пространстве и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [3, 235].

Время в художественном хронотопе приобретает чувственно-наглядный характер, а события происходят на фоне и благодаря хронотопу, конституируются при помощи него: «Хронотоп определяет художественное единство... произведения в его отношении к реальной действительности. Поэтому хронотоп в произведении всегда включает в себя ценностный момент...» [Там же, 391]. Он

также может выражать какое-либо идеологическое или философское содержание. Поэтому искусство высказывается не только на уровне образа, но и на уровне конструирования художественной реальности, основополагающими элементами которой являются время и пространство произведения.

Особенности экспрессионистского хронотопа можно выделить на основе описанных ранее особенностей экспрессионизма в целом. Одной из основных его характеристик является конструирование времени и пространства не в объективном, реалистическом их измерении, а в преломлении познающего, воспринимающего их героя. Пространство и время в этих фильмах репрезентируют именно внутреннее состояние сознания героев фильма. Это достигается при помощи искажений, движущейся определенным образом камеры, а также декораций, которые также становятся важным элементом повествования, а не просто фоновой условностью, призванной повысить уровень правдоподобия. Например, «здания наклоняются, изгибаются или располагаются необычным образом. Предметы, используемые нами в повседневной жизни, становятся неестественными, непредсказуемыми, выведенными из равновесия» [12, 39]. Именно поэтому экспрессионистские фильмы являются интересным материалом, который можно использовать для анализа темпоральности, выражающей мироощущение европейского человека начала XX в.

Используя инновационные кинематографические приемы, данные фильмы делают носителем смысла само время. Уже упомянутый Томас Эльзессер отмечает, что «многие из классических фильмов Веймарского периода — это фильмы о самом кинопроизводстве, осмысляющие сами себя» [Там же, 14]. Эта «феноменологическая» самореферентность направлена не только на осмысление возможностей еще пока только зарождающегося киноязыка, но и на осмысление самого «сознания», которое обнаруживает себя в новых обстоятельствах и сталкивается с серьезными вызовами эпохи, описанными ранее. Поэтому использование движущейся камеры, искажающих линз, огромных по своему масштабу декораций можно в данном случае анализировать как попытки сделать субъективные индивидуальные эмоции (страх, встревоженность, беспомощность, отчаяние и др.) внешним, трансцендентным, переведа его на поверхность экрана, манипулируя восприятием зрителя и стремясь вызвать у него те же чувства, что испытывают герои. Экспрессионистские фильмы, обладая феноменологическим свойством регистрировать не сами явления, но прежде всего аффекты, являющиеся следствием тех или иных событий в диегезисе, становятся ярким примером того, как кинематограф обретает свойство становится «историческим воображением» или отражением «социально-психологической модели» современного общества. Таким образом, игровое, художественное кино может рассматриваться как «документ», который опосредованно регистрирует духовную ситуацию времени, ее настроение и основные интенции или культурные доминанты эпохи.

В рамках киноэкспрессионизма можно выделить две группы фильмов, которые отличаются по способу конструирования кинореальности. Первая группа — это фильмы, ориентирующиеся на фоновую составляющую пространства, использующие сложные, искаженные, причудливые декорации, которые передают

состояния, настроение и в целом характер изображаемого диегезиса, а также на мистические и фантастические сюжеты. Вторая группа — фильмы, в которых задействованы возможности самой камеры, ее движение, искажающие линзы, нетипичные ракурсы, создающие необходимый угол обзора, съемки от лица персонажей и крупные планы.

Ярким примером первых являются самые известные фильмы Роберта Вине — «Кабинет доктора Калигари» (1920), «Раскольников» (1923), «Руки Орлака» (1924), а также фантастические и мистические фильмы Фрица Ланга — «Усталая смерть» (1921), «Метрополис» (1927), «Женщина на луне» (1929). Примеры фильмов, расширяющих киноязык при помощи работы с нефигуративными его аспектами, — это фильмы Ф. В. Мурнау «Носферату. Симфония ужаса» (1922), «Последний человек» (1924).

В фильме «Кабинет доктора Калигари» при помощи нарисованных художниками декораций конструируется абсолютно искаженная и искривленная реальность, которая тем не менее репрезентирует мироощущение начала XX в., передавая свойственное ему разочарование в разуме как абсолютном благе. Тогда как рациональность символизируют прямые линии, симметрия, геометрическая выверенность, декорации данного фильма, напротив, наполнены наклоненными зданиями, совершенно неестественными искривленными улицами города, в котором происходят события. В сцене посещения канцелярии чиновника доктором Калигари этот самый чиновник сидит за высоким столом, и людям, обращающимся к нему, приходится смотреть снизу вверх. Пространство этой сцены доводит до абсурда саму идею социального неравенства и бюрократизации общественных процессов. Этот фильм конструирует совершенно абстрактную кинореальность и демонстрирует нам такие особенности экспрессионистского хронотопа, как утрирование и доведение до абсурда, сведение кинематографического образа к абстракции с целью репрезентации определенных идей и мироощущения создателей данного фильма. Искривленным в этом фильме оказывается не только город, но и сама природа.

Зигфрид Кракауэр анализирует послевоенное кино через призму «потрясения от свободы», которое испытал немецкий народ после войны, завершившейся многочисленными бунтами и мятежами в рядах военных. Это привело к волне духовного возбуждения, которая разрушила «старую шкалу ценностей и условностей... Немецкой коллективной душе... была предложена возможность превозмочь традиционные представления и как бы заново себя воссоздать» [6, 48].

Это, как уже было упомянуто выше, приводит к тому, что множество сюжетов фильмов киноэкспрессионизма, как, например, «Руки Орлака» Роберта Вине, «Последний человек» Ф. В. Мурнау и др., основываются на утрате персонажами определенной, ясной и привычной идентичности. В фильме «Руки Орлака» главному герою, пианисту, потерявшему руки, пересаживают руки, принадлежавшие убийце, и он обнаруживает у себя тягу к совершению преступлений. В фильме «Последний человек» главного героя, работающего швейцаром в очень дорогом и престижном отеле, понижают до должности уборщика, и он начинает сходить с ума и пытается сохранить свой статус среди соседей, украв старую форму

из отеля. Все эти сюжетные линии при анализе фильмов не так важны, как то, при помощи каких средств и за счет каких элементов киноязыка достигается ощущение тревоги, помешательства и страха.

Утрата идентичности как важная составляющая сюжетов данных фильмов может трактоваться как попытка выразить ощущение того самого противоречия, которое отмечает Ясперс, — противоречия между бытием и знанием о нем. Фильм «Руки Орлака» конструирует тревожный, беспокойный хронотоп при помощи параллельного монтажа, в котором между собой пересекаются сцены заключительного концерта Орлака и сцена с возлюбленной, готовящейся к его приезду после концерта. Следующий кадр повышает напряжение, представляя нам вид железной дороги со стремительно приближающимся поездом, который движется в сторону зрителя. Теперь уже между собой спорят не кадры с концерта и не кадры с девушкой, но вид приближающегося поезда и переключения стрелок на железной дороге, что предвосхищает грядущее столкновение. Стремительность, с которой сменяются эти образы, заставляет испытывать чувство страха и тревожности. Ощущение нестабильности и противоречивости усиливается с кадрами, в которых мы наблюдаем прибытие возлюбленной Орлака на площадь перед вокзалом, и кадрами спорящих между собой работников железной дороги.

Затем мы видим, как машина с возлюбленной Орлака спешит в темноте с включенными фарами в сторону Монтгерона, где произошло столкновение поездов. Мы видим само место аварии с толпами бегущих людей и людей с носилками. Пространство наполнено обломками поезда, а время предстает в смене кадров с людьми, спешно разбирающими завалы, и кадров с девушкой, которая пытается отыскать в них Орлака. Таким образом, мы видим, как при помощи монтажа и переключки между собой различных сцен, которые происходят одновременно, но обладают разным настроением и смысловой наполненностью, создается ощущение нестабильности кинореальности, в которой роковая ошибка приводит к тому, что в итоге станет ключевой темой данного фильма.

Драматизм событиям в данных сценах придается также при помощи контраста света и тени. Важной особенностью пространства фильмов Вине и большинства экспрессионистов является обострение этого контраста. Освещение нарочито выделяет персонажей и их яркий грим, при том что пространство остается затемненным. Во многих произведениях периода немого кино освещение распространяется равномерно по всему пространству кадра (например, фильмы Чарли Чаплина), тогда как в экспрессионистском кино все события происходят словно в темноте, с выделением фигур, но с затемнением фона. С точки зрения Андре Базена, переключение между фигурой и фоном расставляет приоритеты создаваемой кинематографической реальности. Акцентуирование фона, по его мнению, характерно для реалистических фильмов («глубинная мизансцена» [2, 21]), тогда как акцентуирование фигуры является в большей степени приемом, свойственным нарративам фильмов, создающих в рамках кинематографической реальности определенную символическую игру значений. Таким образом, акцент на фигуре и затемнение фона или его искусственное искажение (при помощи декораций) являются еще одной важной и характерной особенностью экспрессионистского

хронотопа: «Сказочное, мистическое обрамление истории, помимо того что оно выставляет на первый план сам акт рассказывания истории, также привлекает внимание к личности персонажей, их внутреннему состоянию или мотивации того, кто рассказывает историю» [13, 84]. Акцент на фигуре в данных фильмах призван сделать внутреннее внешним, показывая состояние сознания героев, изменяющееся в связи с теми или иными событиями.

Выразительность также достигается при помощи особой экспрессионистской хореографии. Актер Файт, исполняющий роль Орлака, совершает судорожные, отрывистые, несколько утрированные движения, как и многие другие актеры экспрессионистских фильмов, мимика и жесты которых иногда становятся усиленно экспрессивными для передачи ужаса или тревоги. Помимо эмоционального обострения это также создает ощущение того, что герой отчужден от собственного тела. Например, «постепенно погружающийся в пучину безумия Орлак боится своих собственных, странным образом отчужденных рук, так как полагает, что ему пришли руки душителя, и совершает судорожные движения с ножом, от которого эти руки не могут оторваться» [1, 77]. Также в фильме «Метрополис» Фрица Ланга герой, маг-изобретатель, двигается нарочито отрывисто, и его движения ассоциируются с движением куклы-марионетки, а актриса, играющая роль Марии Бригитта Хельм, «...порывисто оборачивается, резко меняет выражение лица на прямо противоположное, действует и двигается точно так же, как она делает это в роли ненастоящей Марии — человека-робота» [Там же, 78].

Отрывистость, утрирование, судорожность, преувеличенность жестов — свойства экспрессионистской хореографии. В рамках диегезиса они становятся важным элементом хронотопа, который создает мистичность, странность, абсурдность и иррациональность происходящих событий и самого мира, в котором они происходят. Герои живут в реальности утрированных жестов и образов, словно находясь в «мире зеркал и теней» — так характеризует кинематографическую реальность этих фильмов Лотте Айснер. По ее мнению, структурирование пространства у режиссеров-экспрессионистов «осуществляется в том числе и при помощи человеческого тела. Экспрессионисты не устают повторять, что накал страстей выражается в повышенной подвижности. Поэтому нужно придумывать движения, выходящие за рамки реальности. Ведь внутренний ритм человека выражается в жесте и должен интерпретироваться через жест» [Там же]. Сама игра актеров задает динамику действия, их продолжительность, скорость, интенсивность и выразительность; это не просто сопутствующий элемент кинообраза, но важная составляющая диегезиса. Движение актеров, экспрессивная деформация жестов перекликаются с искажениями пространства и предметов, его наполняющих, создавая не реалистический, но абстрактно-символический хронотоп путем формирования особых пространственно-временных отношений.

Томас Эльзесер, рассуждая о фильмах «Руки Орлака» и «Кабинет доктора Калигари», утверждает, что острый конфликт в них — это, с одной стороны, выражение психоаналитической идеи о подавленных желаниях, а с другой — марксистской идеи о процессе отчуждения труда, «в котором произведенный продукт противостоит человеку в монструозной форме» [13, 84]. Один из титров,

передающий слова доктора Орлаку в фильме, подтверждает эту идею Эльзессера: «Руки не могут управлять человеком, разум и сердце управляют всем телом, но не руки». Взаимодействие сюжета, событий фильма с его выразительными средствами (монтаж, освещение, игра актеров, декорации) делают из кинематографа как репрезентативной системы символическую систему образов, организованных в кинореальность, которая репрезентирует философские концепты.

Еще одним важным элементом кинематографической реальности для экспрессионизма является разделение на сон и действительность, когда зритель затрудняется определить, что в рамках фильма происходит на самом деле, а что является сном, фантазией или помешательством персонажей. Например, сцена из фильма «Последний человек» передает зрителям ощущение опьянения при помощи вращающейся вокруг главного героя камеры. Этому предшествует сцена, снятая трясущейся, быстродвижущейся камерой с неравномерной фокусировкой, из-за чего лица выглядят размазанными, словно в экспрессионистской масляной живописи. Расплывчатый кадр, в котором персонаж все еще носит свою форму и по-прежнему остается в почетной должности швейцара, с которой в действительности, как мы видели ранее, его уволили из-за того, что он не смог поднять багаж постояльца отеля, показывает нам, как ему удастся поднять этот тяжелый сундук одной рукой и проделать с ним пару трюков. Вокруг него столпилась толпа аплодирующих, восхищенных силой персонажа зевак. Этот кадр затем становится прозрачным, растворяется в мультиэкспозиции, плавно переходя к следующему кадру, на котором мы видим то ли спящего, то ли находящегося в бреду персонажа и вместе с ним испытываем переживания и страх от столкновения его фантазий с реальностью. Данная сцена может быть понята как обострение противоречий между реальной ограниченностью и умозраительной свободой человека, поскольку прямо сталкивает между собой в мультиэкспозиции одного кадра сны и реальности.

Мультиэкспозиция — наложение друг на друга двух или более кадров — является еще одним характерным приемом для создания мистической атмосферы. В фильме «Руки Орлака» этот прием используется в сцене, в которой огромная рука тянется к Орлаку, лежащему в постели, и при этом на него смотрит полупрозрачное улыбающееся лицо предполагаемого убийцы, которому до этого принадлежали пересаженные Орлаку руки. В этот момент главный герой просыпается от испуга. Наслоение различных пространств и образов друг на друга позволяет усилить атмосферу иррациональности и мистичности происходящих событий для того, чтобы изобразить пошатнувшийся рассудок персонажа или подчеркнуть, что происходящее является сном или галлюцинацией. Подобные сцены также усиливают ощущение тревоги и беспомощности героев перед лицом сверхъестественных событий.

***

В качестве вывода необходимо отметить, что ощущения тревоги, беспокойства, страха и нестабильности, являющиеся основными особенностями хронотопа в экспрессионистском кинематографе, выражают те тенденции, которые были

схвачены философской мыслью, в особенности экзистенциализмом. К ним относятся попытки мыслить человека как существо, осознающее одновременно и свою свободу, и ограниченность, попытки передать сущностное противоречие между индивидуальным и всеобщим, между личностью и обществом: «Сознавая свою свободу, человек хочет стать тем, чем он может и должен быть. Он рисует идеал своей сущности... Человек хочет освободиться от беспомощности в вопросах, от путаницы и войти в сферу всеобщего, которому он может подражать в своих конкретных формах» [11, 452].

К используемым художественным средствам относятся монтаж, в котором пересекаются различные по настроению сцены, повышающие ощущение напряженности и тревоги; контраст света и тени, акцент на фигуре, на рассказываемой истории, а не на фоновой составляющей; выразительная, отрывистая игра актеров, задающая динамику действия, его продолжительность, скорость, интенсивность и выразительность; экспрессивная деформация жестов, перекликающаяся с искажением пространства и наполняющих его предметов; разделение на сон и действительность, смешение реальности с фантазией и помешательством: мультиэкспозиция кадров, которая совмещает различные образы и пространства для достижения эффекта сверхъестественности, нереальности и иррациональности происходящих событий; выразительные, искаженные, причудливые декорации; конструирование кинематографической реальности не в реалистическом, правдоподобном модусе, а создание символического хронотопа, формирующего особые пространственно-временные отношения, наполненные смысловым, философским содержанием. Можно видеть, что основой всех этих приемов является пространственно-временной схематизм, или хронотоп.

Все это в разной степени присутствует в различных фильмах режиссеров-экспрессионистов и характеризует экспрессионистское кино, во-первых, как саморефлексию кинематографа по поводу собственных возможностей, как попытку создать символический кинематограф; во-вторых, как отражение произошедшего культурного слома, выразившегося в изменении системы ценностей, взгляда на мир и общего ощущения времени; в-третьих, как историческое воображаемое, в котором отражаются элементы современной социально-психологической ситуации общества, его реакция на уже произошедшие в истории события, на сложившееся в связи с этим положение дел, а также предвосхищение, обеспокоенность по поводу того, как события будут развиваться в будущем. Кино, таким образом, представляет собой в определенной степени модель общества.

Дальнейшие перспективы развития этой темы заключаются в более детальном анализе конкретных фильмов первой трети XX в. с применением результатов данного исследования, а также в выходе за рамки киноэкспрессионизма и сопоставлении особенностей экспрессионистского хронотопа с особенностями хронотопа отечественных или американских фильмов этого периода.

---

1. *Айснер Л.* Демонический экран. М., 2010.

2. *Базен А.* Что такое кино? : сб. ст. М., 1972.

3. *Бахтин М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
4. *Делёз Ж.* Кино. Кино 1 : Образ-движение; Кино 2 : Образ-время. М., 2004.
5. Кино не является искусством: Олег Аронсон о преимуществе восприятия над пониманием (расшифровка лекции) : [Электрон. журн. «Теории и практики»]. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/8489cinema_no_art (дата обращения: 29.04.2018).
6. *Кракауэр Э.* От Калигари до Гитлера: Психологическая история немецкого кино. М., 1977.
7. *Омон Ж., Бергала А., Мари М., Верне М.* Эстетика фильма / пер. с фр. И. И. Чельшевой. М., 2012.
8. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. М., 1997.
9. *Рыклин М.* Жиль Делёз: «Кино в свете философии» // Искусство кино. 1997. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kinoart.ru/archive/1997/04/n4-article23> (дата обращения: 04.04.2019)
10. *Тарковский А.* Запечатленное время // Вопросы киноискусства. М., 1967. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/pdf/tarkovsky_andrey_zapечатlennoe_vremya_1967.pdf (дата обращения: 05.05.2019).
11. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 443.
12. *Fabe M.* Closely Watched Films An introduction to the Art of Narrative Film Technique. L., 2004.
13. *Elsaesser T.* Weimar cinema and After. Cinema's historical Imaginary. Abingdon, 2000.

Рукопись поступила в редакцию 4 июня 2019 г.

УДК 7.036 + 75.04(430)

С. П. Пургин

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОМАНТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ИСКУССТВЕ ПАУЛЯ КЛЕЕ: ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ*

По путеводной нити той характеристики, которую П. Клее дал своему искусству в дневнике: «холодный романтизм», «романтизм без пафоса», — исследуется его отношение к исторической традиции романтизма. В центре внимания — романтическое представление о художнике и судьбе художника. Опираясь на литературные тексты Клее, которые являются своеобразным комментарием к живописи, в статье раскрывается, как тема судьбы преобразуется в тему времени. Предметом искусства мастера становятся структуры времени, лежащие в основе всякого формирования. Это соответствует тому отчужденному от земных и исторических обстоятельств романтизму, который Клее назвал «романтизмом без пафоса». Это также соответствует переходу от живописи фигуративной к абстракции. Место диалектики идеального замысла и материального воплощения у Клее занимает амбивалентность универсального/индивидуального. Всеобщие структуры времени остаются тем не менее структурами индивидуального сознания, что порождает в мире художника ощущение ненадежности, зыбкости существования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: искусство Пауля Клее, романтическая традиция, судьба, структуры времени, абстракция.

В начале 1915 г. Пауль Клее записал в дневнике: «Оставляешь область по сю сторону, чтобы строить там, в потустороннем, где творение будет всецело нетронутым (*ganz ja sein*). Абстракция. Холодный романтизм (*die kühle Romantik*) такого стиля, без пафоса — нечто неслыханное. Чем более пугающим становится этот мир (таким, каков он сейчас), тем более абстрактным становится искусство, в то время как счастливый мир дает искусство посюстороннее (здесь и далее тексты П. Клее даются, за исключением особо оговоренных случаев, в нашем переводе. — С. П.)» [7, 365].

Война, опустошавшая Европу, уже унесла осенью 1914-го его друга, художника Августа Макке, с которым он весной того же года совершил знаменательное путешествие в Тунис. В 1916 г. в боях под Верденом будет убит художник Франц Марк, их друг, как Макке и Клее, участник объединения «Синий Всадник» («*Blaue Reiter*»). Сам Клее, мобилизованный летом 1916 г., сначала попадет в резервный пехотный полк в Мюнхене, а затем будет переведен в Шлейсхайм, чтобы служить при военном аэродроме.

С исторической стороны, таким образом, переход Клее в живописи к тому, что он сам называет «холодным романтизмом», кажется более чем мотивированным. И дневниковая запись начала 1915-го будто бы ясно свидетельствует об этом. Но не все так просто. В том же дневнике 1915 г., спустя, вероятно, очень недолгое

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Человек в своем времени: проблематизация темпоральности в европейском интеллектуальном пространстве первой трети XX века», 2019–2021 (проект № 19-18-00342).

время (записи 1915 г. не датированы), неожиданный поворот: «Эта война уже давно шла во мне. Поэтому внутренне она меня не затрагивает» [7, 366]. Клее ничего не воспринимает как просто внешнее, объективное. Очевидно, обе мотивации — внешняя, социальная, и внутренняя, обусловленная его личной историей, а также развитием его как художника, сливаются воедино. Или, точнее сказать, внешняя сразу интериоризируется, переходит во внутренний план.

Запись, с которой мы начали, не единственное, но, пожалуй, наиболее недвусмысленное и внятное высказывание, в котором Клее соотносит себя с известными художественными традициями. Он определяет свое искусство как *романтическое* по характеру. Правда, указывая на то, что его «холодный романтизм» есть нечто «неслыханное» (*unerhört*), он тут же и устанавливает дистанцию по отношению к романтизму как историческому феномену. Вправе ли мы в таком случае связывать искусство Клее с романтизмом, таким, каким мы его знаем в европейской литературе и живописи? Может быть, «романтизм» Клее, романтизм «без пафоса», есть нечто, стоящее особняком, в удалении от известных путей романтического искусства, *романтизма традиции*. Может быть, это определение он использует просто за неимением лучшего, более точного... Ясно, во всяком случае, что ни о каком «неоромантизме» здесь и речи быть не может. Клее, который к 1915-му свел знакомство с такими пионерами новой живописи, как Кандинский, Пикассо, Брак, Делоне, Дерен, Матисс, усвоил и взял на вооружение многое из того, что увидел у этих мастеров, ищет новых путей в искусстве, таких неожиданных и смелых, что любые компромиссные *нео-* или *пост-* в отношении его живописи были бы просто неуместны. Не будем забывать о том, что приведенная выше запись отмечает и даже обосновывает переход художника к *абстракции* («...чем более пугающим становится мир, тем абстрактнее становится искусство...»). Абстрактная живопись к тому времени уже не была чем-то совершенно новым, неслыханным. Но абстракция Клее, позднее обоснованная им в его теоретических работах, несмотря на влияние других художественных систем (в первую очередь орфизма Делоне), была системой оригинальной, закономерным следствием его собственных поисков. Пауль Клее — один из наиболее смелых художников-искателей XX в., создавший не только свой художественный стиль, оказавший большое влияние на искусство (не только живописное!) второй половины столетия, но и оригинальную систему мировоззрения.

Все же определение «романтизм», отнесенное Клее к своему стилю, не может быть случайным. О том, что он романтик, причем не в отвлеченном смысле, а как преобразователь известной традиции, говорит в первую очередь его искусство. Правда, работы, которые являются примером его «холодного романтизма», появятся у него в значительном количестве двумя годами позже — начиная с 1917 г. Но ясно, что замысел их зрел уже тогда, когда он оставил в дневнике обращенную к себе характеристику. Одной из первых ласточек, кажется, была акварель «Низен» («*der Niesen*») (гора в швейцарских Альпах, недалеко от Берна), датированная 1915 г. К 1918 г. относятся акварели «Миф цветов» («*Blumenmythos*»), «Ночные цветы» («*Nächtliche Blumen*»), работа акварельными красками «С орлом» («*Mit dem Adler*»). К 1919-му — знаменитое «Полнолуние» («*Der Vollmond*») маслом,

к 1921-му — не менее известная акварель «Сон-город» («Traum-Stadt») и многие другие. Картины данного периода, который захватывает отчасти начало работы Клее в Баухаузе (январь 1921 г.), заставляют вспомнить о великом немецком поэте и философе Новалисе (Фридрихе фон Харденберге). С автором «Гейнриха фон Офтердингена» и «Саисских учеников» Клее роднит атмосфера сказки, волшебного сна, внимание к миру растений и животных, стремление расшифровать тайный язык природы. Их объединяет поэтический дух, мифотворчество, тайнопись: Клее уже в это время использует в картинах отдельные буквы латинского алфавита или символы, принадлежащие разным религиозным традициям, которые вместе словно составляют некую магическую азбуку. Их объединяет как будто и мотив цветка: знаменитый «Голубой цветок» из романа Новалиса, названный Вячеславом Ивановым «храмовой легендой романтиков»¹...

Но здесь вновь, как и во многих других случаях, когда мы уже готовы предложить готовую формулу его творчества, внезапно обнаруживаются некоторые не укладывающиеся в общую картину «нюансы». Прежде всего, нет свидетельств о том, что Новалис в то время вообще входил в круг его чтения. О нем нет упоминания в его дневниках (велись до 1917 г.), письмах невесте Лили Штумпф (с 1903 по 1905 г.) [5]. Клее читает немецкого драматурга Фридриха Геббеля. Он наследник романтизма, но не романтик, его отношение к романтизму напряженное, сложное. Читаются не только драмы и стихи, но и дневники Геббеля. Он восхищается «Мертвыми душами» Гоголя, открывает для себя других русских писателей — Лермонтова, Горького. Что касается авторов из круга романтиков, то его в первую очередь привлекают неистовые герои Генриха фон Клейста, в первую очередь Фридрих принц Гомбургский. А первые литературные иллюстрации Клее, как известно, выполнены к произведению вовсе не романтическому: вольтеровскому «Кандиду» (1911–1912). О «философской повести» Вольтера имеется восхищенная запись в дневниках (1905) [7, 232]. (Заметим мимоходом, что «Кандида» Новалис поставил рядом с гётевским «Вильгельмом Мейстером» как пример произведения «враждебного поэзии» [2, 290]). Круг чтения, впрочем, не является в нашем случае главным аргументом. Это дополнительное свидетельство. Действительно, когда внимательнее присмотришься к работам Клее периода конца 10-х — начала 20-х гг., возникает вопрос: в какой мере атмосфера их действительно близка романтизму Новалиса, «романтизму сердца»? Не слишком ли они отвлечены, безмятежны, «сверхчеловечны»? Быть может, между мистической отрешенностью Клее, его взглядом сверху, из некоего метафизического далека, и прозрачно-идиллическим, но человеческим миром Новалиса действительно существует дистанция?

Характеристика искусства Клее как «холодного романтизма» скрывает в себе проблему. Эта проблема включает в себя и более частный вопрос об отношении Клее к исторической традиции художественного и литературного романтизма

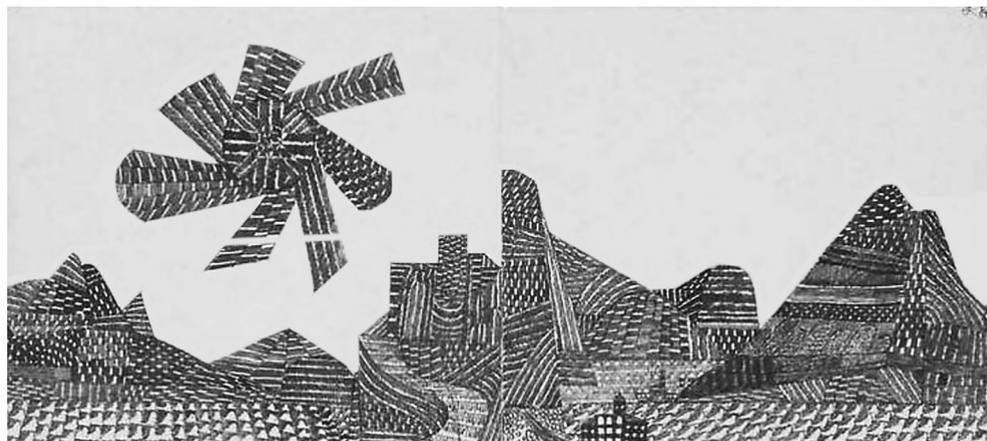
---

¹ Его Клее напишет уже гораздо позже, в 30-е гг. И будет его «Голубой цветок» («Die Blaue Blume») странным, неожиданным и, по всей видимости, непохожим на то, как его представлял автор «Гейнриха фон Офтердингена». В начале 30-х гг. Клее также создаст ряд графических иллюстраций к повести «Саисские ученики».

(в первую очередь немецкого). Поскольку романтизм также философское течение, этот вопрос может быть поставлен и в отношении его философских позиций. Клее известен как художник, который переосмыслил базовые категории живописи. Он вводит время в ткань живописного произведения таким образом, что живопись становится у него, вопреки Лессингу (как он сам пишет об этом в эссе «Творческое кредо» («Schöpferische Konfession») [6, 33]), временным искусством. Мы полагаем, что преобразование романтической традиции, о котором выше шла речь, напрямую связано у Клее с динамизацией живописного образа. Но динамизация, в свою очередь, базируется у швейцарского мастера на философском осмыслении времени в его отношении к процессам, происходящим в природе и человеческой истории. Вопрос о времени — это также и вопрос о *творении*, имеющий для художника едва ли не решающее значение. Таким образом, задача осмыслить, что представляет собой «романтизм без пафоса» у Клее, приводит нас к вопросу о роли времени, отношении времени к видимым формам этого мира. Сопоставление художественного мира Клее и мира романтической прозы или романтической живописи используется нами как основное средство при разработке данного вопроса.

В центре творчества романтиков, в центре их философии стоят личность художника и его *судьба*. Важнейшие произведения эпохи романтизма, в первую очередь написанный в жанре романа воспитания «Гейнрих фон Офтердинген» Новалиса, представляют *судьбу художника*, его путь к обретению призвания и его исполнению. Сюда же можно отнести и роман друга Новалиса, Л. Тика, «Странствия Франца Штернбальда» и, еще раньше, «Примечательную музыкальную жизнь композитора Иозефа Берглингера» В.-Г. Вакенродера, а также многие другие новеллы и повести романтической эпохи. Композиция романа Новалиса, разделенного на две части, из которых первая называется «Ожидание» («Erwartung»), а другая, незавершенная, — «Исполнение» («Erfüllung»), представляется в этом смысле весьма характерной. С другой стороны, если поставить в хронологический ряд все художественные опыты Клее приблизительно с 1901 по 1917 г. — его рисунки, картины маслом, акварели, цикл офортов «Инвенции», работы на стекле, иллюстрации к вольтеровскому «Кандиду» и проч., — не составят ли они вместе своеобразный «роман воспитания» художника, но только не литературный, а живописный и графический? Роль же литературного или словесного эквивалента этой истории будут играть знаменитые дневники Клее («Tagebücher»), которые он вел с 1901 по 1917 г. и которые действительно представляют собой единственный в своем роде автобиографический роман воспитания. Причем внутренней, неявной основой этого романа, так же как у Новалиса, будет напряжение между ожиданием и исполнением.

Романтический тип художника выдает себя бесконечностью надежд, творческих замыслов. Этим он отличается от героя античного мифа. Значение художника невероятно велико. Он вынесен на вершину, от воплощения его надежд зависит не только его собственная участь, но и участь людей, страны, человечества. Для героя античной трагедии такая бесконечность ожиданий означала бы ὕβρις («надменность», «гордыня») — пренебрежение мерой, пределом, положенным

П. Клее. Пейзаж с озером и небесными телами. 1920. Перо, тушь

человеческой природе, то есть попытку смертного сравняться с богами. Не случайно в сюжетах мифов такая попытка, как правило, имеет вид поступка дерзкого, преступного, даже чудовищного. Только в гибели, которая является возмездием богов, неизбежным следствием *ἔβρις*, герой может заново обрести свое равновесие, примирение конечного и бесконечного. Для романтического художника бесконечность чаяний закономерна, на то он и художник, *гений*. С нею «на утре дней своих» отправляются в путь из родного города герои Новалиса и Людвиг Тика — юноша Гейнрих, будущий поэт-миннезингер, и художник Франц Штернбальд, ученик Альбрехта Дюрера. Их ведет предчувствие судьбы. У Гейнриха впереди путь к обретению призвания (он, отправляясь в дорогу, еще не знает, что он поэт), открытию себя, исполнению надежд. Роль художественного гения настолько значительна, что его личная история не может не быть связана с утопией социальной (неважно, остается ли эта утопия в сфере идеального или же художник предпринимает шаги к ее осуществлению). Исполнение надежд, в свою очередь, сулит преобразование всей земли, возвращение золотого века. Судя по рассказу Людвиг Тика, в финале своего романа Новалис хотел привести Гейнриха в блаженную страну, где герой, пережив смерть, разрушает царство солнца и приводит к браку времена года.

Но судьба художника, как и судьба мифического героя, так же трагична. Дело в том, что исполнение (*Erfüllung*) не может быть достигнуто в полной мере в земной жизни. Это относится не только к героям, но к самим авторам романтических произведений. Бесконечность чаяний героев живет в душах их творцов. И она не может воплотиться в материальных творениях, так же как не могли воплотиться в реальность те утопии и миражи, с которыми носились гении эпохи романтизма. С одной стороны, она рождает бесконечную «тоску», «томление» — романтическую *Sehnsucht*. Но в окончательном смысле бесконечность открывается по ту сторону земного существования: роль силы, которая способствует осуществлению чаяний гения, играет смерть. Примером может быть вновь автор

«Гейнриха фон Офтердингена». Можно спросить, в какой мере в памяти читателей живет Новалис, автор незавершенного романа или цикла стихотворений «Гимны к Ночи», а в какой — гениальный юноша, поэт, горный инженер, романтический любовник Софии, потерявший юную невесту и сам умерший от чахотки, не дожив до тридцати лет? Бесконечность открывается в самом *образе* творца, который, конечно, вмещает в себя героев произведений, но помимо произведений светит своим особенным светом — *неповторимой* личности.

В какой мере соответствует романтической идее судьбы «холодный романтизм» Клее? Правда то, что в его пейзажах, сказках, в его странных или гротескных персонажах художник не всегда заметен. Тем не менее он в них неизбежно живет. Он — во всех персонажах, в каждой линии, в каждом цветовом элементе его абстрактных композиций. Так что мы имеем полное основание обратиться к нему. Кроме того, комментарием к живописи служат литературное творчество Клее, его дневники. Среди поэтических текстов, которые были собраны и изданы его сыном Феликсом Клее, имеются два варианта одного и того же стихотворения в прозе, которые были записаны в дневнике с промежутком в четыре года: первый вариант — в 1901 г., второй — в 1905-м.

Вариант 1901 года

Ich bin Gott.

So viel des Göttlichen
ist in mir gehäuft,
das ich nicht sterben kann.

Mein Haupt glüht zum Springen.

Eine der Welten,
die es birgt,
will geboren sein.

Nun aber muß ich leiden
vor dem Vollbringen [4, 29].

«Я — Бог. Я столько скопил в себе божественного, что умереть я не могу. Моя голова готова разорваться. Один из миров, что она скрывает, хочет родиться. Но все же должен я страдать перед осуществлением».

Это еще один, после Диониса Ницше, вариант страдающего бога. Страдающий бог — это художник. Первая строка поражает лаконизмом. Художник может всё, для него нет препятствий. В его голове теснится множество миров, каждый из которых он может привести к осуществлению. Его переполняет ощущение силы. Но он страдает перед самим осуществлением. Причина, может быть, в том, что он должен выбирать между этими мирами. Или сам избыток силы тяготит его. Это не так важно. В конце концов, творческая мука перед воплощением знакома любому творцу. Важно лишь то, что художник — бог, страдающий бог.

Позднее в дневнике появится другой набросок той же темы. Этот новый вариант датируется 1905 годом. Это время, когда был завершен цикл офортов

«Инвенции» и Клее уже стоял на пороге тех поисков, которые в итоге приведут его к обретению своего собственного стиля и языка.

Bin ich Gott?
 Ich habe großer Dinge so viel gehäuft in mir!
 Mein Haupt glüht zum Springen.
 Ein Zuviel an Macht muß es bergen.
 Wollt Ihr — seid ihr's wert? — daß es euch geboren werde.
 [Beiseite]: Sie waren seiner auch nicht wert,
 den sie kreuzigten.

Reeller: Das Genie sitzt im Glashaus,
 aber im unzerbrechlichen, ideengebärend.
 Nach den Geburten verfällt es in Raserei.
 Greift zum Fenster hinaus nach dem Nächsten,
 der da vorübergeht.
 Die Dämonskralle hackt,
 die eiserne Faust packt.
 Sonst warst du Modell,
 höhnt es zwischen Sägezähnen,
 mir bist du Materie zum Werk.
 Ich schmeiß dich hin an die Wand von Glas,
 daß du pappen bleibst,
 projiziert pappen...

Dann kommen die Kunstfreunde
 Und betrachten von außen das blutige Werk.

Dann kommen die Fotografen.
 NEUE KUNST steht am andern Tag in der Zeitung.

Die Fachzeitschriften geben ihr einen Namen
 mit der Endung auf ISMUS [4, 60].

«Бог ли я? Я скопил в себе много великих вещей. Моя голова горит и готова взорваться. В ней таится избыток силы. Хотите ли вы — достойны ли вы этого? — чтобы рождение состоялось. [Сбоку:] Они не были достойны того, кого распяли.

Реалистичнее: гений сидит в доме из стекла, но неразрушимом, рождая идеи. После рождения он впадает в ярость. Он бросается из окна на первого встречного. Его когти демона впиваются, железный кулак хватает. Теперь ты будешь моей моделью, — издевательски цедит он сквозь зубы, — ты моя материя в работе. Я швырну тебя на стену, ты станешь проекцией. И вот приходят друзья искусства и смотрят снаружи на его кровавую работу.

Потом приходят фотографии. На другой день это новое искусство появляется в газетах».

Специализированные журналы дают ему новое имя с окончанием на *-изм*.

По сравнению с ранним вариантом Клее содержательно развивает тему художественного гения. Наряду с сомнением (сменившем простое утверждение: «я — бог») он во второй части стихотворения сатирически изображает современного

художника. Обнажается хищное демоническое начало последнего. В этом наброске, заметим, появляется новый план, который полностью отсутствовал в более раннем тексте. Это отношение к людям — зрителям, «ценителям искусства» (die Kunstfreunde), а также к тем, кто может стать для художника «моделью». Причудливая фантазия в этой сатире — та самая, что воплотилась в графическом цикле его «Инвенций». Юмор — тот, что искони был присущ Клее и поддерживал его на протяжении всего его творческого пути.

Самоутверждение художника здесь гораздо более радикально, чем самоутверждение романтического гения. Радикальность заключается в том, что художник устанавливает между собой и миром всех видимых форм невероятную дистанцию. Он уносится в бесконечную даль, он смотрит на мир из некой отдаленной точки. Отчуждение художника достигает крайнего предела. (Мы знаем, что у этого отчуждения есть и исторический мотив: война, безумие, охватившее людей.) Но это вовсе не означает, что мир художника больше не интересует. Связь с миром, с его существами и формами сохраняется. Но его персонажи приобретают странный гротескный вид. Сблизившись с дадаистами и — далее — сюрреалистами, Клее и у них взял именно то, что соответствовало его целям. Обратим внимание на одну запись в дневнике, также датируемую 1905 годом (Феликс Клее включает ее как стихотворение в прозе в сборник поэтических текстов своего отца!): «Не дай бесконечной искре потухнуть, подчинившись мере закона. Берегись! Но и не отрывайся совершенно от этого мира. Представь себе, что ты умер. После долгих лет уединения тебе будет позволен один-единственный взгляд в сторону земной жизни. Ты увидишь, там стоит фонарь, а рядом с ним собака поднимает заднюю лапу. И тогда ты непременно должен зарыдать от умиления» [7, 214].

Вторая часть наброска «Bin ich Gott?», сатирический образ современного художника, творца различных *-измов*, неявно содержит в себе и положительное решение, ответ на мучительный вопрос. За десять лет до появления собственно абстрактных работ («Анатомия Афродиты» («Anatomie der Aphrodite») датирована 1915 г.) Клее уже предвидит свой собственный путь в искусстве: отказ от обычной фигуративности, от воспроизведения поверхности явлений. Традиционный путь представлен в тексте Клее в карикатуре на современного гения, который умерщвляет живую модель, превращая ее в кусок картона. «Das blutige Werk!» «Кровавая работа!» Но: «Искусство не воспроизводит видимое, но делает видимым» [6, 28]. Этот знаменитый тезис, открывающий его «Творческое кредо», кажется, уже в скрытом виде содержится в сатире Клее. Переход от фигуративности к абстракции представляет собой, в свою очередь, необходимую обратную сторону того отдаления, о котором мы сказали выше.

Радикальное самоутверждение художника, более сильное, чем самоутверждение романтического гения, коренится в том, что его больше не интересуют видимые формы, его интересует их *формирование*. Его внимание обращено на структуры, которые приводят к формированию видимых и осязаемых ландшафтов этого мира. Это в первую очередь структуры динамические, *временные*. В этом состоит темпоральный поворот в искусстве Пауля Клее.

П. Клее. Легенда Нила. 1937. Пастель на джутовой ткани

Невиданное доселе возвышение художника — в переносе работы из плана явного в план незримого. Что более всего подобает богу-создателю, нежели работа в незримом? Такой поворот открывает взгляду бесконечное многообразие *возможных* форм творения. «Художественное кредо дня прошлого и исследования природы, с ним связанного, состояло в том, что можно было бы назвать изнурительным исследованием видимого в деталях. Я и Ты, художник и объект, стремились к общению физико-оптическим методом через слой воздуха, что отделяет Меня от Тебя... Оптический метод сам по себе более не отвечает нуждам сегодняшнего дня, так же, как он, если бы был единственным, не отвечал бы нуждам и дня позавчерашнего. Художник сегодня тоньше, чем самый совершенный фотографический аппарат, он сложнее, он богаче, он располагает большей широтой [взгляда]. Он земное творение, но также и творение Вселенной: творение, живущее на звезде, которая находится среди других звезд» [8, 43–44], — пишет Клее в очерке «Различные методы в исследовании природы». И он оправдывает свои слова, создавая в живописи и графике разнообразные, зачастую фантастические, то есть — *вероятные*, формы растений, животных, пейзажей. Но наиболее принципиальными среди его работ, по нашему мнению, являются абстрактные, те, в которых фигуративность исчезает полностью, ибо именно в них или, точнее

сказать, именно ими художник выражает сами динамические (созидательные) структуры творения.

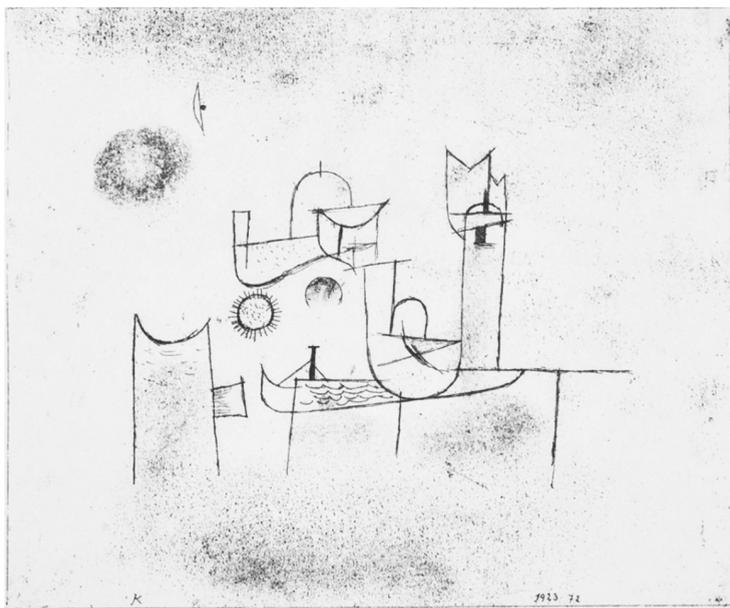
Но вернемся к теме судьбы. Романтический художник — в его судьбе, которая ведет его к осуществлению надежд, но, в силу их бесконечного характера, с трагической неизбежностью оборачивается катастрофой, срывом. Смерть освобождает художника от необходимости материального воплощения его бесконечных замыслов: отныне художественный гений будет жить помимо своих произведений еще и как *образ* неповторимой личности. Но в той трансформации, которую производит в своем искусстве Клее, не так важно, насколько сознательно он ориентировался на традицию романтизма, — понятие судьбы уже не имеет главенствующего значения. Судьба как руководящий принцип отступает, ибо искусство Клее уже не знает власти земли.

Это, конечно, вовсе не означает, что художник не хочет материально воплощать свои замыслы. Секрет в том, что сами замыслы, как и их воплощение, имеют у него иную природу. Идея живописного произведения, если перефразировать Осипа Мандельштама, представляет собой «светящийся (видимый) слепок формы». Но эта рожденная в уме художника идея не имеет прямой ассоциации с вещами видимого мира (вспомним художника в стихотворении Клее, который вслед за рождением идеи, выскакивает из своего стеклянного дворца и бросается «на первого встречного» как на жертву...). Ее воплощение будет состоять в работе с простейшими элементами формы — линией, цветом, тоном, такой, которая в итоге обнажит динамическую основу как *форму самой формы*. Эта работа включает в себя, конечно, материальную составляющую. Работа над *такой* картиной требует особой техники. Клее достигает высочайшего уровня мастерства в работе с материалами, в подготовке поверхностей. Он использует самые разные орудия. В дело идут декалькомания, коллаж, декупаж и проч. Повторяем: материальная или техническая составляющая работы у Клее необычайно важна. Но *содержательно* эта работа всегда разворачивается в другом измерении. Она направлена внутрь: это поистине работа в незримом. И тот, кто воспринимает его картину, видит не столько линии и цвета. В линиях, в цвете, в тоне мастер обнажает динамизм формы. Воспринимая их, зритель различает формирование формы, ее движение, ее ритм. На живописном полотне он видит *самое время*.

Таким образом, можно сказать, что в своем искусстве Клее как художник преодолевает силу земного притяжения и вырывается на простор времени. Интересна в этом отношении автохарактеристика, которую он дает, чтобы оттенить характер искусства другого мастера, в небольшом очерке, посвященном 60-летию Эмиля Нольде: «Абстрактные натуры, чуждые земле и бегущие прочь от земли, подчас забывают, что есть Нольде. Я — нет, даже в самых дальних моих полетах, из которых я неизменно возвращаюсь на землю — передохнуть во вновь обретенной тяжести. Нольде не просто привязан к земле, он демон нашей юдоли. И хоть сам ты жителюешь где-то в другом месте, ты постоянно чувствуешь в нем родню — брата по тем низинам, связанного с тобой избирательным сродством (пер. М. Урбана)» [3, 41].

Интересно, что Клее не относит себя к «абстрактным натурам»: ему также нужно время от времени возвращаться на землю, чтобы «передохнуть в земной

тяжести». Конечно, разрыв с идеей судьбы вовсе не означает окончательного разрыва с землей. Окончательный разрыв с землей, собственно говоря, невозможен. Тем не менее Клее как художник смотрит на все земные обстоятельства всегда с некоторой дистанции. В статье Марии Ставринаки «Момент настал»: Пауль Клее и опыт истории» [9] эта дистанция определяется с помощью введенного В. Шкловским понятия «остранения». Для нас важно то, что эта дистанция возможна постольку, поскольку на смену руководящей идее судьбы у Клее приходит *идея времени*, которая сама по себе предполагает разомкнутый, открытый характер существования. Художник меняет точку зрения, перспективу взгляда. Он может перемещаться по эпохам, уходить в предысторию человеческих цивилизаций, изображать жизнь растений, подводного мира, углубляться в историю ландшафта и геологическую историю земли... Как уже говорилось выше, значение художника как творца в художественной системе Клее невероятно высоко. Что же дает художнику такую власть? Только работа с простыми элементами живописи, которая позволяет художнику открывать динамические, в сущности — временные, структуры в организации земных явлений.

П. Клее. Солнце в проливе. 1923. Литография

В статье «Универсум времени в искусстве Пауля Клее» [1] мы перечислили и описали основные измерения времени, которые художник охватил и представил в своих многочисленных и невероятных по богатству фантазии работах. Следует подчеркнуть, что двунаправленная связь этих измерений (о которой также шла речь в указанной статье) фактически замещает в системе Клее ритм и двусложный такт судьбы: ожидание и исполнение, — лежащий в основе романтического понимания искусства и самой жизни. Принципиальной здесь

является интеллектуальная и творческая свобода, придающая искусству Клее философский характер, — настолько, что его живопись может рассматриваться как совершенно особенный феномен. Оставаясь искусством, она является вместе с тем свободным движением мысли, созерцанием и рефлексией. Философский характер искусство Пауля Клее приобретает именно потому, что основной темой его становится время, которое по отношению к судьбе выполняет роль основы или поля, в котором судьба разворачивается.

Можем ли мы, в силу всего вышесказанного, представить художника неким блаженным существом, которому ведомы восторги творчества, но который не знает его мук? Действительно, основное трагическое противоречие романтического искусства и романтической философии, между бесконечностью идеи и неизбежной конечностью ее материальных воплощений, преодолевается в искусстве Пауля Клее. Художник словно нашел «золотую жилу». «Предметом» его искусства являются динамические структуры, благодаря которым и в которых могут являться бесчисленные формы живой и неживой природы. Между живописью предметной и беспредметной (нефигуративной) пролегает огромная, открытая Клее, область возможных, *виртуальных* форм. Этим объясняется и почти невероятная продуктивность мастера. Сравнение с богом-творцом уже не выглядит по отношению к Клее заурядной фигурой речи. Вместе с тем его искусству сопутствует и своя трагедия, свое страдание. Наряду с рафинированностью, интеллектуальностью его работ бросается в глаза также хрупкость созданий, которые живут в мире Пауля Клее. Его творчеству присущ подчеркнуто субъективный, даже интимный характер. Его «Покоящийся Сфинкс» с картины 1934 г. во всем своем могуществе поражает какой-то болезненной меланхолией и беззащитностью.

Объяснение простое. Временные динамические структуры, выявляемые художником, оказываются, в сущности, *структурами его сознания*. И художник чувствует, *знает* это. «Самые дальние полеты», о которых он пишет, сравнивая себя с «гением земной юдоли» Э. Нольде, являются все же путешествиями его фантазии. Структуры, открываемые Клее, быть может, и обладают универсальностью, но от этого не перестают быть структурами сознания. Место романтической дихотомии бесконечного (идея) и конечного (материальный результат) у него замещает дихотомия универсального (космического) и индивидуального (субъективно-человеческого). Одним из сквозных мотивов творчества Клее является мотив вздымающихся лестниц, мотив подъема, падения, акробатов, балансирующих над пустотой, мотив удержания равновесия. Нам представляется, что в этих образах художник выразил тот искони преследующий его страх, который в его системе трансформирует романтическую драму воплощения.

«Холодный романтизм» Клее не разрыв с романтической традицией, но, конечно, и не ее органическое последовательное развитие. Здесь мы имеем дело с неким третьим типом связи — с трансформацией традиции, трансформацией, которая происходит в радикально новых условиях. Как мы видим, начало абстрактной живописи связано не только с известными художественными предпосылками или импульсами (импрессионизм, живопись Сезанна и т. д.), но и — по крайней мере, в случае Клее — с подготовленной общественными и культурными

условиями новой творческой и философской ориентацией личности. Древний комплекс судьбы оказывается преодоленным, власть земли кажется отринутой. На место судьбы является *время* как более универсальная космическая структура или сила, основа всякого формирования. Человек видит себя перед лицом времени. Он даже может попытаться представить себя причастным его творческой силе, но с риском оказаться в новом расколе, пережить новую драму, которая и не снилась художнику-романтику.

---

1. Голуб Е. А., Пургин С. П. «Универсум времени» в искусстве Пауля Клее: Философская рефлексия и художественное воплощение // Изв. УрФУ. Сер. 3 : Общественные науки. 2018. Т. 13, № 2(176). С. 152–164.

2. *Новалис*. Фрагменты. СПб., 2014. С. 290.

3. Нольде Э. Полотна. Акварели. Графика. М. ; Л., 1990.

4. Klee P. Gedichte. Zürich ; Hamburg, 2013.

5. Klee P. Le temps des Inventions. P., 2005.

6. Klee P. Schöpferische Konfession. B., 1920.

7. Klee P. Tagebücher. Bern, 1988.

8. Klee P. Théorie de l'art moderne. P., 1985.

9. Stavrinaki M. Le moment est venu. Paul Klee et l'expérience de l'histoire // Klee P. L'Ironie à l'oeuvre. P., 2016. P. 228–233.

Рукопись поступила в редакцию 4 июня 2019 г.

УДК 821.161.1 + 115 + 159.942 + 7.036

А. А. Сысолятин

КАТАЛЕПСИЯ ВРЕМЕНИ: ЭСТЕТИЗАЦИЯ УЖАСА В «ТРАКТАТАХ» Л. ЛИПАВСКОГО*

Статья обращается к интеллектуальному наследию одного из участников ленинградского литературно-философского общества ОБЭРИУ — Л. Липавскому. В цикле текстов-«трактатов», разнообразно исследующих специфику представления о реальности, Л. Липавский рассматривает связь переживания времени и форм человеческой чувственности (в частности, страха). В противоположность европейской интеллектуальной традиции он помещает проблему страха не в контекст психологии или этики, а указывает на эстетическую природу страха и экспериментально формирует его своеобразную «морфологию».

К л ю ч е в ы е с л о в а: страх, время, реальность, авангард, Л. Липавский, ОБЭРИУ.

Форма статьи предполагает необходимость говорить о предмете исследования как о завершенном представлении, вынося своего рода экспертный «приговор».

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Человек в своем времени: проблематизация темпоральности в европейском интеллектуальном пространстве первой трети XX века», 2019–2021 (проект №19-18-00342).

Однако литературное и философское наследие обэриутов на сегодняшний день издано несистематически и только в последние десятилетия становится предметом серьезного академического интереса. Не добавляет ясности и тот факт, что существуют сразу два устоявшихся наименования этого ленинградского объединения писателей и философов рубежа 20–30 гг. XX в. С одной стороны, о группе литераторов (Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий, Н. Олейников и др.) принято говорить как о представителях ОБЭРИУ — «Объединения реального искусства», с другой стороны, есть предложенное А. Введенским наименование их «домашнего кружка» — «чинари» (философы Я. Друскин и Л. Липавский, поэты А. Введенский и Д. Хармс). Во вступительной статье к изданию «...Сборище друзей, оставленных судьбою» А. Л. Дмитриченко и В. Н. Сажин так описывают своеобразие этого «сборища»: «Это не было литературной группой в общепринятом понимании — с манифестом, уставом и проч., а являлось скорее эзотерическим интеллектуальным сообществом, функционировавшим по образцу греческой философской школы, где устная беседа вольно перетекала в письменный текст и обратно. Архаическая ориентированность чинарей проявлялась также и в отсутствии стремления непременно реализовать в печати плоды своих интеллектуальных размышлений» [8, 5–6].

Сама готовность писать свои «взрослые» произведения что называется «в стол» (ведь большая часть обэриутов была известна только в качестве детских писателей) говорит о том, что исследовательская сторона их общения не предполагала доступ для широкой публики. Именно внутри своего круга они могли сохранять необходимое напряжение мысли, могли работать над специальным языком, который позволил бы найти возможность выражения главного предмета их интереса, заявленного в названии общества, — «реальности».

В самой форме их объединения — сообщество поэтов и философов — есть своеобразный «платоновский ключ» к программе исследования реальности. В «Апологии» словами Сократа отмечается различное отношение (как бы различная степень доступа) поэтов и философов к истине. Поэт никогда, в собственном смысле слова, не обладает истиной, он, «благодаря некоей природной способности, как бы в исступлении, подобно гадалкам и прорицателям» [7, 91], имеет возможность на некоторое непродолжительное время стать ее свидетелем и суметь зафиксировать в своем произведении момент присутствия при истине, но все же этой истины в распоряжении поэта ни в какой момент времени нет. Истина (читай — реальность) становится делом философов. И подобно тому как античные философы разрабатывали и пополняли философский словарь за счет понятий из юридической практики, элементов обыденной речи, указательных местоимений, обэриуты, ставящие под сомнение исследовательскую и художественную продуктивность «здорового смысла» и привнесенной им терминологии, начинают формировать исследовательский язык по сути заново, с самых элементарных категорий (различение «этого» и «того» и т. п.).

Ярким примером таких поисков становится форма философских «трактатов» у Л. Липавского. Эти трактаты («Трактат о воде», «Исследование ужаса» и др.) далеки от общего представления о форме, структуре, объеме и даже языке

философского (научного) текста, они сочетают литературные (возможно, даже театральные) выразительные средства с типичными для естественно-научных дисциплин формами организации данных (классификации, графики, схемы). Наименование текстов «трактатами» продуктивно в том отношении, что оно как бы обязывает читателя к определенной настроенности по отношению к тексту, если не к (совершенно условной) серьезности, то к готовности читать текст, в который вложено особенное исследовательское послание.

«Трактаты» Л. Липавского устроены своеобразно. Контекст размышлений автора из них отрывочно вычитывается, но в самой структуре текстов почти нет очевидных для академической ситуации способов сличения и реконструкции круга интеллектуальных влияний (указаний на предшествующие работы, упоминаний авторов и т. п.). И эта несчитываемость контекста «трактатов» Л. Липавского позволяет рассматривать их в качестве еще одного элемента общей для обэриутов программы обновления понятийной и методологической основы представления о реальности. «Трактаты», наряду с текстами поэтического крыла ОБЭРИУ, выстроены вокруг определенного «ритма» выразительности, и если для поэтического текста в этом нет ничего непривычного, то для философского или научного текста указание на необходимую ритмичность и даже мускульно-дыхательную основу выразительности представляется чем-то неординарным [4, 145–146].

Л. Липавский в различных вариациях озвучивает один и тот же программный для всего цикла «трактатов» тезис: объяснять человеческий мир возможно только «после объяснения времени» [6, 108]. Другими словами, только через представление о времени возможно рассматривать и человеческую чувственность (ужас, любовь), и природу предметного («соседнего») мира, и статус языка, то есть все, что составляет основу как художественной практики, так и в целом — понимания реальности.

Исследовательский прием, который предлагает реализовать Л. Липавский для вскрытия проблемы времени, представляет собой связанную серию «экспериментов» вокруг характерного (как для обыденного сознания, так и для общенаучной картины мира) представления о том, что время задается самим миром. «Усилия Липавского... направлены в первую очередь на дискредитацию традиционного представления о времени как объективно существующей длительности» [4, 142]. Подобные положения, кажущиеся очевидными на уровне здравого смысла, становятся предметом разнородных исследований: эстетических и психологических экспериментов («Трактат о воде», «О телесном сочетании», «Исследование ужаса»), мыслительных экспериментов и различных опытных классификаций («Объяснение времени», «Строение качеств» и пр.). Причем «эмпирический метод», который Л. Липавский кладет в основу исследования «качеств», внешне классически вписывающийся в новоевропейскую традицию «опытных» исследований сознания (от «Опыта» Локка до современной обэриутам феноменологии), на деле куда больше похож на античный способ движения мысли от «первых для нас» сущностей к скрытым за ними механизмам («формам») природы, а эстетические эксперименты роднят Л. Липавского с общекультурной тенденцией рубежа 19–20 столетий — видеть эвристический потенциал в соединении науки и искусства.

Знаковым примером такого смещения исследовательских приемов становится текст Л. Липавского «Исследование ужаса», который радикально для европейской интеллектуальной традиции меняет сам предмет страха. Классическим способом истолкования страха как предмета философского интереса является рассмотрение его в контексте учений о душе, то есть помещение в область философской психологии и этики, поскольку общим посылом рассмотрения страха (в качестве одной из присущих человеку страстей) будет обнаружение и совершенствование интеллектуальных инструментов для регуляции чувственной стороны природы человека. Знаменитый тезис Б. Спинозы об освобождении от рабства страстей путем рациональной реконструкции аффектов, свойственных природе человека [9], становится своеобразным кредо классического взгляда на человеческую чувственность. Европейским философам 17–18 столетия природа человека открывается в рассогласованности тела и интеллекта и требует педагогической (в широком смысле слова) коррекции.

Для Л. Липавского страх не выглядит «ошибкой», присущей природе и поступкам человека. Способом обратиться к предмету страха для него является наблюдение неравномерностей в восприятии мира, поэтому образом, с которого начинается «исследование ужаса», становится образ послеполуденного времени. «Есть особенный страх послеполуденных часов, когда яркость, тишина и зной приближаются к пределу, когда Пан играет на дудке, когда день достигает своего полного накала. <...> Вдруг предчувствие непоправимого несчастья охватывает вас: время готовится остановиться. День наливается для вас свинцом. Катаlepsия времени! Мир стоит перед вами как сжатая судорогой мышца, как остолбеневший от напряжения зрачок» [6, 20–21]. Похожий по содержанию образ встречается в гегелевских «Лекциях 1805–1806 гг.», — это романтический образ пугающей безвременной Ночи мира, которая видна, «если заглянуть человеку в глаза», и которая обнаруживает за «богатством представлений и образов» — человека как «пустое ничто, содержащее все в своей простоте» [2, 288–289]. В этой мировой ночи как случайные видения возникают фигуры и образы и, главное, обнаруживается сила, способная изымать их и позволяющая им пропадать в окутывающем мраке, — «самополагание, внутреннее сознание» [Там же].

Л. Липавский отмечает, что наличие подобных переживаний является исключительной проблемой для индивидуального сознания, в силу чего и возникают три главные ошибки в понимании страха: утилитарность, субъективность и «собираемость» [6, 26–28]. Страх обычно представляется реакцией человека на более или менее определенную угрозу: хотя страхи и предметы, их вызывающие, многообразны («собираемость») и — до определенной степени — индивидуальны (субъективность), их результирующая всегда направлена на самосохранение, предупреждение и избегание опасности (утилитарность). Проблема такой механистической интерпретации чувств для Л. Липавского состоит в том, что в ее основание уже заранее вложена определенная картина реальности, предполагающая ее однородность, критическому исследованию которой он посвящает свои тематические «трактаты» («Время», «О преобразованиях», «Созерцание движения» и др.).

Главным для понимания страха итогом этих «опытных» исследований становится сведение их материала к выяснению специфики жизни, внутри которой и проходит искомая граница чувствительности. Л. Липавский делает смелое предположение о том, что чувствительность вообще может оформиться только вокруг переживания времени, начиная с самого простого с точки зрения психофизиологической иерархии уровня — уровня мускульных сокращений, и далее строится на основе ритмической структуры, позволяющей фиксировать качественные и количественные изменения мира. «Исходный пункт — дыхание, конечный пункт — мир твердых тел, в котором мы живем» [6, 226]. В этом смысле индивидуальное время (а только о таком времени Л. Липавский предлагает говорить как о действительно существующем) является своеобразным согласованием ритмов в природе живого существа (растительное царство будет таким образом исключено из времени, не имея «субстрата» для возможности его переживания). За счет этого смещения акцентов на чувствительность исследовательским предметом страха становится не регулятивное отношение природ в человеческом существе (этический вектор), а — гораздо шире — своеобразная «морфология» живого: исследование форм, консистенций и движений, лежащих в основе переживания страха (эстетический вектор).

Страх как элемент эстетического исследования появляется уже у И. Канта в первой части «Критики способности суждения» в ходе разграничения областей прекрасного и возвышенного. Предмет возвышенного указывает на несообразность человеческих способностей и желаний по отношению к могуществу природы. «Качество чувства возвышенного состоит в том, что оно есть чувство неудовольствия эстетической способностью суждения о предмете» [5, 129]. Это обнаружение в предмете возвышенного рассогласования целесообразности природы освобождает пространство для специфического чувства, не свойственного переживанию прекрасного, — страха (если мы обнаруживаем, что превосходство предмета имеющимися силами непреодолимо) либо переживания, в котором «душа может ощутить возвышенность своего назначения даже по сравнению с природой» [Там же, 132]. В эстетической перспективе, намеченной И. Кантом, предметом страха, таким образом, становится рассогласованность сил человека и масштабов мира, но это «пространство» внутри чувственной природы человека как будто бы не имеет определенного наполнения: лишено длительности и не имеет предметных форм — просто пустота, гегелевская «мировая ночь».

Продолжая эстетическую линию, Л. Липавский художественно экспериментирует с этим намеченным «пространством», пытаясь обнаружить в серии образов те, которые смогли бы качественно охарактеризовать этот «пустой» предмет переживания страха. Когда С. Кьеркегор, открывая экзистенциальную перспективу человеческих переживаний, говорит о том, что предметом страха выступает Ничто, речь идет о том, что за страхом не существует конкретного (буквально — предметного) источника [1, 300]. Экзистенциальный подход в целом предлагает аналитику этого непредметного существования человека, фокусируя, с одной стороны, внимание на принципиальной субъективности, несводимости друг к другу человеческих переживаний, а с другой стороны,

намечая перспективу «подлинного» (и в этом смысле абсолютного) существования.

Л. Липавского вряд ли устраивает подобная двойственность решения. Страх, по его предположению, не просто первичен по отношению к конкретным опасностям (это можно было бы списать на специфику психологического толкования страха), но он существует как нечто автономное. Ни классификация предметных источников страха, ни аналитика («глубинных») человеческих переживаний не решают для Л. Липавского главной проблемы: страх (и чувствительность вообще) начинается там, где в природе живого появляются «разрывы», вносимые временем, то есть там, где впервые обнаруживается индивидуальность. «В конце концов, индивидуальность — это самое крупное событие, других событий и не бывает, не может быть. А если появляется событие, воскресает время, и с ним все остальное... ведь безындвидуальные чувства нам так чужды, что ими мы жить не можем» [6, 36–37].

Образы, которые находит Л. Липавский, чтобы начать продвижение в этом открытом эстетическим способом «пространстве» переживания страха, лежат как будто бы на поверхности: образ головокружения, сопутствующего сильному волнению, и образ «тропического чувства», знакомого жителям южных стран и родственного тоске или отчаянию, в которое впадает человек, оказавшийся в «застывающем» мире полуденного зноя и во что бы то ни стало желающий «разрезать, вспороть непрерывность мира» [Там же, 22]. Оба этих образа открывают мир таким, в котором человек лишается доступа к его определенности, предметности. Суть головокружения, сопровождающего страх, разумеется, не в том, что сами предметы приходят в движение. Этим кажущимся движением становится утрата даже на мускульном уровне («зрительная фиксация есть в последнем счете мускульная, фиксация воображаемым ощупыванием» [Там же, 40]) способности удерживать очертания мира, различать конкретность качеств и предметов.

Подобные опыты утраты мира раскрывают по-настоящему угрожающую для индивидуальности сторону жизни — «ужас перед тем, что индивидуальный ритм всегда фальшив, ибо он только на поверхности, а под ним, заглушая и сминая его, безличная стихийная жизнь» [Там же, 34], которой сопутствуют свои консистенции, формы и движения. Подобная «морфология» страха становится для Л. Липавского объектом подробной классификации, итоги которой он оформляет в отдельную короткую главу: «Жизнь предстает нам в виде следующей картины. Полужидкая неорганическая масса, в которой происходит брожение, намечаются и исчезают натяжения, узлы сил. Они вздымаются пузырями, которые, приспособившись, меняют свою форму, вытягиваются, расщепляются на множество шевелящихся беспорядочных нитей, на целые цепочки пузырей. Все они растут, перетягиваются, отрываются, и эти оторванные части продолжают как ни в чем не бывало свои движения и вновь вытягиваются и растут» [Там же].

Обнаружение такой нечеловеческой, безындвидуальной формы жизни не только вовне, но также и внутри самого человека становится, по Л. Липавскому, главным источником страха. «В основе ужаса лежит омерзение. Омерзение же не вызвано ничем практически важным, оно эстетическое. Таким образом, всякий

ужас — эстетический, и, по сути, всегда один... страх перед оборотнем» [6, 34–35]. Образ оборотня становится в «Исследовании ужаса» завершающим и собирающим в себе весь спектр итогов «экспериментов» над содержанием страха, и для Л. Липавского этот образ неоднозначен. «Это подобно тому, как если бы мы разговаривали с нежно любимым другом, вспоминали то, что нам ближе и важнее всего, и вдруг сквозь черты его лица выступило бы другое, чуждое, по-обезьяньи свирепое и хитрое лицо идиота. Мы обманулись: он не тот, за кого мы его принимали. С этим невозможно столкнуться просто потому, что он даже не понимает слов, он весь устроен не по-нашему. Он не тот, он оборотень» [Там же, 20].

Оборотень в одно и то же время является «омерзительной», пугающей стороной жизни каждого человека, и при этом позволяет наметить границу чувственности внутри форм живого, фиксируя момент перехода мира из человеческой длительности к как бы несуществованию мира («каталепсии времени»). А ведь именно доступ к реальности, в том числе в ее нечеловеческой перспективе («прикосновение вечности»), и является искомым результатом разнообразных экспериментов обэриутов: «все чинари так или иначе находятся в позиции сознательного противостояния человеческому в себе: это означает отказ от желаний, презрение к “неизбежной нечистоте индивидуальности”, отказ от рефлексии, препарирование человеческих чувств, равно как и системы научной рациональности» [4, 143]. С этой точки зрения разработка образа оборотня, раскрывающего индивидуальность как нечто «фальшивое», рассогласованное с полным объемом реальности, становится одним из исследовательских приемов, позволяющих Л. Липавскому зафиксировать факты (а через них и саму возможность) присутствия человека при реальности в опыте аффективных переживаний: «в конце концов, чувства — единственно достоверное в мире, ничего другого в нем, наверное, и нет» [6, 37].

Подводя итоги сказанному, следует заметить, что обоснование подобной достоверности чувств для Л. Липавского нуждается в «субстрате» переживания времени, который бы связал разнообразные формы исследуемой им жизни. Если Р. Декарт находит неочевидное решение психофизической проблемы в помещении субстрата-проводника между качественно разделенными субстанциями протяженного тела и мыслящей души внутрь мозга («шишковидная железа»), отвергая как искомый источник согласования изученное в его время У. Гарвеем сердце [3], то для Л. Липавского сердце (а точнее любая мускульная активность, например, сокращение зрачка) выглядит в вопросе поиска «субстрата» чувственности куда выигрышнее.

Сокращающаяся мышца играет в «оживлении» мира (то есть во внесении в мир времени) ту же роль, которую играет неоднократно приводимый в качестве примера в «трактатах» вращающийся круг гончара, позволяющий на фоне неподвижного пребывания предметов ввести своеобразную систему отсчета оборотов колеса. Конечно, самого по себе механического движения колеса все же будет недостаточно для того, чтобы время в мире появилось, для этого нужна иная форма регулярного движения, которая как раз и вложена внутрь живого тела — мускульные движения, а для человека (в качестве наблюдателя мира) еще и сокращающийся зрачок, позволяющий охватывать мир далеко за пределами

конкретного органического тела, продляя в мир своеобразное воображаемое тело (на уровне которого и утрачивается контроль над предметами мира в случае головокружения, сопутствующего страху).

Перспектива «ужасного» в человеке, показанная Л. Липавским, выглядит «омерзительным» регрессом индивидуальности, своим воображением способной охватывать мир, до банальной сокращающейся мышцы. Однако в этом же регрессе есть и желанный обэриутам момент доступа к реальности, вневременной (и в этом плане совершенно нечеловеческой), которая на органическом уровне уже вложена в тело, но по законам которой человек ни в какой момент времени осознанно не существует.

-
1. Веленс А. Заметки о понятии страха в современной философии // Феномен человека : ант. / сост. и вступ. ст. П. С. Гуревича. М., 1993. С. 297–306.
  2. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : в 2 т. Т. 1. М., 1972.
  3. Декарт Р. Страсти души // Соч. : в 2 т. : пер. с лат. и фр. Т. 1 / сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М., 1989. С. 481–572.
  4. Дроздов К. В. Липавский и Друскин: чинари в поисках смысла // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. 2007. № 10. С. 141–153.
  5. Кант И. Критика способности суждения / пер. с нем. М., 1994.
  6. Липавский Л. С. Исследование ужаса. М., 2005.
  7. Платон. Апология Сократа // Соч. : в 4 т. Т. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса ; пер. с древнегреч. СПб., 2006. С. 83–117.
  8. «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / сост. В. Н. Сажин : в 2 т. Т. 1. М., 2000.
  9. Спиноза Б. Этика // Соч. : в 2 т. Т. 1 / вступ. ст. К. А. Сергеева, И. С. Кауфмана. 2-е изд., стер. СПб., 2006. С. 251–479.

Рукопись поступила в редакцию 4 июня 2019 г.

КУЛЬТУРА ЭГОИЗМА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье анализируются основные характеристики культуры эгоизма, проявляющейся в том, что социальные субъекты пытаются возвыситься над другими людьми, получить особые преимущества, отвергая правила совместной деятельности по удовлетворению общих потребностей в безопасности, свободе самореализации в разных видах деятельности, постоянном улучшении условий труда, быта, отдыха. Показана роль эгоистических инстинктов, влияющих на ее становление и развитие на протяжении всей истории человечества. Утверждается, что культура эгоизма направлена на усиление природного неравенства индивидов, потребности подчинять своей воле других людей. Выделяются особенности культуры эгоизма властвующих и подчиняющихся им субъектов. Эгоистический интерес, направленный на то, чтобы превзойти других по уровню богатства, власти, ведет к отказу от установленных моралью и законодательными актами ограничений свободы удовлетворения личных желаний. Возникает иллюзия вседозволенности, являющейся побудителем к совершению коррупционных действий, воровству, насилию по отношению к субъектам, находящимся в зависимом положении. Показано, что культуре эгоизма противостоит культура сотрудничества, объединяющая индивидов, малые и большие социальные группы для реализации вариантов решения общих проблем, ограничивая действия тех, кто навязывает свою волю хитростью, ложью, подкупом, санкциями, угрозой применения силы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культура, эгоизм, культура эгоизма, культура сотрудничества, методология анализа культуры эгоизма.

Исследования сущности и содержания эгоизма имеют длительную историю. Понять его природу пытаются философы, психологи, исследователи морали, социальные биологи, антропологи, социологи. Во всех религиозных учениях эгоизм рассматривается как один из глубоких пороков человека, который проявляется тогда, когда люди вынужденно или добровольно вступают в какую-либо совместную деятельность. Каждый участник должен вносить определенный вклад в общее дело, ориентируясь на получение ценного для всей группы результата. Однако возможны попытки реализации частного интереса, связанного с получением

особых преимуществ от участия в работе. Личный интерес выступает главной детерминантой жизнедеятельности эгоиста. Возникает острый конфликт между носителем эгоистических установок и той общностью, членом которой он является. «Для эгоиста нет ничего настолько высокого, чтобы он унизился перед ним, нет ничего настолько самостоятельного, чтобы он жил ради него, нет ничего святого, чтобы он пожертвовал собой для него» [16, 282–283].

Взаимодействие индивидов регулируется в первую очередь нормами морали. Они требуют освоения методов согласования частных и групповых интересов в повседневной жизнедеятельности социальных субъектов. Анализ последствий отрицания эгоистами важности их учета осуществляется исследователями морали [10, 15]. Они отмечают необходимость постоянной борьбы личности как с собственным желанием возвыситься над другими людьми, так и с теми, кто реализует эту потребность в семейной, производственной, общественной деятельности [17].

В этических учениях эгоизму противопоставляется альтруизм [11]. Он представляет собой готовность заботиться о других людях, ставить их интересы выше личных, даже в ущерб себе. Однако альтруизм, по мнению ряда философов, психологов, ведет к тому, что человек вынужден отказаться от установок на реализацию задатков, способностей, подчиняясь требованиям окружающих людей [4]. Человек ограничивает свободу своей жизнедеятельности, позволяя другим управлять его поведением. Они могут использовать его знания, умения, физические силы для реализации своих сугубо индивидуалистических интересов. Эгоисты управляют альтруистами. К тому же для того, чтобы помогать другим, выполняя за них то, чем они не хотят заниматься, сначала требуется подумать о себе, приобрести определенные знания, умения.

Теория рационального эгоизма доказывает необходимость, не вступая в жесткий конфликт с другими социальными субъектами, умело заботиться о себе [18]. М. Фуко, исследуя работы античных мыслителей, показывает, что ими утверждалась особая «культура себя», основанная на принципах любви к себе. Она была направлена в первую очередь на сохранение и поддержание физического здоровья с помощью специальных упражнений, ограничения действий, ведущих к истощению жизненных сил организма [14, 51–78]. В наше время появились специалисты, обучающие методам принятия рациональных решений при конфликте личных и групповых интересов [7].

Трактующие эгоизм как аморальное явление считают формой его проявления несовершенство природы людей. Психологи отмечают, что эгоизм наблюдается у детей уже в раннем детстве, когда они пытаются навязать свою волю взрослым. Если те позволяют командовать ими, не формируя навыки согласования своих желаний с потребностями окружающих людей, то природный эгоизм усиливается, становясь привычной формой поведения. Эгоист рассматривает других либо как средство достижения индивидуалистических целей, либо как препятствие, мешающее их осуществить. Он лишает себя возможности приобрести навыки чуткого отношения к людям, искренней дружбы, любви. Им правят своекорыстие, зависть, месть [9, 27].

Философами предпринимались попытки определить глубинные причины этого явления. Аристотель отмечал: «Сколько наслаждения в сознании того, что нечто принадлежит тебе, ведь свойственное каждому чувство любви к самому себе не случайно, но внедрено в нас самой природой. Правда, эгоизм справедливо порицается, но он не в любви к самому себе, а в большей, чем должно, степени этой любви; то же приложимо к корыстолюбию...» [1, 52]. По мнению античного мыслителя, эгоизм дан человеку *природой* на основе любви к себе, что требует выделения разных форм проявления этого чувства. Оно может быть направлено как на заботу о близких людях, своей стране, формируя патриотизм, так и на реализацию сугубо индивидуалистических интересов. Каковы же причины появления негативной формы любви к себе, философ не объясняет.

Роль природного фактора в проявлении у человека эгоистических склонностей исследуют в последнее время представители естественных наук. Исследования социобиологов, занимающихся изучением поведения животных, особенностей их адаптации к меняющимся условиям жизни, показали, что человек воспроизводит многие их действия, по направленности характеризующиеся как эгоистические или альтруистические. Животные нередко проявляют заботу о тех, кто оказался в сложном положении, честность, справедливость при взаимодействии с партнерами. Эти качества обеспечивают сохранение мира в стае для того, чтобы совместно бороться за ресурсы [20, 323–331]. В то же время для обеспечения продолжения рода, получения более высокого статуса, власти в группе они демонстрируют индивидуализм в разной степени [19, 300–310].

Крупнейший американский биолог Р. Докинз пришел к выводу, что эгоизм присущ всей живой природе, обеспечивая воспроизводство растений, животных, включая человека. Реализация таких инстинктов, как пищевой, сексуальный, защиты от врагов, определяется действием эгоистического гена, который «перепрыгивает из одного тела в другое, манипулирует ими на свой лад и в собственных целях, покидая эти смертные тела одно за другим, прежде чем они состарятся и умрут» [3, 78]. Этим он обеспечивает свое бессмертие, что является главным условием сохранения разных организмов, включая человека.

Сам термин «*эгоистический ген*» Р. Докинз использует для того, чтобы подчеркнуть, что гены действуют безжалостно, подчиняясь заложенным в них природой программам. Безразлично, обеспечивают они выживание так называемых «добрых» существ, которые заслужили сохранение себя в потомках, или других, проявляющих грубость, жестокость. В животном мире отсутствует принятое у людей деление на «благородные» и иные по направленности поступки. Используются хитрость, ловкость, сила, мимикрия, чтобы выжить, добыть пищу, поскольку все организмы находятся в системе пищевой цепочки.

Поведение человека, проявляющего эгоизм, также характеризуется применением физического и психического принуждения, обмана, но в более изощренных формах, чтобы получить преимущества при реализации своих интересов. Люди выработали новые способы их реализации, которые у животных отсутствуют. Такими являются лесть, мошенничество, шантаж, клевета, санкции, присвоение чужого труда, собственности, искусное манипулирование с помощью средств

массовой информации, социальных сетей сознанием и поведением тех, кого надо подчинить своей воле.

В разрабатываемой социологами теории аномии предпринимается попытка объяснить эгоистическое поведение отдельных индивидов действием социокультурных факторов. Р. Мертон считал, что культура, господствующая в социуме, ориентирует личность на то, чтобы она руководствовалась «проектами групповой жизни». «Многие процедуры, которые, с точки зрения отдельных индивидов, эффективнее всего обеспечивали бы обретение желаемых ценностей — применение силы, обмана, власти, — выведены за пределы институциональной сферы разрешенного поведения» [8, 243]. Однако эти процедуры люди нередко используют для реализации своих частных интересов. При этом, по мнению исследователя, аморальное поведение в психологическом плане является вполне нормальным, так как человеку свойственно заботиться о себе. Происходит «расхождение между культурно предписанными устремлениями и социально структурированными путями осуществления этих устремлений» [Там же, 247].

Р. Мертон отмечает влияние идеологии, господствующей в капиталистических странах, на утверждение и распространение ценностей эгоизма. Ориентация на достижение денежного успеха любой ценой усиливает его проявление [Там же, 249–252]. Нужно постоянно стремиться превзойти других, возвыситься над ними. «Призыв культуры очевиден: нельзя предаваться унынию, нельзя прекращать борьбу, нельзя понижать свои цели, ибо «не неудача, а скромная цель — вот что является преступлением» [Там же, 251].

Роль социокультурных факторов в усилении эгоизма отмечает К. Муздыбаев по результатам исследования влияния экономических кризисов 90-х гг. прошлого века в России на поведение значительной части предпринимательского сообщества. «Эгоизм проявляется не только в невнимательности и нечуткости к интересам членов семьи, использовании знакомых и посторонних в своих целях, но также в агрессивном посягательстве на интересы других людей, в циничном лоббировании интересов определенных группировок, бессовестном использовании служебного положения с целью присвоения себе финансовых или иных материальных ресурсов» [9, 38].

Эгоизм проявляется не только на уровне отдельных индивидов, но и характеризует систему отношений между малыми и большими социальными группами. История изобилует примерами периодически возникающих конфликтов между семейными союзами, жителями разных территорий, этнических групп, стран, когда одна общность пытается получить исключительные права при взаимодействии с другой. Современный мир, по мнению политиков, характеризуется крайним проявлением эгоизма со стороны отдельных стран, навязывающих свою волю другим государствам при решении сложных экономических, политических проблем [5]. Обладающие ядерным оружием, пытаясь любой ценой реализовать эгоистические интересы, могут его применить, превратив локальный конфликт в мировой.

С эгоизмом ведется борьба на протяжении всей истории человечества. Для его преодоления моралистами, религиозными деятелями, педагогами предлагались

в прошлом и реализуются в наше время разные системы трудового, нравственного, правового воспитания. Утверждается важность развития у каждого человека навыков согласования частных и групповых интересов, поскольку все люди в той или иной форме участвуют в совместной деятельности по сохранению природы, повышению эффективности труда, преодолению бедности, увеличению продолжительности жизни, обеспечению мира на планете. Однако желаемые результаты в преодолении эгоизма пока не достигнуты. Важные факторы его постоянного воспроизводства и усиления влияния на деятельность современного человека еще не стали предметом специального изучения. Возникает необходимость более глубокого анализа сущности и содержания эгоизма как особого социального явления, определяющего жизнь человечества на протяжении всей истории.

То, что человек создает в процессе преобразования окружающего мира, общественной жизни, развития своего сознания и поведения, обозначается термином «культура» [13, 21–34]. Изменения в системе проявления природного эгоизма, вызванные использованием все более совершенных методов реализации индивидами, малыми и большими социальными общностями, государствами частных интересов путем ограничения потребности других субъектов, позволяют говорить о возникновении в процессе исторического развития особой *культуры эгоизма*.

Она не только является причиной нарушения моральных норм. Ее ценности определяют трудовую деятельность людей, стремящихся достигнуть превосходства над другими людьми путем жесткой эксплуатации тех, кто вынужден продавать рабочую силу ради выживания. С целью реализации эгоистических интересов ведутся войны за чужие территории, предпринимаются попытки установить власть над всем миром. Ценности культуры эгоизма детерминируют отношение руководителей, реализующих авторитарный стиль управления, к подчиненным, коррупцию среди чиновников, формируют установки индивидов, малых и больших общностей, государств на нарушение норм права. Во всех этих случаях социальные субъекты пытаются *возвыситься* над другими людьми, отвергая правила совместной деятельности по удовлетворению общих для людей потребностей в безопасности, свободе самореализации в профессиональной, общественной, досуговой деятельности, постоянном улучшении условий труда, быта, отдыха. «Когда мир становится мне поперек дороги — тогда я уничтожаю его, чтобы утолить им голод своего эгоизма», — писал М. Штирнер [16, 285].

Методология анализа сущности и содержания культуры эгоизма строится на следующих принципах. Исходным является признание того факта, что все формы культурной деятельности человека, как показано исследованиями социобиологов, *имеют природную основу*. Она проявляется в наличии инстинктов, побуждающих к активному поиску способов сохранения как человеческого рода, так и отдельных индивидов, а также способностей человека целенаправленно изменять окружающий мир. Действием этих факторов определяется создание людьми новых орудий труда, средств защиты от разных опасностей, методов лечения болезней, правил регулирования социальных конфликтов, способов социализации подрастающего поколения и т. п.

В природе эгоизм отдельных особей реализуется в тех ситуациях, когда имеется возможность, используя физическую силу, хитрость, ловкость, обеспечить продолжение рода, защиту от врагов, добычу пищи. Появление потомства ведет к подавлению эгоистических инстинктов и включению противоположных, направленных на заботу о детенышах. Все силы взрослых особей направлены на сохранение их жизни [2].

Реализация животными в зависимости от обстоятельств разных по направленности инстинктов указывает на то, что их эгоизм направлен в конечном счете на выживание всего *рода*. Установление альфа-самцом власти над более слабыми сородичами обеспечивает ему возможность передачи потомству наделенные высокой выживаемостью гены, сохранить свой высокий ранг в группе.

Качественное отличие эгоизма человека заключается в том, что он борется за получение преимуществ перед себе подобными субъектами не в честном соревновании с ними, а используя хитрость, ложь, шантаж, подкуп, физическую силу. Такие люди «убеждены, что для их личной выгоды требуется нарушение законов общества, и поэтому они должны добиваться силой того, что им нужно. Чтобы избежать наказания, они станут прибегать либо к обману, либо к открытому насилию» [6, 383].

Человек при реализации потребностей, связанных с безопасностью, улучшением материальных условий жизни, продолжением рода, реализацией способностей в разнообразных видах деятельности, оказывается в ситуации *выбора*. Либо использовать любые способы достижения поставленных целей, возвышая себя над другими людьми, либо совместно с ними осуществлять поиск оптимальных способов соединения личных и общественных интересов. В этом случае появляется перспектива обеспечения самосохранения и саморазвития как отдельных индивидов, так и всего человеческого рода. Эгоист выбирает путь получения личных преимуществ.

Следующий принцип анализа заключается в том, что любая культура направлена на *усиление или ослабление* того, что дано человеку природой. С одной стороны, устанавливаемые человеком нормы ограничивают проявление инстинктов, подчинение которым ведет к ослаблению жизненных сил организма, появлению болезней, снижению творческих возможностей личности, возникновению социальных конфликтов, усилению агрессивности. Для этого в процессе исторического развития разработаны запреты, определяющие взаимодействие с природными объектами, техническими устройствами, людьми в типичных жизненных ситуациях. Их нарушение ведет к наказанию тех, кто отказывается соблюдать требования культуры. С другой стороны, в процессе исторического развития осуществляется поиск более эффективных способов раскрытия и реализации природных склонностей индивидов к научной, художественной, управленческой деятельности с помощью системы основного и дополнительного образования, проведения разных конкурсов, соревнований.

Культура эгоизма характеризуется тем, что направлена на *усиление естественного неравенства*, которое существует у людей. Каждый индивид отличается от другого по уровню физической силы, психическим возможностям, задаткам

к тем или иным видам труда. Результаты созидательной активности людей оказываются разными по количественным и качественным показателям, что оказывает влияние на получение ими доли общественных благ. Возникают материальные и социальные различия, вызванные неравенством в оценке значимости для той или иной социальной группы продуктов самореализации отдельных индивидов. Люди, которые достигают высоких результатов в науке, техническом творчестве, искусстве, спорте, управленческой работе, вполне оправданно получают более высокий статус, их труд высоко оплачивается.

Еще на ранних ступенях развития человечества стала формироваться и развиваться система социального неравенства, построенная на иных основаниях. Они вызваны природными различиями в стремлении подчинять своей воле других людей, обеспечивая тем самым преимущества в реализации индивидуальных потребностей. Желание командовать другими людьми проявляется у детей уже в раннем возрасте. Психологи отмечают наличие у них в той или иной степени иррационального эгоизма, на ограничение которого должно быть направлено нравственное воспитание со стороны родителей [4]. В значительной степени природным эгоизмом определяются действия мужчин, принуждающих женщин к физической близости помимо их желания. Удовлетворяется особая потребность в самовозвышении, свойственная любому эгоисту. Он добивается своего путем понижения возможностей в реализации интересов вынужденных подчиняться его воле субъектов.

Идеальным вариантом для эгоиста является превращение их в самоунижающихся людей, готовых прислуживать тому, кто получил власть над ними. По отношению к тем, кто пытается сопротивляться, используется психическое и физическое давление в виде грубости, угроз, шантажа, ограничения в реализации базовых материальных потребностей, социальных прав, свобод, доведения до беспомощного состояния, нанесения вреда здоровью, в конечном счете физического уничтожения. «Быть эгоистом — означает, что я хочу всего для себя; что мне доставляет удовольствие владеть самому, а не делиться с другими; что я должен стать жадным, потому что если моей целью является обладание, то я тем больше значу, чем больше имею; что я должен испытывать антагонизм по отношению ко всем другим людям: к своим покупателям, которых хочу обмануть, к своим конкурентам, которых хочу разорить, к своим рабочим, которых хочу эксплуатировать. Я никогда не могу быть удовлетворенным, так как моим желаниям нет конца; я должен завидовать тем, кто имеет больше...» [12, 37].

Самовозвышающийся субъект может существовать только при наличии самоунижающихся индивидов и социальных групп. В наше время такими становятся отдельные страны, поддерживающие все решения государства, считающего себя самым сильным в мире.

Следующее методологическое положение заключается в том, что представители властвующих и подчиняющихся реализуют *разный* по содержанию и направленности эгоизм. Субъект, имеющий *власть*, использует ее, во-первых, для удовлетворения всей совокупности своих природных и социокультурных потребностей с помощью лучших в данное время продуктов материального

и духовного производства, обеспечивается возвышение над другими индивидами в результате обладания тем, что у них отсутствует; во-вторых, для сохранения власти любой ценой, несмотря на мнение тех, кто находится в подчиненном положении.

Эгоизм представителей тех, кто входит в эту группу, направлен в первую очередь на обеспечение физического сохранения себя, семьи. Приходится отдавать властвующему субъекту часть произведенного продукта, прислуживать, мириться с его произволом. Он считает, что находящиеся в его подчинении должны испытывать радость от своего рабского состояния, подобно той, которую переживают люди с мазохистскими наклонностями. Они усиливаются культурой эгоизма, создавая симбиоз всевластвующего с всепокорным.

Субъекты, занимающие противоположные позиции, поддерживают друг друга, между ними возникает особое сотрудничество. Сильный позволяет слабому сохранять себя, а тот усиливает свою слабость, отказываясь от какого-либо саморазвития, являющегося единственным способом реального сохранения своей индивидуальности. При этом, позволяя уничтожать свою самостоятельность, такой субъект подрывает основы власти того, кто им управляет. Механически выполняя все решения властвующего субъекта, он создает у него иллюзию непогрешимости. Это ведет к исчезновению необходимости действовать, учитывая все возможные, включая негативные, последствия. Властвующий субъект постепенно глупеет, что неизбежно ведет к увеличению численности сопротивляющихся его произволу. В этом одна из причин насильственной смены правителей, распада империй.

Эгоизм их руководителей, направленный на установление одного единственно правильного, по их мнению, порядка, нарушает один из важнейших законов природы, частью которой человек продолжает оставаться. Он заключается в создании условий для появления *многообразия* форм существования живого. Мир организмов, включая простейшие и самые сложные, отрицает деление только на властвующих и только подчиняющихся. У тех и других отсутствует источник развития, каким является борьба противоположностей. Господин и холоп не конфликтуют между собой с целью осуществления каких-либо изменений. Они стремятся только к увековечиванию своего положения. Это неизбежно ведет к их взаимному уничтожению. Сначала исчезает потребность в новациях у находящихся в положении холопов, а затем и правящих ими господ.

Подчиняющийся субъект пытается найти любые способы самосохранения и даже возможного улучшения своего положения при взаимодействии с теми, от кого зависит его жизнь. Для решения этой задачи люди усовершенствовали природные формы хитрости, придумав такую форму обмана, как лесть. Она используется в связи с тем, что субъект, стремящийся возвысить себя, хвастается каждым своим успехом, создавая у окружающих представления о своей исключительности. Ему хочется получить подтверждение ее наличия со стороны других людей. Находятся те, кто помогает удовлетворить эту потребность, приписывая такому субъекту знания, умения, способности, которые у него имеются в ограниченной мере либо вообще отсутствуют.

Лесть — одна из форм лжи, как и хвастовство. Самовозвышение, выражающееся в хвастовстве, усиливается с помощью лесты самоунижающихся. Восхваляя всеми способами того, кто ими правит, они признают свою полную зависимость от него, отказываясь от какой-либо борьбы за изменение своего положения. У переживающего чувство превосходства возникает к ним *презрение*, ведущее к еще большему унижению окружающих. Отсутствию какого-либо сопротивления его воле формирует у эгоиста чувство *всевластия*, когда все действия направлены на полное подавление иных субъектов.

Методология анализа ценностей и практик культуры эгоизма требует рассмотрения особой роли потребности человека в обладании материальными благами. С одной стороны, люди, как и все живые организмы, подчиняясь инстинктам, обеспечивающим физическое выживание, стремятся получить самую полезную пищу, комфортные условия труда, быта, отдыха. С другой стороны, только человеку присуща потребность постоянно наращивать количество материальных благ, которыми он лично обладает. Чем выше социальное положение субъекта, тем больше должно быть богатство, измеряемое размерами финансовых средств, недвижимой и движимой собственности. С их помощью обеспечивается видимое всеми возвышение эгоиста над другими людьми.

Продукты духовной деятельности быстро становятся доступными большому количеству индивидов. Информация о научных открытиях, технических разработках, новых произведениях искусства распространяется за короткое время по всему миру. Материальные предметы всегда сначала появляются в ограниченном количестве, часто связаны с большими затратами на их создание, что определяет их высокую цену. Приобрести предметы, обладающие большой ценностью, могут немногие. Сохранение и увеличение различий в материальных возможностях становятся ведущим фактором активности носителей культуры эгоизма.

Эгоистический интерес, направленный на то, чтобы превзойти других по уровню богатства, ведет к отказу от установленных моралью и законодательными актами ограничений свободы удовлетворения личных желаний. Начинается борьба за право их нарушать. Получение такой возможности с помощью силы, попустительства со стороны окружающих ведет к появлению у носителя эгоистической культуры *мнимого бесстрашия*, переходящего в *самоуверенность*. Возникает иллюзия вседозволенности, являющейся побудителем к совершению коррупционных действий, воровству, психическому и физическому насилию по отношению к находящимся в зависимом положении.

Действие законов природы и общества, направленное на саморазвитие всего живого, включая человека, ведет к появлению людей, отвергающих культуру эгоизма. Человеческий прогресс обеспечивается трудом самостоятельных субъектов, реализующих способности создавать продукты материальной и духовной культуры, доступные многим, а не узкой группе, приписывающих себе право на их исключительное потребление.

Культуре эгоизма противостоит *культура сотрудничества*, объединяющая индивидов, малые и большие общности для поиска оптимальных вариантов решения общих проблем, ограничивая действия тех, кто навязывает свою волю

хитростью, ложью, подкупом, санкциями, угрозой применения силы. Отвергается деление на владеющих абсолютной истиной и тех, кто должен ее слепо принимать, на высших и низших по своему положению в совместной деятельности. Каждый имеет не только право, но и возможность предложить самый эффективный метод решения сложных задач, возникающих при осуществлении научных исследований, конструировании новой техники, организации производства, управлении экономическими, политическими процессами, создании продуктов художественного творчества. Обеспечивается постоянная смена ведущих и ведомых в конкретной деятельности. Проявляются природные различия в способностях отдельных индивидов, а не созданное в процессе реализации культуры эгоизма социальное неравенство между ними.

Культура сотрудничества включает в себя все моральные, трудовые, эстетические нормы и правила, которые вырабатывались на протяжении всей истории человечества с целью обеспечения заботы о подрастающем поколении, его воспитания и образовании, помощи больным, людям, находящимся в трудном материальном положении, сохранении своего этноса, свободы и независимости страны. Для борьбы с эгоизмом культура сотрудничества создала систему правовых норм, регулирующих отношения между социальными субъектами при возникновении конфликтов, вызванных столкновением частных и общественных интересов. Субъекты, реализующие ценности культуры эгоизма, подвергаются осуждению и наказанию, направленному на изменение их поведения.

Анализ сущности и содержания культуры эгоизма позволяет выделить ее существенные отличия от культуры сотрудничества в таких блоках, как системы знаний, ценностей, норм, правил и практики их реализации. Прежде всего следует отметить, что содержание знаний о культуре эгоизма не носят оформленный характер. С одной стороны, каждый человек в процессе социализации узнает о том, что есть люди, умело использующие хитрость, ложь, клевету, шантаж с целью выживания или получения власти. С другой стороны, информация о том, какими методами они этого достигают, не распространяется специальной литературой, учреждениями образования и воспитания. Практика показывает, что люди методом проб и ошибок занимаются самообразованием, самостоятельно осваивая способы реализации сугубо индивидуалистических интересов. Природный эгоизм позволяет сравнительно легко и быстро научиться применять все более совершенные методы обмана, лести, подкупа, манипулирования сознанием и поведением людей.

Имеющиеся в системе культуры сотрудничества способы формирования знаний о ее содержании, обучения их использованию в повседневной жизни не всегда дают желаемые результаты. Приходится постоянно внедрять в сознание людей, независимо от возраста, образования, социального положения, представления о поведении, обеспечивающем сочетание общественных и личных интересов. Видимо, сказывается то, что у животных инстинкт заботы о других проявляется только тогда, когда необходимо сохранить потомство, совместными действиями добыть пищу, защититься от врагов. Люди в схожих ситуациях также демонстрируют готовность к совместным действиям, высокую сплоченность, способность к самопожертвованию.

Культура эгоизма отличается тем, что в ней отсутствуют моральные и правовые предписания, определяющие взаимодействие с разными социальными субъектами. Нормы возникают в процессе обобщения опыта решения большими группами людей общих проблем совместной трудовой, общественной, семейно-бытовой, досуговой деятельности. В них формулируется то, что способен осуществить каждый человек, приобретая в процессе социализации необходимые для этого знания и умения. Культура эгоизма направлена на реализацию частного интереса, исходя из имеющихся у субъекта индивидуальных возможностей. Общая система утверждения своеволия, самосохранения с помощью лжи, угроз, демонстрации силы или мнимой покорности отсутствует. Имеются открыто не рекламируемые правила манипулирования сознанием и поведением индивидов с целью достижения личных преимуществ при удовлетворении разных потребностей.

Поэтому основным блоком воспроизводства и развития культуры эгоизма является самостоятельно реализуемая *практика* самовозвышения отдельных индивидов, малых и больших социальных групп, стран, а также самовывживания при отказе от борьбы за право распоряжаться имеющимися материальными ресурсами, соединяя личные и общественные интересы. В этом одна из основных причин трудностей борьбы с культурой эгоизма. Она часто проявляется у людей неосознанно, когда происходит отказ от совместной деятельности, направленной на реализацию частных интересов, имеющих ценность и для других субъектов. Возникает проблема поиска общих целей, дел, позволяющих удовлетворить потребности как больших масс людей, так и отдельных индивидов, групп, подавляя, а не усиливая природный эгоизм.

Рассмотрение основных теоретико-методологических подходов к анализу культуры эгоизма позволяет прийти к выводу о необходимости выделения этой культуры как особого социального образования, возникающего в процессе исторического развития. Традиционное разделение на материальную и духовную, этническую и региональную, научно-техническую и художественную культуру отказывается недостаточным, так как не определяет источник их развития. Он заключается в постоянной борьбе разных социальных групп за использование продуктов творческой деятельности человека в интересах больших социальных общностей, всего человечества либо отдельных индивидов и групп, владеющих огромными богатствами и властью. Комплексный анализ качественных различий между культурой эгоизма и культурой сотрудничества позволит выделить и исследовать факторы, определяющие особенности их становления, развития на протяжении всей истории, а также в настоящее время.

Требуется преодолеть нынешнюю ограниченность анализа самой культуры. Она вызвана тем, что до сих пор применяется традиционный подход, указывающий на наличие у человека способности познавать и целенаправленно преобразовывать окружающий мир, создавая правила совместной жизнедеятельности. Каким образом возникла эта возможность в результате развития имеющихся у животных разных по направленности задатков, не рассматривается. Сохраняется искусственное возвышение человека над теми, кто находится на иных ступенях эволюционной лестницы. Философами, социологами редко используются

достижения современной генетики, социобиологии, психологии, этологии, раскрывающие влияние природных факторов на жизнедеятельность отдельных индивидов и социальных групп.

Исследования представителей этих наук раскрывают причины воспроизводства человеком тех форм поведения, которые встречаются не только у приматов, но и у других животных, ведущих стадный образ жизни. Обнаруживаются глубинные истоки возникновения культуры эгоизма, определяющие направленность конфликтов между людьми в малых и больших группах, усиление социального неравенства, борьбу за ресурсы, гонку вооружений, ведение войн в разных частях мира. Междисциплинарный подход к анализу сущности и содержания этой культуры позволяет перейти на новый уровень изучения этих явлений, создать более эффективные социальные технологии усиления влияния культуры сотрудничества на сознание и поведение индивидов, малых и больших групп, политику разных стран с целью сохранения человечества.

1. *Аристотель*. Политика. М., 2017.
2. *Вагнер В. А.* Биологические основания сравнительной психологии. Т. 2 : Инстинкт и разум. М., 2005.
3. *Докинз Р.* Эгоистический ген. М., 2013.
4. *Ильин Е. П.* Психология помощи: эгоизм, альтруизм, эмпатия. СПб., 2013.
5. Конгрессмен США: пристрастие к смене режимов подрывает безопасность Америки [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2019-03-02/Kongressmen-SSHA-gristrastie-k-smene> (дата обращения: 23.03.2019).
6. *Лаут Р.* Философия Достоевского в систематическом изложении. М., 1996.
7. *Мамонтов С. Ю.* Искусство быть эгоистом. СПб., 2002.
8. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
9. *Муздыбаев К.* Эгоизм личности // Психол. журн. 2000. Т. 21, № 2. С. 27–39.
10. *Петров Э. Ф.* Эгоизм: Философско-этический очерк. М., 1969.
11. *Славская А. Н.* Соотношение эгоцентризма и альтруизма личности: Интерпретации // Психол. журн. 1999. Т. 20, № 6. С. 13–23.
12. *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1986.
13. *Файнбург З.* К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития (некоторые проблемы методологии) // Культура в информационно-инновационном обществе. Пермь, 2017. С. 35–47.
14. *Фуко М.* Забота о себе. История сексуальности III. М., 1998.
15. *Шопенгауэр А.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. М., 1910.
16. *Штирнер М.* Единственный и его собственность. Харьков, 1994.
17. *Ingen J. van.* Why Be Moral? The Egoistic Challenge. N. Y., 1994.
18. *Kalin J.* In Defense of Egoism // Morality and Rational Self-interest / Ed. D. P. Gauthier. Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1970. P. 64–87.
19. *Sapolsky R.* The biology of humans at our best and worst. Penguin press, 2017.
20. *Waal de F.* The bonobo and the atheist: In search of humanism among the primates. N. Y. ; L., 2015.

Рукопись поступила в редакцию 5 апреля 2019 г.

УДК 323.22/28-053.6 + 316.472 + 316.346.32-053.6

Д. В. Трынов
Я. В. Дидковская**НОВАЯ ПРОТЕСТНАЯ МОЛОДЕЖЬ:
САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ, СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ
И ОБРАЗ БУДУЩЕГО***

В статье приведен анализ данных социологического опроса оппозиционно настроенной по отношению к действующей власти политически активной молодежи. Новый виток протестной активности городской молодежи связывается с ее социальным самочувствием, снижением удовлетворенности различными аспектами жизни и формированием в сознании негативного сценария будущего. Исследуются особенности ценностных ориентаций, политической идентификации и образа будущего протестной молодежи. Результаты показывают, с одной стороны, высокий уровень политической просвещенности опрошенных, их ориентацию на политико-правовые идеалы в своей жизнедеятельности. С другой стороны, активно-протестная стратегия политического участия приводит к значительным издержкам, противостоянию с властными структурами, ухудшению отношений с окружающими и конфликтности, что отражается в показателях социального самочувствия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политически активная молодежь, социальное самочувствие, образ будущего, политическая идентификация, протест.

Новый виток протестной активности молодежи, произошедший в 2017–2018 гг., заставил экспертное сообщество вновь задуматься о роли и месте российской молодежи в современном социально-политическом процессе. Считавшаяся до того аполитичной, молодежь, преимущественно крупных городов, вдруг напомнила о себе, чем произвела весьма противоречивое впечатление. Неожиданностью протестная активность молодежи стала не только для консервативного социального большинства и власти, которая на него опирается, но и для экспертного сообщества. Так, директор ВЦИОМ В. В. Федоров в одном из интервью признался, что о новой протестной молодежи известно мало и ее активизация стала настоящим сюрпризом для социально-политических аналитиков. Это «предмет для анализа, изучения: почему такое поколение появилось, чего оно хочет, будет ли оно дальше ходить на эти митинги или это был такой разовый всплеск. Они пошли из-за того, что у них “гормон играет”, или потому, что их достали придирки и уроки любви к “Единой России”, православию и народности или есть какая-то третья причина — это большой вопрос» [7].

Под новой протестной молодежью мы понимаем определенную социальную группу, выступившую основной движущей силой антиправительственных акций в 2017–2018 гг. Она обладает несколькими выраженными признаками, которые

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ и АНО ИЭСИ № 19-011-31601 «Молодежь как субъект политики: социальное самочувствие и стратегии политической карьеры в контексте гражданской активности».

можно было установить при непосредственном наблюдении за ней, фиксации протестных акций и дальнейшем анализе материалов в СМИ. Во-первых, локализация: подавляющее большинство крупных протестных акций проходило в российских мегаполисах. Следовательно, активными участниками протестных акций становилась молодежь, проживающая в крупнейших российских городах. Во-вторых, значительную часть протестующих составила молодежь самой юной возрастной группы — студенты и учащиеся старших классов. В-третьих, выраженные антиправительственные лозунги основаны на критике главной декларируемой российской проблемы — коррупции в органах государственной власти. В-четвертых, все крупные протестные акции были инициированы и поддержаны оппозиционным политиком А. Навальным и возглавляемой им НКО «Фонд борьбы с коррупцией». Это позволяет говорить об участниках акций в той или иной мере как о сторонниках Навального.

Объективной стороной современного молодежного протеста выступает целый комплекс социально-экономических проблем, оказывающих негативное воздействие на становление молодого поколения, его социализацию и адаптацию. Здесь обращают на себя внимание прежде всего такие проблемы, как получение доступного образования (в том числе коммерциализация и повышение стоимости высшего образования); трудоустройство (в том числе трудоустройство в рамках полученной специальности); жилищная проблема (в том числе доступность ипотечного кредитования); недостаточность и неэффективность мер государственной поддержки молодежи и т. д.

За последнее десятилетие доля молодых людей в общем населении России сократилась с 27,3 до 21,5 %, в абсолютных цифрах — с 39 до 31,5 млн человек. Негативная демографическая динамика позволяет сделать весьма неутешительный прогноз о критическом возрастании социально-экономического давления на молодежь [6].

Все обозначенные проблемы отражают объективную сторону формирования социального самочувствия молодежи, нарастания и подготовки социальной почвы для появления протестных движений.

Субъективной стороной роста протестных настроений выступает не только сам факт отрицательного восприятия образа социального будущего, но и низкая оценка молодежи влияния на ситуацию в социально-политической и экономической сферах. Это дает суммарный эффект, который определяет вектор социального самочувствия молодежи и восприятия ею своего будущего [3].

Другим субъективным свойством молодежи является экстремальность, которая проявляется во всех сферах ее жизни: в общении с окружающими, идентификации, самореализации и т. д. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров считают экстремальность неотъемлемым признаком молодежи как социальной группы, вытекающим из ее социального положения, которое, впрочем, может проявиться по-разному. «В условиях стабильного общества на групповом и индивидуальном уровнях экстремальность находит, как правило, общественно значимые институционально-регулируемые формы. В условиях социальных потрясений, неопределенности и риска под влиянием самых разных объективных и субъективных

факторов, усиливающих или ослабляющих этот процесс, приобретает крайние, преимущественно спонтанные проявления... Такой тип сознания проявляется в специфических формах поведения, характеризующих импульсивностью мотивации, агрессивностью, склонностью к риску, эпатажем, отклонениями от принятых норм. Либо, наоборот, — подавленностью, депрессией, пассивностью» [5, 38].

Кроме того, не стоит игнорировать фактор идеологического влияния на молодежь, особенно на ее наиболее юную возрастную когорту, со стороны различных социально-политических сил, в том числе со стороны так называемой «несистемной оппозиции», генерирующей негативный информационный фон по отношению к руководству страны. Оппозиция привлекает прежде всего недовольную часть молодежи, предлагая ей романтическую роль «политических борцов» с режимом. При этом оппозиционные организации артикулируют понятными молодежи образами, используют привычные ей информационные интернет-каналы.

В общественном сознании протест выступает формой индивидуальной и групповой активности, направленной против какого-либо социального явления, воспринимаемого субъектом как негативный или опасный. Считается, что существует множество форм и видов протеста — от спонтанно-личностных до четко организованных и массовых. Протест может иметь выраженные политические черты, к примеру, требования отставки государственных деятелей, пересмотра политических решений в интересах определенных групп общества, активизации социально-экономических реформ и пр. Вместе с тем, рассматривая политику в широком смысле слова как сферу борьбы и реализации общественных интересов, следует признать, что всякий коллективный протест имеет политическую составляющую. Его причины, факторы и ограничения в виде политико-правовой системы во многом определяют репертуары активности тех социальных групп, которые в него вовлечены. Переходя в организованные формы, протест кристаллизуется вокруг нескольких ключевых оснований: общность идентификации субъекта; направленность на объект; методы, используемые в протестных действиях.

Протестные настроения и активность вызывают устойчивый интерес социологов. Следует выделить исследование протестных настроений и активности различных социальных групп [9, 1]. Нередко протестные настроения сопоставляются с проявлением крайних форм политической активности, доходящих до экстремизма [4]. Чаще всего протест, переходящий в политическую форму, связывают с комплексом факторов, имеющих глубинные и устойчивые негативные социально-экономические тенденции. Доказана зависимость между отсутствием гарантий занятости и протестным потенциалом [10, 12]. Исследования С. Н. Чируна выявили связь между протестными настроениями и вертикальной социальной мобильностью: «Нежелание организовывать социальные лифты для представителей всех слоев общества, а не только для своих сторонников, неизбежно провоцирует экстремистское поведение у молодых людей, “выпавших” из дискурса власти» [8, 132]. В обществах с развитыми демократическими институтами и влиятельной оппозицией протест может быть выражен в снижении поддержки власти на выборах или изменении электоральных предпочтений граждан [11]. Поскольку перед молодежью остро стоит ряд социальных проблем, особенно

связанных с материальным положением и перспективами трудоустройства, данная социальная группа нередко выступает ядром и основным драйвером протеста.

Данные и метод. В качестве пространства исследования выбраны три крупнейших города Уральского федерального округа — региональные столицы (Екатеринбург, Тюмень, Челябинск). Уральский федеральный округ продолжает сохранять относительно высокий показатель молодежи в структуре населения — 21,4 %, что соответствует среднему значению по стране. Екатеринбург, Тюмень и Челябинск составляют агломерацию городов УрФО, в которых сосредоточен значительный промышленно-экономический и человеческий капитал. Являясь также крупными научно-образовательными центрами, они концентрируют значительное число студенческой молодежи. Сегодня в трех крупнейших вузах — Уральском федеральном (Екатеринбург), Тюменском государственном и Южно-Уральском государственном (Челябинск) университетах — обучается более 80 000 студентов. В свою очередь, именно учащаяся молодежь выступает ядром современного протестного движения.

Выводы исследования базируются на результатах социологического опроса, реализованного методом анкетирования на платформе Google Form. Рекрутирование респондентов производилось по методу «снежного кома» — через штабы Либертарианской партии, штабы А. Навального и другие организации, сотрудничающие с ними. Эти организации образуют «несистемную» оппозицию, участники которой регулярно проводят антиправительственные акции и испытывают давление со стороны властных структур и правоохранительных органов.

Авторами было опрошено 300 молодых активистов (возраст — не старше 30 лет). Значительную, но не доминирующую долю среди опрошенных активистов составила учащаяся молодежь — 48 %, в том числе 30 % студентов и 13 % старшеклассников; более половины респондентов (51 %) заняты в самых различных сферах экономики (от промышленных предприятий до сферы ИТ, науки и образования). Медианный возраст опрошенных составил 22 года. При этом стоит отметить определенный гендерный дисбаланс в выборке политически активной молодежи, возможно, требующий отдельного изучения: большинство опрошенных активистов — мужчины (74 %) и только чуть больше четверти респондентов — женщины (26 %).

Результаты исследования. Отправной точкой для формирования любой социальной общности является наличие единых взглядов, идеалов и ценностей. В политическом процессе на первый план выступает идейно-политическая идентификация участников социально-политических движений. От сплоченности, единства и готовности к солидарным усилиям во многом зависит успех в деле накопления ресурсов, продвижения своих лидеров в органы власти и в целом оказания влияния на политический процесс.

Новая протестная молодежь, которая консолидируется вокруг оппозиционного политика А. Навального и его сторонников, постепенно выстраивает свою идейно-политическую идентичность (табл. 1). Ее выраженными чертами можно считать значительное преобладание либеральных взглядов — 42,4 %.

Таблица 1

Идейно-политическая идентификация активистов протестного движения

Приверженцем каких политических взглядов вы могли бы себя назвать	% от числа респондентов
Не придерживаюсь каких-то конкретных взглядов, политика намного шире и сложнее этих стереотипов	25,3
Социал-демократических	7,2
Консервативных	1,4
Либеральных	42,4
Анархистских	7,3
Националистических	4,1
Либертарианских	10,9
Затрудняюсь ответить	1,4
<i>Всего</i>	100,0

При этом четверть опрошенных активистов не смогла идентифицировать себя с какими-то конкретными политическими течениями. Этому можно найти несколько объяснений. Во-первых, смешанность и неустойчивый характер идейно-политических установок, что в совокупности дает эклектичность политического сознания. Во-вторых, немалая доля опрошенных активистов вовлечена в реальные политические процессы (к примеру, имеет опыт участия в выборах в качестве кандидатов, их помощников или агитаторов). Столкнувшись с тем, что называется «реальная политика», они приняли и осознали ее сущность, которая мало зависит от идей и взглядов и гораздо больше — от ресурсов и власти.

Отметим также факт непопулярности радикальных политических идей — анархизма (7,3 %) и национализма (4,1 %). Таким образом, молодые активисты демонстрируют понимание того, что радикальные взгляды и связанные с ними методы в политике не могут принести долгосрочного позитивного результата.

Фактором, оказывающим решающее воздействие на направленность коллективных настроений и действий, выступает социальное самочувствие [2]. В настоящем опросе мы выявляли самочувствие респондентов на двух уровнях социального взаимодействия: на макроуровне — общая удовлетворенность своей жизнью и оценка положения дел в стране (табл. 2) и на микроуровне — самочувствие измерялось как удовлетворенность непосредственными феноменами повседневной жизни, отношениями с ближайшим окружением индивида и пр. (табл. 2).

Результаты показывают, что большинство респондентов (63 %) в той или иной мере не удовлетворены своей жизнью: полностью не удовлетворены 21,2 % активистов; скорее не удовлетворены, чем удовлетворены, 41,8 %. Однозначную удовлетворенность выражают лишь 2,7 % респондентов, 31,5 % опрошенных скорее удовлетворены, чем не удовлетворены (около 3 % затруднились ответить). Это является непривычно низким показателем для молодежи, которая в целом отличается высоким уровнем оптимизма. Таким образом, фрустрированность протестных активистов можно считать их отличительным свойством.

Таблица 2

Оценка протестными активистами дел в стране*

Насколько дела в стране идут в правильном направлении	Средний балл
В экономике	1,27
В политике	1,23
В социальной сфере	1,36
В культурной жизни	1,82

*1 — идут в совершенно неправильном направлении, 5 — идут в совершенно правильном направлении).

Объяснением этого может служить оценка положения дел в стране, которое воспринимается молодыми активистами исключительно негативно. Внешняя среда предстает единым непреодолимым обстоятельством, которое не дает им удовлетворять свои потребности.

Макросреда — это прежде всего условия социального существования, а каково положение дел в непосредственном окружении протестных активистов? В ответах на эту часть анкеты мы обнаруживаем гораздо большую вариативность оценок респондентов (табл. 3). Обращает на себя внимание крайняя неудовлетворенность экологической ситуацией (среднее значение — 1,7). Хотя экологические требования не являются визитной карточкой настоящей волны протеста, в действительности экологическая ситуация выступает мощным скрытым драйвером напряженности. Стоит учитывать, что современное молодое поколение ощущает на себе все негативные последствия индустриального века. С учетом того что респонденты проживают в региональных столицах Уральского федерального округа, где традиционно сосредоточены центры промышленного производства, экологическая проблема в них считается давно укоренившейся и нерешаемой системно.

Таблица 3

Удовлетворенность различными аспектами жизни*¹

Насколько вы удовлетворены или не удовлетворены следующими аспектами вашей жизни	Средний балл
Материальным положением	2,39
Состоянием здоровья	3,10
Своей работой	2,91
Своим образованием	2,83
Отношениями с близкими и друзьями	3,79
Отношениями с коллегами	3,64
Экологической ситуацией	1,70

* 1 — совершенно не удовлетворен, 5 — полностью удовлетворен.

¹ На вопросы об удовлетворенности своей работой и отношениями с коллегами отвечали только работающие респонденты.

Чуть лучше обстоят дела с самооценкой своего материального положения (среднее значение — 2,39) и полученным (получаемым) образованием (среднее значение — 2,83). Наибольшую удовлетворенность респонденты испытывают состоянием своего здоровья (среднее значение — 3,10), отношениями с коллегами (среднее значение — 3,64) и отношениями с друзьями и близкими людьми (среднее значение — 3,79).

Образ будущего может быть представлен в нескольких измерениях. Во-первых, как образ желаемого или идеального будущего. Тут протестная молодежь выглядит весьма однородно (табл. 4). У нее не вызывают дискуссий три основных ориентира: высокий уровень жизни (72,6 %), эффективная рыночная экономика (63,7 %) и высокие технологии (63,7 %). Такой общественный идеал формирует запрос на развитие в соответствующих сферах жизнедеятельности общества. Сопоставляя эти данные с результатами исследования молодежи российских индустриальных регионов, проведенного нами ранее [3], отметим, что в своих доминирующих ориентациях активистская молодежь практически не отличается от молодежи в целом, в том числе и не проявляющей высокую политическую активность. В то же время такие ориентиры общественного развития, как общество с сильной государственной властью, а также традиционализм, оказались слишком архаичными и непривлекательными для опрошенных активистов (табл. 4).

Таблица 4

Разделяемый общественный идеал *

Какие точки зрения на идеал общественного развития вы разделяете	% от числа респондентов
Общество эффективной рыночной экономики	63,7
Общество с высоким уровнем жизни	72,6
Общество, ориентированное на развитие высоких технологий	63,7
Общество равенства и справедливости	32,2
Гуманистическое общество	29,5
Общество, с которым считаются другие страны	8,9
Общество с сильной государственной властью	2,1
Толерантное общество, терпимое к меньшинствам	34,9
Общество, где высоко ценят традиции предков	4,8
<i>Всего</i>	312,3

* Сумма ответов превышает 100 %, поскольку каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Во-вторых, будущее связано с образом коллективных действий по достижению социально значимых целей. Тут преобладает запрос на демократизацию в политической сфере, которая связывается с систематической сменой власти (87 %) и увеличением количества выборных должностей во властных структурах (50,7 %). Надежды на улучшение жизни также связываются с совершенствованием

правовой системы и повышением законности власти (81,5 %). Обращает на себя внимание некоторая противоречивость высказываемых респондентами установок: с одной стороны, ими востребовано повышение законности и ответственности власти, экономически успешное и высокотехнологичное общество, а с другой, для них практически не значимы независимая внешняя политика страны и сильное государство (табл. 5). Однако эти установки выглядят последовательно с позиций либерального политического учения, базовыми требованиями которого являются широкие индивидуальные свободы, невмешательство государства в механизмы функционирования рынка, создание условий для раскрытия личного потенциала каждого члена общества и т. д.

Таблица 5

Основные меры по развитию нашей страны в будущем*

Меры по осуществлению планов развития нашей страны в будущем	% от числа респондентов
Повышать законность и ответственность власти перед обществом	81,5
Проводить независимую внешнюю политику	8,2
Увеличивать количество выборных должностей во всех властных структурах	50,7
Осуществлять систематическую смену власти	87,0
Укреплять государственность и вертикаль власти	2,1
Осуществлять приватизацию крупных предприятий	23,3
Проводить четкую линию огосударствления крупных предприятий	2,1
<i>Всего</i>	257

* Сумма ответов превышает 100 %, поскольку каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

В-третьих, образ будущего отражает уверенность людей в завтрашнем дне. Для молодежи это особенно важно, поскольку она находится на ранней стадии раскрытия своего социального потенциала. Только 1 из 7 респондентов уверен в завтрашнем дне (менее 2 % однозначно уверены и 13,7 % скорее уверены, чем не уверены). Большинство опрошенных выразили крайнюю степень неуверенности в будущем (48,6 %), значительная часть опрошенных скорее не уверена в будущем, чем уверена (32,9 %), чуть больше 3 % затруднились ответить. Таким образом, для оппозиционно настроенных молодых активистов характерны не только резкая критичность оценок и неприятие текущей ситуации в стране, но и пессимистический настрой по отношению к будущему, что, как правило, не характеризует социальную группу молодежи в целом [2, 206].

Преобладание негативных сценариев будущего создает не только общий фон планированию своей жизни, но и формирует определенный тип общественного сознания у молодежи. Индивид как бы подталкивается к «добывательской» жизненной стратегии, в рамках которой все блага (как личные, так и социальные)

есть результат завоеваний, борьбы и торжества силы, а не консенсуса, согласия и таланта. Вероятно, страх будущего — это новая форма коллективной фобии, развивающейся у некоторой части молодежи и трансформирующейся в протестные или эмигрантские настроения. Очевидно, что она связана не только с отрицательной оценкой факторов внешней среды, но и с самооценкой поиска себя в жизни, способности адаптироваться.

***

В настоящее время идет процесс становления новой протестной молодежи как политической общности. Происходит формирование ее идейно-политической идентичности, выработка стратегий коллективных действий. Приведет ли это к тому, что данная общность станет полноценным политическим субъектом и начнет оказывать влияние на политические процессы, пока неясно. Однако уже сейчас очевидно, что основным драйвером роста настроений протеста выступает ухудшение социального самочувствия молодежи, негативное восприятие будущего на фоне нерешенности важнейших общественных проблем. Отсюда следует, что очень многое будет зависеть от эффективности государственной политики, активизации социально-экономических реформ и способности власти вести диалог с самыми разными молодежными группами.

По существу, протестная молодежь — это некоторая часть молодого поколения, более активно проявляющая себя в политической жизни, но вместе с тем отражающая чаяния значительной части своих сверстников. Протестная молодежь формирует определенную социально-политическую повестку, связанную как с претензиями в адрес власти, так и с ценностными ориентациями. В ее среде крайне непопулярны этатистские и традиционалистские установки, вместо этого она демонстрирует приверженность демократическим ценностям и правовому государству, верит в то, что рыночные преобразования и высокие технологии смогут позитивно повлиять на общественно-экономическое развитие России.

---

1. *Артюхина В. А.* Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социол. исслед. 2017. № 11. С. 30–34.

2. *Дидковская Я. В., Трынов Д. В.* Социальное самочувствие и ожидания молодежи индустриального региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 1. С. 202–214.

3. *Дидковская Я. В., Дулина Н. В., Трынов Д. В.* Образ социального будущего молодежи индустриального региона (на примере Волгоградской и Свердловской областей) // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 3. С. 35–44.

4. *Ефанова Е. В.* Политический экстремизм и протестная активность молодежи России // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. : История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 20.

5. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социол. исслед. 2008. № 5. С. 37–47.

6. «Молодежный» протест: причины и потенциал. Условия жизни и мироощущение российской молодежи / Центр экономических и политических реформ [Электронный ресурс]. URL: <http://cepr.ru/wp-content/uploads/2017/05/.pdf> (дата обращения: 05.03.2019).

7. «Провокаторов, которые толкают “школоту” на митинги, надо наказывать» : Интервью В. В. Федорова [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/news/1052371962> (дата обращения: 12.02.2019).

8. *Чирун С. Н.* Причины и формы политического экстремизма в молодежной среде транзитивного общества (региональный аспект) // Социум и власть. 2011. № 4(32). С. 44–48.

9. *Яницкий О. Н.* Митинги повсюду: реабилитация гражданского активизма России // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 58–68.

10. *Campante Filipe R., Cho D.* Schooling political participation, and the economy // Review of Economics and Statistics. 2012. № 94(4). P. 841–859.

11. *Carnigani F.* Political instability, uncertainty and economics // Journal of Economic Surveys. 2003. № 17. P. 1–54.

12. *Kofi C. K., Melvin S. Jr.* Employment, wages and voter turnout // American Economic Journal: Applied Economics. 2013. № 5(4). P. 111–143.

Рукопись поступила в редакцию 30 апреля 2019 г.

УДК 316.35 + 347.176 + 371.8

Е. И. Салганова

СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Формирование патриотизма современной учащейся молодежи рассмотрено автором с позиции социокультурного и деятельностного подходов: патриотизм определяется как многогранный и полифункциональный феномен и выступает высшим духовно-нравственным, лично-социальным чувством, высшей ценностью общества, государства, личности, основополагающим принципом жизнедеятельности личности, общества, государства, определяющим мотивом и условием социально значимой деятельности личности. Исследования зафиксировали весьма противоречивое состояние формирования патриотизма учащихся: с одной стороны, проблема патриотизма актуальна для подростков, с другой — выявлены противоречия и проблемы его формирования. В настоящее время формирование патриотизма характеризуется приоритетом у учащихся личных интересов над общественными, равнодушным отношением большинства школьников к общественной жизни, несформированностью образа патриота России в сознании учащихся, ориентацией личности на достижение материального благополучия, развлечения. Снижается роль основных социальных институтов и самого молодого человека в формировании патриотизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гражданственность, институты социализации, учащиеся, патриотизм, факторы.

Введение в исследовательскую проблему. Системный кризис, сложные условия в экономике и геополитике вызвали трансформационные процессы, происходящие во всех подсистемах современного российского общества. Значительная социальная дифференциация, реформы в системе образования и воспитания, традиционных институтов социализации и механизмов социокультурной

преемственности изменили роль человека в обществе, его гражданскую позицию и ценностные ориентации [30, 4]. Возникла острая необходимость в формировании у учащихся патриотизма, который характеризуется сильной гражданской позицией, общественной активностью, нетерпимостью к коррупции, терроризму, проявлениям экстремизма, ксенофобии, межнациональным и межрелигиозным разногласиям.

Анализ научной литературы показал, что патриотизм — достаточно сложное и многогранное понятие. В современной научной литературе патриотизм рассматривается как социальное качество личности; ответственность личности перед обществом, государством (патриотизм как общественный долг, гражданский долг); единство и единение человека с Родиной (патриотизм как служение Отечеству, Человеку, Народу); социальное явление; нравственный и политический принцип; ценность; национальная идея; важнейший элемент и показатель гражданской культуры и т. д.

Большинство социологов сужают понятие патриотизма, рассматривая его только как социальное качество, которое проявляется в любви к Родине, готовности к защите Отечества (П. М. Рогачев, М. А. Свердлин [29, 27], Н. В. Нарыков [18, 249], Т. И. Черняева [37] и др.). Мы считаем, что патриотизм выступает не только социальным качеством личности, но и ценностью, мотивом к общественной деятельности и проявляется в общественной активности личности. Патриотизм выступает ведущим показателем гражданской культуры общества. Изменения, произошедшие в постсоветском обществе, особенно в последние годы, сильно повлияли на содержание и роль патриотизма. Так, И. Ф. Дементьева отмечает, что переход страны к новым экономическим условиям осуществлялся без четкой концептуальной программы, обеспечивающей синхронность изменения общества в целом и его социальных институтов в частности [8, 77].

В социологии формирование патриотизма рассматривается с различных теоретико-методологических подходов:

— личностный подход определяет патриотизм социальным качеством личности (Н. В. Адаева [1], А. А. Козлов [5], О. П. Крайнюк [15], Н. В. Нарыков [18, 49], П. М. Рогачев, М. А. Свердлин [29, 27], И. Т. Фролов [33], Г. Флоровский [34], Т. И. Черняева [37]). С позиции данного подхода первостепенная роль отводится личности, которая наделена важными качествами;

— аксиологический подход определяет патриотизм как ценность и описывает его роль в общей системе ценностей (А. П. Погорелый [25], А. Покида [26], Р. М. Рахимова [28], Г. А. Фомченкова [35], И. В. Цветкова [36]);

— исторический подход позволяет охарактеризовать патриотизм как общественное явление на различных этапах исторического развития общества, государства и его правящей элиты (О. В. Бессчетнова [2], Е. А. Бондаренко [24], Т. Евлапова [9], А. А. Ермичев [10], Л. А. Иванова [11], А. А. Козлов [5], О. Ю. Никонова [19], А. Покида [26]);

— государственнический (этатический) подход выделяет роль государства как главного объекта высших чувств и помыслов личности. В связи с этим патриотизм выражается в чувстве гордости за державу (А. П. Богданов, А. Ф. Хутин [3]);

— духовно-религиозный (теологический) подход рассматривает патриотизм как основу духовной жизни общества, которое наделяет личность высокой духовностью и является глубоко религиозным качеством (Ю. А. Либеров, А. Ф. Щеглов [16], Г. А. Фомченкова [35]);

— структурно-функциональный подход определяет структуру и функции патриотизма (М. М. Акулич [6], В. И. Лутовинов [17], А. А. Козлов [5], Т. И. Черняева [37]).

Мы в своем исследовании формирование патриотизма рассматриваем с позиции социокультурного и деятельностного подходов. Социокультурный подход рассматривает патриотизм как элемент гражданской культуры. Сам патриотизм относится к числу гражданских ценностей (Т. Х. Дебердеева [7], Т. Евлапова [9], Г. А. Казначеева [12], Н. В. Нарыков [18], Л. А. Окольская [21], Н. А. Ореховская [22], Д. В. Топчий [32]). Патриотизм по своей сути и смыслу выступает нравственной основой жизнеспособности общества.

С позиции деятельностного подхода патриотизм побуждает человека к активным действиям на благо Родины (В. И. Лутовинов [17], В. С. Соловьев [39]). Личность рассматривается в качестве главного субъекта патриотизма. Основным моментом активной самореализации личности патриота является отождествление ее высших интересов, целей, идеалов с Отечеством, отношение к которому определяется возвышенностью любви к нему и силой долга [17].

Анализ литературы, проведенный в ходе исследования, показал, что различные теоретико-методологические основания задают нам различное понимание сущности и содержания патриотизма личности. Существование различных трактовок патриотизма свидетельствует о некоей многозначности данного феномена, выступающего одновременно высшим духовно-нравственным и лично-социальным чувством; высшей ценностью общества, государства, личности; основополагающим принципом жизнедеятельности личности, общества, государства; определяющим мотивом социально значимой деятельности.

Перед тем как охарактеризовать особенности патриотизма учащейся молодежи, необходимо отметить, что молодежь занимает важное место в социально-демографической структуре и общественно-политической жизни общества. Она социально неоднородна, ее различные слои (страты) имеют свои специфические интересы [30, 38]. Мы в своем исследовании будем придерживаться интегративного социологического определения, данного В. Т. Шапко. Автор определяет «молодежь» как социально-демографическую группу, выделяемую на основе совокупности таких признаков, как возрастные границы, социально-психологические особенности; социальный статус, ролевые функции, социокультурное поведение; самоопределение и самоидентификация [38, 10]. Данное определение позволяет рассматривать молодежь как субъект общественной жизни в совокупности ее социальных характеристик и проблем [30, 42]. Социологический анализ позволяет выделить ряд критериев, которые характеризуют учащуюся молодежь как социально-демографическую группу: возраст, ведущие виды деятельности, социализация. Д. Аусубель особую роль отводит психическим качествам учащейся молодежи [40, 56]. Однако мы согласны с мнением В. Г. Попова о том, что

психологическое толкование содержания категории «учащаяся молодежь» служит лишь конкретизацией представления учащейся молодежи как особой возрастной группы [27]. К учащейся молодежи в данной работе мы относим школьников 9–11 классов общеобразовательных школ.

Изучение результатов целого ряда социологических исследований [4, 42; 23, 150; 13, 58] приводит нас к выводу о том, что современную учащуюся молодежь отличают высокий рационализм, прагматизм, зависимость от цифровых технологий, нетерпеливость, сосредоточенность в основном на краткосрочных целях. Все это естественным образом отразилось на содержании патриотизма, в целом на гражданском становлении учащейся молодежи и определяет актуальность исследования.

Методика и методология исследования. Патриотизм современной учащейся молодежи рассмотрен нами с позиций социокультурного и деятельностного подходов, которые определяют его, с одной стороны, высшей ценностью общества, государства, личности, а с другой — основополагающим мотивом и условием, побуждающим личность к социально значимой деятельности.

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологических исследований, проведенных автором в составе временного творческого коллектива при кафедре социальной работы и социологии ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» в 2007–2008 [30] и 2017 гг. [14] (далее — исследования 2007–2008 и 2017 гг.) в общеобразовательных школах Челябинской области. Основная цель исследований — изучить современное состояние и выделить особенности формирования патриотизма учащейся молодежи.

Методами сбора первичной информации выступили анкетный опрос, анализ документов. В исследованиях 2007–2008 гг. было опрошено 910 учащихся 9–11 классов (выборка многоступенчатая, квотная) и 38 экспертов из числа учителей, заместителей директора, директоров; в 2017 г. — 340 учащихся 9–11 классов (сплошной опрос) и 45 экспертов из числа учителей, заместителей директора, директоров нескольких средних общеобразовательных школ Челябинской области. Также осуществлен вторичный анализ результатов исследований других авторов по данной проблеме.

Результаты исследования. В рамках изучения современного состояния патриотизма важное методологическое значение для нашего исследования имеет выявление интереса учащейся молодежи к проблеме патриотизма, что означает, как уже отмечалось ранее, готовность субъекта выполнять обязанности, требования, предписания, составляющие содержание гражданских ролей в обществе. Другими словами, интерес к проблеме патриотизма — это устойчивое стремление личности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов России.

Проведенное в 2017 г. исследование выявляет весьма противоречивое восприятие учащейся молодежью патриотизма. Почти у каждого второго школьника интерес к проблеме патриотизма есть, еще у четверти — его нет. Причем интерес

этот выше у учащихся в возрасте 17 и 14 лет по сравнению с другими возрастными группами. Интересен разговор о патриотизме чаще и тем, кто считает патриотизм важным качеством личности.

Мнения экспертов по этому вопросу весьма отличаются от мнений учащихся. Подавляющее большинство (91,0 %) экспертов считают, что интерес к проблеме патриотизма у учащейся молодежи есть. Таким образом, обнаруживается, с одной стороны, возрастающая потребность общества в формировании особого типа личности, характеризующейся национальным самосознанием и потребностью в выполнении гражданского долга, конституционных обязанностей по защите интересов России, с другой стороны — отсутствие интереса у части учащейся молодежи к проблеме патриотизма.

Противоречивый характер интереса учащейся молодежи к этой проблеме подтверждается результатами социологических исследований других авторов [5, 20, 31]. Так, Ю. Р. Вишневский отмечает, что за последние десять лет, с одной стороны, наблюдается возрастающий интерес граждан, прежде всего молодежи, к проблеме патриотизма, с другой — наблюдается оживление в молодежной среде экстремистских и националистических настроений [5, 10]. Среди основных причин происходящего в нашей стране Ю. Р. Вишневский выделяет события в Украине, которые вновь актуализировали проблемы гражданского воспитания молодежи.

Вместе с тем результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что практически две трети учащихся считают патриотизм важным качеством личности. Естественно, больше тех, для кого патриотизм является важным качеством личности, среди учащихся, которым интересен разговор о патриотизме.

Не считают патриотизм важным качеством личности четверть опрошенных. Причем больше таких среди учащихся в возрасте 15 лет по сравнению с другими возрастными группами. Сравнение результатов исследования 2017 г. с результатами 2007 г. показывает, что интерес к проблеме патриотизма у подрастающего поколения не повысился, напротив, наблюдаются предпосылки его спада. В 2007 г. 69,0 % школьников в качестве отличительных признаков гражданина выделяли патриотизм, еще 66,1 % — законопослушность, а 61,0 % — готовность защищать Родину [30, 126].

В 2017 г. выявлены существенные расхождения во взглядах экспертов и молодежи на значимость патриотизма. Подавляющая часть экспертов полагает, что учащаяся молодежь (в большей своей части) ориентирована на патриотизм. Среди экспертов не оказалось тех, кто отметил, что учащиеся не считают его важным качеством личности; 64,1 % экспертов указали, что тех, кто считает патриотизм важным качеством личности, среди учащейся молодежи большинство. Таким образом, исследование выявляет противоречие между значимостью данного качества в сознании учащейся молодежи и наличием его в реальности.

Представления учащейся молодежи о том, что характеризует патриота, какими чертами он должен обладать, также весьма противоречивы. Для большинства учащихся «быть патриотом» — значит «любить Родину» (66,2 %), «уважать историю России» (63,5 %), «уважать культуры народов России» (41,3 %)

и «при необходимости отдать жизнь за Родину» (40,1 %) (табл. 1). Среди других черт патриота России учащиеся выделяют: «знать историю России», «активно участвовать в жизни страны», «уважать Родину», «не оскорблять другие нации». Причем существенных различий во мнениях юношей и девушек не наблюдается.

Таблица 1

Мнение учащейся молодежи средних общеобразовательных школ Челябинской области о характерных чертах патриота России в 2007–2008, 2017 гг. (в % к общему числу опрошенных по годам)*

Черты патриота	2007–2008	2017
Любить Родину	77,0	66,2
Уважать историю России	51,3	63,5
Уважать культуры народов России	–	41,3
При необходимости отдать жизнь за Родину	35,1	40,1
Участвовать в общественной жизни	32,4	22,4
Не уклоняться от службы в армии	25,2	22,3
Любить родную природу	–	18,3
Отвечать за происходящее в стране	12,0	8,5
Противодействовать коррупции	–	7,4
Другое (укажите)	1,8	2,4
Затрудняюсь ответить	5,5	1,2

* Сумма превышает 100 %, поскольку респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответов.

Для учащихся все еще характерно пассивное, созерцательное отношение к составляющим патриота. Причем в настоящее время в сознании юношей и девушек наблюдаются снижение роли такого качества, как любовь к Родине, и возрастание «уважения к истории России». Признаки же активной формы патриотизма представлены все еще значительно реже.

Приоритетными действиями патриота, по мнению большинства учащихся, являются служение Отечеству (70,0 %), исполнение законов (39,4 %), борьба с терроризмом, национализмом (30,3 %), обеспечение целостности, суверенитета и национальной безопасности России (28,5 и 27,6 % соответственно). Примечательно, что по сравнению с 2007–2008 гг. наблюдается рост доли учащихся, которые считают, что для патриота характерно уважение истории своей страны. Кроме того, учащиеся имеют представление и об обязанностях патриота. Для каждого второго значимы учеба и чтение книг, каждого пятого привлекает работа. Главным в их жизни являются по-прежнему семья, здоровье и образование. Причем в сознании молодежи значимость таких ценностей, как семья, дружба, свобода и труд, возросла по сравнению с результатами опроса 2007 г. (табл. 2).

Таблица 2

Ценностные ориентации учащихся средних общеобразовательных школ Челябинской области в 2007–2008 и 2017 гг. (в % к общему числу опрошенных по годам)*

Ценности	2007–2008	2017
Семья	76,8	84,1
Здоровье	66,3	67,4
Образование	65,1	60,6
Дружба	47,5	56,5
Любовь	56,4	54,1
Свобода	35,4	43,2
Деньги	32,9	29,4
Труд	10,5	24,7
Развлечения	16,4	11,8
Другое (укажите)	2,2	3,2
Затрудняюсь ответить	0,2	0,9

* Сумма превышает 100 %, поскольку респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответов.

Вместе с тем исследование выявляет проблемы в формировании патриотизма учащейся молодежи. У подростков по-прежнему присутствуют как традиционные общечеловеческие ценности, так и ориентация на достижение материального благополучия, развлечения. Для каждого второго подростка в жизни важны только деньги и развлечения. Снижается роль образования. В сознании большинства подростков еще не в полной мере сформирован образ патриота России. Для современного поколения приоритетно пассивное отношение к проблеме патриотизма, которое выражается чаще всего в форме «любить», «уважать». Активная форма патриотизма представлена значительно реже. Так, общественная активность как показатель патриотизма важна только для каждого четвертого опрошенного. Лишь треть школьников фактически занимаются общественно-полезной деятельностью. Опрос 2017 г. показал, что, несмотря на то, что практически каждому второму школьнику нравится учиться, только каждый пятый реально учится. Читают книги (газеты, журналы) и того меньше — всего 9,2 % учащихся, работают — 3,5 % опрошенных. Каждый десятый учащийся любит просто бездельничать. Все это свидетельствует о том, что современное состояние формирования патриотизма у учащейся молодежи характеризуется как проблемное в силу продолжающейся трансформации ценностей и норм в обществе. У современных учащихся приоритетны личные интересы над общественными, они равнодушны к общественной жизни.

По мнению экспертов, ведущими причинами существующих проблем формирования патриотизма у учащейся молодежи выступают отсутствие системы общественной работы с молодежью (56,3 %), ненацеленность семьи на патриотическое

воспитание (47,1 %). Большинство экспертов считают, что в настоящее время в процессе социализации подрастающего поколения не отдается приоритет патриотизму (38,0 %), налицо слабая связь воспитания молодежи с интересами государства и общества (36,3 %). В итоге — безразличие и равнодушное отношение самой молодежи к патриотизму, ее низкая гражданская и общественная активность. Таким образом, обнаруживаются, с одной стороны, возрастающая потребность общества в формировании особого типа личности, характеризующейся национальным самосознанием и потребностью в выполнении гражданского долга, конституционных обязанностей по защите интересов России, с другой стороны, отсутствие интереса у части школьников к патриотизму.

Ведущими факторами формирования патриотизма у учащейся молодежи могут и должны стать семья, школа, СМИ и сам молодой человек как субъект гражданской культуры. В то же время выявляется довольно низкий уровень гражданско-патриотической и духовно-нравственной культуры большинства социальных институтов, традиционно осуществляющих социализацию молодежи (семья, система образования и др.). Опрос показал, что, несмотря на то что семья на первом месте в рейтинге факторов формирования патриотизма, меньше половины школьников указывают на ее влияние. Только каждый четвертый отмечает здесь роль школы. Молодые люди не осознают и свою роль в этом процессе. Лишь 7,8 % опрошенных выделяют среди факторов формирования патриотизма самого молодого человека.

Немалую роль в формировании патриотизма играет информированность молодежи. Для многих респондентов основным источником информации являются Интернет, телевидение, видеофильмы. Из книг, газет, журналов узнают информацию о патриотизме только четверть обучающихся. Недостаточна здесь роль семьи и школы.

Представляют особый интерес замечания и предложения учащихся и экспертов о том, что можно и нужно сделать для оказания помощи юношам и девушкам в становлении их патриотами. Всего в 2017 г. сделано 135 замечаний и предложений.

У школьников на первом месте предложения по формированию патриотических качеств в семье. Они уверены, что, *«патриотизм нужно закладывать в человеке с рождения в семье, так же как и доброту, уважение к старшим, трудолюбие»*, (учащийся 9 класса МОУ Долгодеревенская СОШ, 14 лет); *«родители должны уделять больше времени своим детям и указывать им верный путь, объяснять, кто такой патриот страны и какие у него обязанности»* (учащийся 10 класса МОУ Саргазинская СОШ, 15 лет).

Формирование патриотизма в школе — на втором месте по числу предложений школьников. Учащиеся уверены, что прежде всего необходимо *«больше уделять времени изучению истории России»* (учащийся 9 класса МОУ Кременкульская СОШ, 14 лет), *«проводить классные часы, общественные акции, викторины, различные мероприятия, в том числе в игровой форме»* (учащийся 9 класса МОУ Долгодеревенская СОШ, 14 лет), *«организовывать встречи и беседы с ветеранами»* (учащийся 10 класса МОУ Долгодеревенская СОШ, 15 лет).

На третьем месте — информированность по проблеме: *«говорить о Родине, о патриотизме, ценностях России, о ее великой истории»* (учащийся 9 класса МОУ Долгодеревенская СОШ, 14 лет), *«проводить акции и митинги по патриотизму»* (учащийся 10 класса МОУ Долгодеревенская СОШ, 15 лет), *«проводить более современные акции, которые будут вовлекать и воспитывать черты патриотизма у подрастающего поколения»* (учащийся 9 класса МОУ Кременкульская СОШ, 14 лет), *«показывать патриотические фильмы»* (учащийся 9 класса МОУ Долгодеревенская СОШ, 14 лет), *«создать сайты о патриотизме»* (учащийся 9 класса МОУ Саргазинская СОШ, 14 лет).

Кроме того, высказываются предложения по созданию молодежных общественных объединений, повышению уровня и качества жизни в стране. Часть опрошенных считают, что *«патриотизм — дело личное»* (учащийся 11 класса МОУ Саргазинская СОШ, 16 лет), *«каждый человек должен сам к этому прийти самостоятельно»* (учащийся 9 класса МОУ Долгодеревенская СОШ, 14 лет), *«если человек не хочет становиться патриотом Родины, то смысла нет в оказании ему помощи»* (учащийся 11 класса МОУ Долгодеревенская СОШ, 16 лет), *«это должно происходить как само собой происходящее»* (учащийся 9 класса МОУ Долгодеревенская СОШ, 14 лет).

У экспертов на первом месте предложения по созданию и усилению системы общественной работы с молодежью, на втором месте — развитие молодежных общественных организаций, движений (в том числе детских, скаутов, кадетов); на третьем — информированность учащихся о патриотизме. Причем особую роль в этом процессе эксперты отводят государству. Они подчеркивают, что *«молодые люди не могут быть равнодушными к государству, его проблемам, если они чувствуют настоящую заботу последнего о них»*; должна быть *«грамотная, целенаправленная политика государства, направленная на решение проблем молодежи, — лучшие меры по формированию и воспитанию патриотов»*; *«государство должно демонстрировать заботу о народе. Из такого и будет складываться любовь к России, родной земле»*.

Анализируя позиции обучающихся и экспертов, можно предположить, что их высказывания носят весьма противоречивый характер. Очевидно, что даже в педагогической среде нет единого мнения о том, кто и какими методами должен формировать у учащейся молодежи патриотизм.

***

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Патриотизм выступает многогранным и полифункциональным феноменом. В его основе лежат высшие духовно-нравственные, лично-социальные чувства. Патриотизм сам является высшей ценностью общества, государства, личности, основополагающим принципом жизнедеятельности личности, общества, государства, определяющим мотивом, условием социально значимой деятельности личности и показателем гражданской культуры общества. Патриотизм должен выступать одним из приоритетных направлений не только государственной социальной политики, общества, семьи, системы образования, но и самого молодого

человека как субъекта гражданской культуры. Однако в настоящее время формирование патриотизма учащейся молодежи реализуется в сложной, внутренне противоречивой ситуации, обусловленной общественным реформированием страны, недостаточным уровнем гражданско-патриотической, духовно-нравственной и правовой культуры большинства социальных институтов, которые традиционно осуществляли социализацию молодежи. Основной задачей всего общества и самой молодежи должны стать повышение уровня патриотического самосознания, приобщение к общественной деятельности, российским культурным, историческим ценностям и традициям.

1. *Адаева Н. В.* К пониманию сущности патриотизма и патриотического воспитания учащейся молодежи // *Человек и образование*. 2012. № 1(30). С. 130–134.
2. *Бессчетникова О. В.* Патриотизм как морально-нравственный компонента личности современной учащейся молодежи // *Вестн. ТГПУ*. 2011. Вып. 2(104). С. 137–140.
3. *Богданов А. П., Хутин А. Ф.* Патриотизм и гражданственность как фактор укрепления государства // *История и современность*. 2012. № 4. С. 123–127.
4. *Веселов В. Р.* Интеллигенция и народ: возвращение к старой теме // *Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации : материалы науч. конф.* Иваново, 2003. С. 42.
5. *Война была позавчера... : Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» [Электронный ресурс] / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого.* Екатеринбург, 2015. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23539129> (дата обращения: 02.05.2019).
6. *Гражданская позиция, духовность и патриотизм молодежи — будущее России : материалы регион. науч.-практ. конф.* Тобольск, 2005. С. 31–32.
7. *Дебердеева Т. Х.* Национальная идея в России: гражданственность в содружестве с патриотизмом // *Совет ректоров*. 2010. № 1. С. 60–65.
8. *Дементьева И. Ф.* Социализация детей в семье: теория, факторы, модели. М., 2004.
9. *Евляпова Т.* Неизменность идеи патриотизма // *Власть*. 2011. № 6. С. 130–132.
10. *Ермичев А. А.* Вопрос о патриотизме в русской мысли начала Первой мировой войны // *Вестн. Рус. христиан. гуманист. акад.* 2014. Вып. 4, т. 15. С. 179–190.
11. *Иванова Л. А.* Проблематика понятий «гражданственность» и «патриотизм» в свете современных реалий // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2011. № 4. С. 257–263.
12. *Казначеева Г. А.* Формирование гражданственности и патриотизма молодежи — ключевая задача социокультурной модернизации России // *Социология и жизнь*. 2011. № 2. С. 46–48.
13. *Козлов В. Н., Салганова Е. И.* Российская молодежь: вчера, сегодня, завтра // *Комсомол в истории и судьбах поколений: социальный опыт и его значение для современной России* (Челябинск, 18 октября 2018 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Л. А. Глазыриной, Л. М. Рабченка. Челябинск, 2019.
14. *Козлов В. Н., Салганова Е. И.* Социологическое исследование: программа и ее реализация на опыте научного анализа патриотизма учащейся молодежи : учеб.-метод. пособие. Челябинск, 2018.
15. *Крайнюк О. П.* Взаимосвязь формирования морально-волевых качеств студентов в процессе физического воспитания в колледже с патриотизмом // *Физическое воспитание студентов*. 2011. № 3. С. 49–52.
16. *Либеров Ю. А., Щеглов А. Ф.* Патриотизм: предельные основания и оценка: Теологический (христианский) аспект // *Омский науч. вестн.* 2011. № 1(95). С. 60–62.
17. *Лутовинов В. И.* Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2013. № 2. URL: <file:///C:/Users/%D0%9F%D0%9A/Downloads/lutovinov.pdf> (дата обращения: 02.05.2019).

18. Нарыков Н. В. Социокультурный подход к национальной идее, отечеству, патриотизму // Общество и право. 2014. № 1(47). С. 247–250.
19. Никонова О. Ю. Сталинский официальный патриотизм и его групповые интерпретации // Вестн. ЮУрГУ. 2011. № 30(247). С. 25–27.
20. О патриотизме [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11471> (дата обращения: 02.05.2019).
21. Окольская Л. А., Пешкова В. М. Нормативные визуальные образы в массовой культуре для подростков // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 156–167.
22. Ореховская Н. А. Патриотизм массового сознания россиян как фактор консолидации современного общества // Вестн. МичГАУ. 2011. № 1, ч. 2. С. 202–205.
23. Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.
24. Патриотическое воспитание сегодня. Анализ, проблемы, перспективы / авт.-сост. Е. А. Бондаренко, О. Г. Петрова; М-во образования и науки Рос. Федерации, ООО «Современ. образоват. концепции». М., 2009.
25. Погорелый А. П. Патриотизм как ценность российского общества: социально-философский анализ : автореф. ... канд. филос. наук. М., 2004. 20 с.
26. Покида А. Специфика патриотических чувств россиян // Власть. 2010. № 12. С. 124.
27. Попов В. Г. Социокультурные ориентации и адаптация молодежи к общественным преобразованиям в современной России : автореф. ... докт. социол. наук. Екатеринбург, 1997. 48 с.
28. Рахимова Р. М. Экосоциальные аспекты патриотизма и проблема ответственности в российском обществе // Вестн. Казан. технол. ун-та. 2011. № 11. С. 213–219.
29. Рогачев П. М., Свердлин М. А. Патриотизм, классы, революция. М., 1979. С. 27.
30. Салганова Е. И., Козлов В. Н., Грунт Е. В. Гражданская культура учащейся и студенческой молодежи Челябинской области: социологический анализ : моногр. Челябинск, 2009.
31. Символика России [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/TSennosti/12698> (дата обращения: 02.05.2019).
32. Топчий Д. В. Между патриотизмом и национализмом: русские философы о духовном возрождении России [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. 2015. № 10(60) : в 3 ч. Ч. 3. С. 188–190. URL: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/50.html (дата обращения: 02.05.2019).
33. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1991.
34. Флоровский Г. В. О патриотизме праведном и греховном [Электронный ресурс]. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1922-narutiax-GVF-patriot.php> (дата обращения: 02.05.2019).
35. Фомченкова Г. А. Патриотизм как основа духовной безопасности современной молодежи // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 77.
36. Цветкова И. В. Поколенческие различия в динамике патриотических ценностей (на примере г. Тольятти) [Электронный ресурс] // Социол. исслед. 2014. № 3. С. 45–51. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_3/45-51_Stvetkova.pdf (дата обращения: 13.06.2019).
37. Черняева Т. И. Городская молодежь: между потреблением и патриотизмом [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-v-molodezhnoy-srede> (дата обращения: 02.05.2019).
38. Шапко В. Т. Актуальная культура российской молодежи : автореф. ... докт. социол. наук. Екатеринбург, 1997. С. 10.
39. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб., 1898. Т. 23. С. 37.
40. Ausubel D. P. Das Jugendalter. München, 1968. S. 56.

Рукопись поступила в редакцию 17 июня 2019 г.

УДК 324 + 342.8 + 351/354

А. А. Керимов

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА В ДЕЙСТВИИ: ХАРАКТЕРИСТИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ЦИКЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Целью статьи являются выявление и анализ специфики предыдущих выборных кампаний в современной России. Автор выделяет группы факторов, обуславливающих особенности электорального процесса. Дана характеристика политических сил — участниц электорального процесса, выявлены особенности функционирующей избирательной системы.

Ключевые слова: избирательная система, электоральный цикл, выборная кампания, электоральный процесс, мажоритарная система, пропорциональная система, смешанная система, Государственная дума, политические партии.

Первые парламентские выборы в постсоветской России состоялись 12 декабря 1993 г. Регламентирующими документами этих выборов были утвержденные указами президента положения о выборах депутатов Государственной думы и формировании состава Совета Федерации. Положение о выборах депутатов Государственной думы установило смешанную систему, по которой половина состава (225 мандатов) Государственной думы избиралась по пропорциональной системе (по партийным спискам), а вторая половина — по мажоритарной. Выбор в пользу смешанной системы был продиктован стремлением правящей элиты сохранить свои позиции. Считалось, что в условиях слабости политических партий пропорциональная система малоэффективна, но в то же время проведение выборов по мажоритарной системе для действующей власти тоже было рискованным.

В выборах Государственной думы 1993 г. по пропорциональной части приняло участие 13 партий. Еще 24 партии не смогли организовать сбор подписей и не были допущены к выборам. При явке избирателей в 54,81 % (суммарное количество зарегистрированных избирателей — 106 107 348) только восьми партиям удалось обеспечить себе представительство в Государственной думе: ЛДПР — 22,92 % (общее количество мандатов с учетом результатов и по одномандатным

округам — 64); «Выбор России» — 15,51 % (64); КПРФ — 12,4 % (42); «Женщины России» — 8,13 % (23); «Аграрная партия России» — 7,99 % (37); «Явлинский — Болдырев — Лукин («Яблоко»)» — 7,86 % (27); ПРЕС — 6,73 % (22); «Демократическая партия России (ДПР)» — 5,52 % (14) [14].

Как свидетельствуют итоги выборов, из 13 партий, допущенных к выборам, 5-процентный барьер смогли преодолеть 8 партий. Высокая партийная фрагментация (37 партий) на этом этапе политического развития России была предопределена незавершенностью процесса становления партий, которым «предстояло сыграть важную роль без партийной системы» [4, 18].

Выборы 1993 г. носили «учредительный» характер, и перед избирателями ставилась дилемма выбора между авторитарным прошлым и наступающим демократическим будущим. В условиях высокой неопределенности социально-политического и экономического развития общества выборы, как и ожидалось, не создали прочную систему отношений и механизмов для легитимации политической власти.

Созданный по итогам выборов парламент имел временный характер и был рассчитан на переходный период. К новым парламентским выборам 1995 г. он должен был создать первичный слой нормативно-правовых актов для придания легитимности новому политическому режиму и разработать пакет документов, регламентирующих в будущем электоральный процесс.

Нельзя утверждать, что выборы 1995 г. состоялись в совершенно иных социально-экономических и политических условиях. Политическая конкуренция в стране по-прежнему была высокая, «иерархия электоральных размежеваний фактически повторяла иерархию размежеваний политических: на первом месте шло социально-экономическое размежевание, на втором — системное, на третьем — авторитарно-демократическое» [10, 147].

На фоне ухудшающегося экономического положения и усиления социальных разломов в обществе итоги предстоящих выборов для действующей власти становились непредсказуемыми. В отличие от первых выборов в этот раз у политических партий и объединений было достаточно времени для проведения предвыборной кампании. Изменилась и нормативно-правовая база по обеспечению проведения выборов. К началу выборного процесса вступили в силу ранее принятые законы «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» и «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации».

Выборы 1995 г. по количеству участников стали беспрецедентными. Из ранее зарегистрированных политических партий и общественных объединений 258 получили разрешение на участие в выборной кампании, а 111 из них попытались воспользоваться предоставленной возможностью. В конечном результате к выборам по пропорциональной части были допущены 43 партии и избирательных объединения. По итогам выборов по пропорциональной части в Государственную думу прошли только четыре партии: КПРФ — 22,3 % (суммарное количество мандатов с учетом результатов и по одномандатным округам — 157), ЛДПР — 11,2 % (51), «Наш дом — Россия» — 10,13 % (55), «Яблоко» — 6,9 % (45). Кроме

того, благодаря мажоритарной системе в Думе получили места представители еще 20 партий. Таким образом, в выборах приняли участие 64,76 % из числа зарегистрированных избирателей; партии-победители по пропорциональной части суммарно набрали 50,5 %; партии, не преодолевшие 5-процентный барьер, суммарно набрали 44,8 % голосов; по одномандатным округам из 225 избранных депутатов практически все имели партийное представительство и лишь 94 депутата позиционировали себя как независимые [14].

Результаты выборов наглядно продемонстрировали, что на электоральный успех могут рассчитывать только партии со сложившейся системой идеологических ценностей и развитой инфраструктурой. В то же время стало очевидно, что процесс партийно-политического структурирования общества далек от завершения. По этому поводу некоторые специалисты отмечают, что «российский вариант смешанной избирательной системы еще более активизировал процесс партийной фрагментации, и при этом справедливо считают, что причиной данного явления стало отсутствие у партийных лидеров стремления к коалиционной политике» [1, 276].

Чрезвычайная фрагментированность электорального поля в какой-то степени была сглажена мажоритарной системой, которая позволила малым партиям обеспечить себе представительство в Государственной думе. Таким образом, в 1995 г. существовавшая смешанная избирательная система не была способна консолидировать политические силы. В результате от введения смешанной системы в наибольшей степени пострадали крупные партии, так как они по итогам голосования получили в Думе меньше мест, чем могли бы получить в случае проведения выборов исключительно по пропорциональной системе.

В Думе по итогам выборов левая оппозиция получила 40 % мест, кроме того, ей достался и пост председателя. Казалось, что, возможно, наступает время для складывания двухпартийной системы, способной, во-первых, облегчить избирателю выбор при голосовании и, во-вторых, создать реальную оппозицию, способную на равных конкурировать с действующей политической властью. Однако особенности политического режима перечеркнули все надежды на становление устойчивой партийной системы. Моноцентричность власти, ее колоссальные возможности манипулирования электоратом, преобладание неформальных практик в ее осуществлении по-прежнему являлись главными препятствиями на этом пути. Более того, проводимая президентом и правительством политика была направлена не на конструктивный диалог с оппозицией, а на ее дискредитацию. Так, все инициативы левых сил успешно блокировались исполнительной властью. В самые ответственные моменты исполнительная власть шла на компромиссы в первую очередь с силами, которые к ней были лояльны (например, при попытке объявления импичмента президенту исполнительной власти удалось заручиться поддержкой ЛДПР, которая первоначально выражала готовность поддержать инициативу КПРФ). Уничижительное отношение президента и правительства к парламентскому большинству в лице левых сил в конечном итоге нанесло сильный удар по авторитету парламента и парламентаризму в целом.

Очередные выборы в Государственную думу состоялись в декабре 1999 г. Эту выборную кампанию отличало участие в ней нескольких партий власти. Чехарда

с партией власти была вызвана неопределенностью в вопросе дальнейшего пребывания на посту президента РФ Б. Н. Ельцина. После экономического кризиса 1998 г. было очевидно, что действующая власть недееспособна и не располагает программой дальнейшего социально-экономического развития государства. Под нажимом общественности для выхода страны из кризиса ельцинская элита обратилась за помощью к силам оппозиции. Необходимо отметить, что кабинет Примакова — Маслюкова в целом успешно справился с поставленной задачей, избежав наихудшего сценария развития экономики страны. Возникло ощущение левого поворота в политике государства, и единственным возможным вариантом сохранения власти для старой элиты в таком случае было изменение политического дизайна, смена действующих лиц.

На волне этих же событий на политической арене появились две группы партий, претендующих на статус партии власти. Первая группа была представлена движениями «Наш дом — Россия» В. С. Черномырдина, «Отечество» Ю. М. Лужкова и движением «Единство» С. К. Шойгу, созданным специально для поддержки на предстоящих президентских выборах В. В. Путина. Очевидно, что президентских амбиций не был лишен и мэр Москвы Ю. М. Лужков. Вторую группу прежде всего представляло движение «Вся Россия», созданное региональными политическими элитами. Это движение не рассматривало возможность выдвижения своего кандидата на предстоящих президентских выборах. Свою задачу его организаторы видели в оказании поддержки реальному кандидату на президентских выборах с целью сохранения своего статуса. Впоследствии движения «Отечество», «Вся Россия» и «Единство» (декабрь 2001 г.) были преобразованы в единую всероссийскую политическую партию «Единая Россия».

Итак, в парламентских выборах 1999 г. по пропорциональной части участвовало 26 избирательных объединений и блоков. Из трех партий, накануне исключенных из списков («Российская консервативная партия предпринимателей», «Кедр», ЛДПР), только одна (ЛДПР) приняла участие в выборах в одномандатных округах. Таким образом, общее число партий, участвовавших в выборах, достигло 27. Итого в Государственной думе 1999 г. были представлены депутаты от 27 партий и блоков. Так, КПРФ по пропорциональной части избирательной системы набрала 24,29 % голосов (суммарное количество мандатов с учетом результатов и по одномандатным округам — 113), «Единство» («Медведь») — 23,32 % (73), «Отечество — Вся Россия» — 13,33 % (66), «Союз правых сил» (СПС) — 8,52 % (29), блок Жириновского — 5,98 % (17), «Яблоко» — 5,93 %, (20), а 107 депутатов были независимыми [14].

Особое внимание по итогам выборов заслуживает успех движения «Единство», которое было создано практически за несколько месяцев до начала выборной кампании. Этот успех, как отмечают исследователи, был обусловлен рядом факторов. Во-первых, о своей поддержке движения заявил уже успевший стать популярным в народе глава правительства В. В. Путин; во-вторых, правящая элита оказала решающее влияние на политику центральных телеканалов, которые предоставляли более благоприятные условия движению для проведения предвыборной агитации; в-третьих, движение «Единство» практически не опиралось

на поддержку глав субъектов Федерации, что сыграло положительную роль в его успешном выступлении [12, 101]. Как показывал опыт прошлых электоральных циклов, помощь губернаторов не всегда была надежным и достаточным фактором для обеспечения победы партии власти.

Выборы в Государственную думу 2003 г. были последними, которые проводились по старой, смешанной, системе. В выборах приняли участие 23 партии и избирательных объединения. При 5-процентном проходном барьере по пропорциональной части в Государственную думу смогли пройти только три партии и блок «Родина»: «Единая Россия» — 37,57 % (количество мест в Думе с учетом итогов по одномандатным округам — 223, т. е. представительство «Единой России» в конечном итоге составило 49,89 % от суммарного количества мест), КПРФ — 12,61 % (52; 11,63 %), ЛДПР — 11,45 % (36; 8,05 %), блок «Родина» — 9,02 % (37; 8,28 %). Явка на этих выборах составила 54,7 %, около 25 % голосов было отдано партиям, не сумевшим преодолеть проходной барьер [14].

Благодаря комбинации институциональных и политических факторов партия власти «Единая Россия» смогла конвертировать 37,57 % голосов избирателей в 68,33 % депутатских мандатов, чем создала «сфабрированное большинство» [5, 119] и реальную опасность так называемой конституционной диктатуры. Так, спикер Государственной думы, лидер «единороссов», автор заявления, что «парламент — это не место для дискуссий», Б. В. Грызлов на вопрос корреспондента «Российской газеты» о том, какие законодательные инициативы вызовут в Думе наибольшее количество споров, ответил: «Парламентское большинство примет те законы, которые считает нужным, а о спорных пусть говорит меньшинство» [18].

Парламент, в котором «не место политическим дискуссиям», был по-своему удобен. Он позволял исполнительной власти проводить свои инициативы напрямую, не тратя время на сложный и затратный процесс внутрипарламентских согласований и выстраивания коалиций. «Создание устойчивого большинства, обладающего достаточным числом голосов, необходимых для принятия любых, в том числе конституционных, законопроектов, казалось, навсегда избавило исполнительную власть от беспокойства на тему “хватит ли голосов”» [19, 11–17].

После парламентских и президентских выборов (декабрь 2003 г., март 2004 г.) в российской политике «произошли системные подвижки, означавшие “огосударствление политического пространства”, т. е. аннулирование свободной конкуренции и элиминирование конфликтов как источников и факторов развития» [3, 231]. К числу этих подвижек относится «полная деполитизация Совета Федерации и установление политико-административного контроля над Думой; активная зачистка медиарынка и в первую очередь лишение общероссийских СМИ возможности информационно поддерживать оппозиционные политические фигуры и проекты; укрепление вертикали власти по линии центр — регионы; наделение ФСБ функциями “большого КГБ”; формирование партийной системы, исключавшей любые общественно-политические импульсы к ее развитию; жесткая правоприменительная практика по отношению к политическим конкурентам; точечное использование технологий принудительного голосования; политический раскол бизнеса и создание структур управления гражданскими объединениями;

разрешение чиновникам класса «А» вступать в политические партии, открывающее легальные пути для укрепления симбиоза политического и административного сегментов правящей элиты; партийная реформа, существенно затруднившая трансляцию интересов гражданских структур и одновременно подготовившая почву для непосредственного проникновения исполнительной власти на партийный рынок» [17, 12].

Таким образом, демократическая парадигма, исходящая из концепции соревновательной электоральной демократии, в России к середине нулевых годов потерпела полный крах. В 2003 г. партийная площадка полностью была зачищена. Прямой эффект от «огосударствления политического пространства» выразился в укреплении режима личной власти президента и его команды, выстраивании такой системы, при которой выборный процесс превращался в фарс. «Конкуренция на выборах стала более ограниченной, сократились возможности избирателей влиять на государственную власть» [11, 76]. В условиях отсутствия соревновательности выборы приобрели характер некоего действия, напоминающего референдум, с помощью которого можно было выразить свою лояльность к существующему политическому режиму. «Государственная дума, начиная с ее четвертого созыва, утратила характер государственного института всенародного политического представительства, основанного на реализации конституционного принципа многопартийности, и приобрела черты, характерные для законодательных органов административного типа в авторитарных политических системах с одной правящей партией; это и предопределило стиль и результаты законодательной и контрольной деятельности нижней палаты российского парламента, которая стала полностью подконтрольной президентской власти в лице Администрации Президента» [13, 53].

Дальнейшая эволюция избирательной системы привела к созданию всех необходимых условий для триумфа партии власти «Единая Россия» на декабрьских выборах 2007 г. В отличие от прошлых электоральных циклов эти выборы прошли по новым правилам. Новое избирательное законодательство предусматривало упразднение одномандатных округов, повышение существовавшего 5-процентного проходного барьера до 7 %. В избирательных бюллетенях была отменена графа «Против всех».

В выборной кампании приняли участие 10 партий, которым удалось суммарно набрать около 92 % голосов избирателей. Так, «Единая Россия» набрала 64,3 % голосов избирателей, тем самым обеспечив себе 315 мест в нижней палате Федерального собрания, КПРФ — 11,57 % (57 мест), ЛДПР — 8,14 % (40 мест) и «Справедливая Россия» — 7,74 % (38 мест). Явка избирателей составила 63,71 % [14].

По итогам выборов страна получила парламент с подавляющим большинством одной партии. В этом смысле по парламентаризму был нанесен мощный удар. «Предварительный удар по российскому парламентаризму был нанесен составом списков кандидатов в депутаты Госдумы, далеким от реальной социальной структуры общества» [8, 188]. По сообщениям СМИ, в списках победившей «Единой России» 74,3 % мест было предоставлено чиновникам во власти. Из 446 кандидатов 258 оказались представителями исполнительной власти, 188 — законодательной,

72 — бизнесменами, а 99 из них играли роль «паровозов», состоящих из губернаторов и других влиятельных деятелей. В списках «Единой России» лишь 48 человек были представлены гуманитарной, творческой и технической интеллигенцией. По количеству интеллигенции и молодежи в своих списках «Единая Россия» занимала последнее место среди 11 партий, участвовавших в выборах в Госдуму.

В списках КПРФ рабочие и инженеры составляли около 10 %, представители гуманитарной и творческой интеллигенции — 17 %, а остальные — бывшие депутаты Госдумы и чиновники. В списках ЛДПР чиновники составляли 40 %, предприниматели — 33,3 %, гуманитарная, творческая, техническая интеллигенция — 8,9 %, временно не работающие — 7,5 %. В списках «Справедливой России» доля чиновников составляла 30,2 %, предпринимателей — 34,8 %, гуманитарной интеллигенции — 7,5 % [6].

Выборы в Государственную думу шестого созыва состоялись в декабре 2011 г. К этому времени в избирательное законодательство было внесено множество поправок. По новым правилам Государственная дума впервые избиралась на 5 лет; партии, не преодолевшие заградительный барьер в 7 %, наделялись правом представительства в Думе; партии, набравшие более 6 % голосов избирателей, получали два депутатских мандата, а партии, набравшие от 5 до 6 %, — 1 мандат.

Накануне выборов многочисленные социологические опросы свидетельствовали об усталости россиян от партии власти. Согласно опросу ВЦИОМ ««Единая Россия» еженедельно теряла около 1 % потенциальных избирателей» [2]. Тенденция к потере своих позиций правящей партией зарождала в обществе определенные надежды на социально-политические, экономические изменения. Эти ожидания и надежды, в отличие от предыдущих выборных кампаний, придавали электоральному сезону 2011–2012 гг. больше динамичности и делали его результаты непредсказуемыми. По сути, выборная кампания декабря 2011 г. являлась началом нового политического года, причем она выступала в качестве индикатора по выявлению доверия со стороны населения к действующей власти, которая должна была выдержать экзамен уже в марте 2012 г.

Центральная избирательная комиссия России признала выборы в Государственную думу состоявшимися и действительными. По данным ЦИК, на выборах проголосовало около 66 млн избирателей (60,21 % от общего количества россиян, имевших право голоса), что на 3,5 % меньше, чем на выборах 2007 г. «Единая Россия» получила 49,32 % голосов избирателей (суммарное количество мандатов в новой Думе — 238), за КПРФ проголосовали 19,2 % избирателей (92 места), за «Справедливую Россию» отдали голоса 13,24 % избирателей (64), на четвертом месте оказалась ЛДПР, сумевшая набрать 11,67 % голосов (56). Не преодолели необходимого для прохождения в Думу 7-процентного барьера три партии: «Яблоко» — 3,43 %, «Патриоты России» — 0,97 % и «Правое дело» — 0,6 % [15].

Ожидаемую победу на выборах одержала партия власти, но по сравнению с выборами 2007 г. ее потери были существенны. Основная причина начала заката главной прокремлевской партии кроется не только в отсутствии серьезной предвыборной борьбы, но и в невыполнении ею своих прежних предвыборных обещаний. Очевидно, что в выборах в условиях отсутствия политической конкуренции

участвовали не оппоненты власти (возможно, кроме КПРФ), а скорее ее спарринг-партнеры. Это касается и партии «Справедливая Россия», и ЛДПР, которые в условиях всевластия «Единой России» не представляют никакой угрозы для системы. Лидеры вышеуказанных партий, по всей видимости, легко договариваются с администрацией президента, и политика для них является всего лишь бизнесом, а не борьбой за власть.

Если в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого столетия избиратели на волне политического романтизма свой выбор делали преимущественно на основе личных симпатий и предпочтений, то уже на выборах 2011 г. в их действиях начинает преобладать прагматизм. Политическое взросление населения, хотя и медленное, приводит к тому, что избиратели начинают более ориентироваться на содержательную сторону программных заявлений. В этом отношении у россиян имелось немало оснований для разочарования в партии власти. Задекларированные еще в начале 2000-х гг. обязательства разрушить бюрократическую систему, покончить с всевластием чиновников и сократить их количество, бороться с коррупцией, создать благоприятные условия для развития страны так и остались невыполненными. Наоборот, результатом политического развития страны за этот период стало преобладание в политической системе авторитарных тенденций, усиление режима личной власти президента, превращение парламента, оппозиции и СМИ в контролируемые и управляемые силы, усиление чиновничье-полицейского засилья и т. д.

Безусловно, степень легитимности избранной в декабре 2011 г. Думы вызывает сомнения. По многочисленным данным, процедура голосования и подсчет голосов практически по всей стране проходили с нарушениями законодательства. Нет сомнений в том, что в ряде регионов избирательный процесс был полностью под контролем администрации, иначе невозможно объяснить причины невероятного успеха правящей партии в ряде регионов. Например, в Республике Мордовия «Единую Россию» поддержали 93 % избирателей, в Чеченской Республике — 99,6 %. Такие же поразительные результаты партия власти продемонстрировала в других северокавказских республиках, Омской, Томской областях. Как отмечает американский исследователь П. Норрис, фальсификация результатов выборов может вызвать «сомнения в их честности и может выливаться в акции протеста со стороны общества; такой протест наиболее вероятен в гибридных политических режимах; нечестные выборы, при наличии определенных условий, могут стать катализатором изменений в самой политической системе» [20, 297].

Результаты выборов привели к масштабному протесту, на что власть отреагировала разгонами митингов и объявлением планов некоторой либерализации политической системы, при этом заверив, что намечающиеся реформы никак не связаны с волной протестов.

Послевыборные протестные акции в стране наглядно показали отсутствие в политической системе консолидированной оппозиции. Несмотря на некоторые заявления лидеров политических партий о совместных действиях, очевидно, что КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» и другие партии не хотели и не допускали даже гипотетической возможности объединения сил.

Парламентские выборы 2016 г. прошли «в условиях во многом уникальной для страны социально-политической ситуации, характеризующейся высоким уровнем поддержки федеральной власти, всплеском патриотических настроений, а также укреплением национально-политической идентичности, ставшим следствием внешнего давления на Россию» [7, 36]. Ожидаемую победу на этих выборах одержала «Единая Россия», которая набрала 54,21 % голосов избирателей. Партия обеспечила себе рекордное количество мандатов в парламенте — 343 места (для сравнения: в 2011 г. — 238 мест, 2007 г. — 315 мест). (В Думу кроме «Единой России» прошли: КПРФ — 13,34 % (43 мандата), ЛДПР — 13,14 % (39 мандатов), «Справедливая Россия» — 6,22 % (23 мандата) [15].)

Таким образом, анализ предыдущих избирательных кампаний показывает, что за прошедший период не были созданы устойчивые и воспроизводящиеся электоральные правила, выступающие «тонким индикатором политических процессов, происходящих в обществе» [9, 20]. Установленные избирательной системой правила участия в выборах и создания сильной партийной системы оказались достаточно противоречивыми и малопродуктивными. Многочисленные поправки, внесенные в избирательное законодательство, привели к тому, что процесс формирования парламента оказался под контролем президентской администрации. «Фактический проигрыш сторонников Ельцина на думских выборах в декабре 1993 г., успех коммунистов на выборах в декабре 1996 г. и реальная опасность их выигрыша на президентских выборах 1996 г. привели к стратегии "управляемых выборов", сохраняющейся по сию пору. Здесь разочарование правящих групп в электоральном механизме привело к ставке на административные ресурсы, подкрепленные юридическими ("фильтры", манипуляция электоральными законами) и силовыми (аресты знаковых оппозиционеров) методами, что и обозначило сдвиг к жесткому авторитаризму» [16, 151].

---

1. Анохина Н. В., Мелешкина Е. Ю. Смешанная и пропорциональные избирательные системы в условиях российского президентализма // Электоральное пространство современной России. Политическая наука. М., 2009. С. 263–285.

2. ВЦИОМ: «Единороссы» еженедельно теряют 1 % избирателей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaks.ru> (дата обращения: 18.06.2019).

3. Глухова А. В. Политический конфликт: механизм или тормоз российской трансформации? // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: ежегодник 2006. М., 2007. С. 228–245.

4. Голосов Г. В. Происхождение современных российских политических партий, 1987–1993 // Первый электоральный цикл в России (1993–1996). М., 2000. С. 77–105.

5. Голосов Г. В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Полис. 2005. № 1. С. 108–120.

6. Дмитриев И. Архитектура «ЕДРА» // Московские новости. 2007. 2–8 нояб.

7. Ежов Д. А. К проблеме определения тенденций современного избирательного процесса в России // Власть. 2016. № 7. С. 35–38.

8. Карпетян Л. М. Политические партии в судьбе России. СПб., 2009.

9. Керимов А. А. Метаморфозы избирательной системы современной России // Власть. 2013. № 12. С. 17–20.

10. Коргунок Ю. Г. Пространство политических размежеваний России накануне думских выборов 2016 г. // Коммуникология. 2016. № 4. С. 137–148.
11. Кузнецов И. И. Контрольные полномочия российского парламента: политические возможности и ограничения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12 : Политические науки. 2011. № 2. С. 68–89.
12. Лихтенштейн А. В. «Партии власти»: электоральные стратегии российских элит // Второй электоральный цикл в России (1999–2000). М., 2002. С. 65–85.
13. Нисевич Ю. А. Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003–2012 годах. М., 2014.
14. По материалам Центральной избирательной комиссии РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://cikrf.ru/> (дата обращения: 18.06.2019).
15. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 12 мая 2012 г. № 123/943-6 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 18.06.2019).
16. Розов Н. С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // Полис. 2016. № 1. С. 139–156.
17. Соловьев А. И. Электоральный дефолт и деиндустриализация политического рынка // Полис. 2004. № 1. С. 9–12.
18. Шкель Т. Политический год стартует // Российская газета. 2006. 6 сент.
19. Шульман Е. М. Законотворчество как политический процесс. М., 2014.
20. Norris P. Why Electoral Integrity Matters. N. Y., 2014.

Рукопись поступила в редакцию 1 июля 2019 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 172.4 + 321.01 + 341.1/8 + 327.7

А. В. Логинов
М. А. Лихачев

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ: МЕЖДУ СУВЕРЕНИТЕТОМ ГОСУДАРСТВА И ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА*

В статье анализируется теория гуманитарной интервенции в ее отношении к реальным практикам вмешательства в дела отдельных государств, прямо или косвенно санкционированным ООН. Концептуально и отчасти методологически авторы сближают интервенцию и войну (война понимается как наиболее радикальная форма интервенции). В начале статьи кратко реконструируются исторические и нормативные предпосылки, сформировавшие ключевую для юридических оснований допустимости войны антиномию защиты либо суверенитета государства, либо прав человека. Выбрав контрактуализм как теоретическую рамку, позволяющую предварительно разрешить (разрушить) эту антиномию, мы приходим к выводу о том, что в международном праве именно нарушение базовых прав граждан со стороны государства должно бы быть универсальным и основным оправданием интервенции. Дальнейший анализ политической практики убеждает нас в том, что концепт прав человека *редко* используется для оправдания интервенции и, по существу, *не является* в этой риторике ведущим компонентом. Тем не менее мы показываем, что классический политический реализм государственного интереса как оптика осмысления интервенции также нуждается в защите, поскольку допущение о том, что именно государства являются доминирующими субъектами международного права, сегодня ставится под сомнение. В заключение мы формулируем методологические проблемы современной нормативной политической теории как проблемы выбора «приоритетного субъекта» международного права.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гуманитарная интервенция, *jus ad bellum*, легитимность, суверенитет, государство, права человека, контракт, *casus belli*, ООН.

23 мая 2019 г. сотрудники и студенты департамента философии и департамента международных отношений Уральского федерального университета и представители Центра международного и европейского права Уральского государственного

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 18-18-00216).

юридического университета участвовали в заседании дискуссионного клуба, организованного СНО кафедры теории и истории международных отношений Уральского гуманитарного института УрФУ. Тема дебатов — гуманитарная интервенция, ее юридические, политические и моральные основания и ограничения. В ходе полемики участники рассуждали о том, является ли международное право оптимальным инструментом разрешения конфликтов, какие философские теории лучше объясняют, что такое суверенитет государства и стоит ли рассматривать именно государства как главных акторов международной политики; каковы методологические приемы, морально-нравственные и юридические основания, позволяющие обосновать гуманитарное вмешательство в дела другой страны. Данная статья — рефлексия над ключевыми аргументами участников круглого стола и развитие тезисов авторов, прозвучавших во время дебатов. Мы уделим внимание прежде всего радикальной (насильственной) форме гуманитарной интервенции, то есть вооруженным действиям во имя защиты прав человека. Неклассические (гибридные, информационные) войны, а также гуманитарная интервенция в виде гуманитарной помощи (от которой можно отказаться) — вне пределов нашего анализа. Первоочередная задача статьи — исследование того, как и насколько эффективно работает система международного права в вопросах нарушения суверенитета государств в условиях вторжения на его территорию и чем, помимо экономических интересов, такое вторжение может быть оправдано.

Что такое «справедливая война»? Каждая ли справедливая война как радикальная форма интервенции легитимна? Всегда ли несправедливая война неправомерна, в том смысле что нарушает международное право? Казалось бы, ответ на эти вопросы лежит на поверхности и для их разрешения нам даже не нужно вникать в имеющиеся подходы (пацифизм, милитаризм, реализм и теории справедливой войны¹) и их восприятие в СМИ². Однако детальное рассмотрение проблемы с философских и юридических позиций оставляет неоднозначное впечатление.

С точки зрения современного международного права война, понимаемая как применение силы одним государством против другого, *de lege lata* запрещена. Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. категорично предписывает всем ее членам (то есть государствам) воздерживаться в «их международных отношениях от угрозы силой или ее применения *как против территориальной неприкосновенности или политической независимости* любого государства, так и каким-либо *другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций*» (параграф 2 статьи 4 Устава ООН) (здесь и далее курсив наш. — А. Л., М. Л.) [8].

Во-первых, установленный запрет хотя и является результатом закономерного развития межгосударственной системы, все же лишь во второй половине XX в. стал частью т. н. *jus inter gentes naturale*. Еще в XIX в. вооруженный конфликт

---

¹ Справедливая война — предмет целого ряда исследований в англо-американской политической философии. Классическим трудом считается книга М. Уолцера «О справедливых и несправедливых войнах» 1977 г. [24], см. также работу Б. Орнда [21]. Среди работ отечественных авторов следует отметить в первую очередь статью Р. Г. Апресяна [1], сборник под редакцией Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна [7], статью Б. Н. Кашникова [6].

² См., к примеру, замечательный ликбез от философа Алексея Куманькова из ВШЭ, Москва [5].

рассматривался в качестве адекватного средства разрешения противоречий между государствами. Лишь на рубеже веков по итогам Гаагских конференций мира (1899–1907) приняты первые акты, закрепляющие механизмы мирного урегулирования споров³. Вехой явился пакт Бриана–Келлога 1928 г. (Парижский трактат), запрещающий прибегать к войне в качестве «орудия национальной политики». Однако даже такие нормативные решения, дополненные механизмом Лиги Наций, не стали эффективной гарантией предупреждения очередного глобального конфликта, унесшего жизни десятков миллионов людей.

Во-вторых, современный запрет на применение силы в отношениях между государствами не является абсолютным правилом. Статья 51 Устава ООН признает за каждым государством его «[неотъемлемое право] на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации». Статья 39 в связке со статьей 42 Устава ООН предусматривает «действия [по разрешению Совета Безопасности ООН] воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности» (статья 42 Устава ООН).

В-третьих, запрещая применение силы через установление оснований *jus ad bellum*, современное международное право исходит из неизбежности вооруженных конфликтов между государствами (чуть позже и внутри государств⁴). Именно потому оно регулирует, как эту силу можно применять (*jus in bello*). Парадокс такого *modus operandi* едва ли объясним с юридических позиций. Война запрещена, однако она неискоренима, потому меньшим из зол будет ограничить государства в ее средствах и методах.

В-четвертых, международно-правовой запрет на применение силы не категоричен в его конвенционно-текстуальном воплощении. Напомним: параграф 4 статьи 2 Устава ООН запрещает государствам прибегать к применению силы в отношении друг с другом и действовать «*каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций*». И хотя большинство комментаторов сходятся в оценке указания на объект вооруженного посягательства в качестве «*catch-all phrase*» [17] (всеобъемлющей категории), применение силы не исключено таким образом, который «совместим с Целями Объединенных Наций»⁵.

³ Гаагская конференция 1899 г. завершилась принятием трех конвенций и трех деклараций, среди которых конвенции о мирном урегулировании международных столкновений и о законах и обычаях сухопутной войны. Итогом конференции в Гааге 1907 г. стало принятие уже 13 конвенций и одной декларации, среди которых конвенции о мирном решении международных столкновений, об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам, о законах и обычаях сухопутной войны, об открытии военных действий.

⁴ Речь идет о проблеме статуса международного гуманитарного права *per se*. Если Устав ООН и общее международное право запрещают войну, тогда каково назначение отдельного массива норм, регулирующих законы и обычаи войны: «порой утверждается, что, регламентируя применение силы, [международное гуманитарное право] его легализует» [10, 75]? Международное гуманитарное право охватывает группы норм, составляющих право Гааги (указанные Гаагские конвенции) и право Женевы. Последнее включает четыре Женевские конвенции о защите жертв вооруженных конфликтов 1949 г. и три дополнительных протокола к ним, два из которых посвящены защите жертв международных и немеждународных вооруженных конфликтов (1977).

⁵ На возможность ограничительной трактовки уставного запрета войны обращали внимание участники конференции [22]. Великобритания в деле Корфу (против Албании) также пыталась ограничительно

Однако обращение к целям ООН не разрешает проблему. Их перечень предельно широк и, по существу, охватывает любую область межгосударственного сотрудничества (а значит, и теоретически любой мотив государственного поведения): 1) «поддерживать международный мир и безопасность»; 2) «развивать дружественные отношения между нациями»; 3) «осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем... и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех» и 4) «быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей» (статья 1 Устава ООН).

Итак, мы показали, что международное право более или менее определенно *запрещает* государствам прибегать к силе или угрозе ее применения во взаимных отношениях и тем самым посягать на политическую независимость или территориальную неприкосновенность друг друга. Поэтому, на первый взгляд, вслед за системой ООН несправедливой следует признать такую войну или вооруженное вмешательство, которые нарушают суверенитет государства. Однако наш тезис состоит в том, что на уровне международных норм речь идет прежде всего о допустимости или недопустимости (неправомочности) войны и в меньшей степени — о ее *справедливости*. С позиций международного права война может быть правомерной (и тогда она облекается в юридическую форму самообороны, вооруженных санкций) и противоправной (в виде агрессии, вооруженного нападения), но едва ли такая правовая оценка войны предрешает вывод о ее справедливости и (или) ее оправданности, поскольку на уровне моральных интуиций *самих людей* можно допустить как моральное оправдание права на войну/интервенцию, так и моральное осуждение сопротивления (самообороны).

Мы полагаем, что логика разрешения сформулированной выше проблемы состоит в различении уровней объектов правовой регуляции и последующей реконструкции генезиса государственного суверенитета. Подчеркнем, что международное право традиционно является правом государств — суверенных образований, политических форматов общественной организации⁶. Несмотря на преобладание в актуальном международно-правовом дискурсе либеральной, неолиберальной и даже ультралиберальной риторики, *международное право как было, так и остается правом, оформляющим межгосударственное взаимодействие, создаваемым прямо или опосредованно государствами в их же интересах.*

толковать запрет на применение силы по Уставу ООН, утверждая, что такой запрет касается только действий, прямо затрагивающих политическую независимость или территориальную целостность другого государства. Такой подход решительно отверг Международный суд ООН, разрешающий спор между Великобританией и Албанией (см. параграф 35 *Corfu Channel (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v Albania) (Merits)* [1949] ICJ Rep 4).

⁶ На официальном сайте Организации Объединенных Наций в разделе «Что такое международное право?» указано: «Международное право определяет правовые обязанности *государств* в их взаимоотношениях друг с другом, а также обращения с отдельными *физическими лицами в рамках государственных границ*. Это касается широкого круга вопросов, находящихся под пристальным вниманием международного сообщества, таких, как права человека, разоружение, международная преступность, беженцы, миграция, проблемы гражданства, обращение с заключенными, применение силы, ведение войны и проч. В сфере действия международного права также входят такие глобальные вопросы, как, например, окружающая среда, устойчивое развитие, международные воды, космос, глобальные коммуникации и мировая торговля» [8].

Как отмечает Д. Любан, акцент на государстве как субъекте международного права имел вполне прагматические причины [20, 162–163]: после Первой и Второй мировых войн концепт суверенитета государства должен был сдерживать любую потенциальную возможность эскалации конфликтов. Суверенность государства — это нечто большее, чем его самостоятельность и даже независимость, которые в юридическом воплощении свойственны всем равным субъектам права. Суверенитет исключает верховенство кого бы то ни было над государством, внешне являющим собой *ultima imperium*. Вестфальская парадигма все еще сильна сегодня: принципы *par in parem imperium non habet* и *pacta sunt servanda* как основания юридической обязательности международного права проистекают из суверенитета государств и укрепляют его в применении. И именно здесь исследователями фиксируется расхождение юридического понимания проблемы с тем, как видит суть дела нормативная политическая теория. Согласно последней «...война всегда предполагает наличие моральных категорий» [14, 238]. Дефиниции международного права с точки зрения нормативного подхода нечувствительны к легитимности государства и политического режима: «концепт суверенитета морально недееспособен не потому, что применим к нелегитимным режимам, а потому, что он нечувствителен к полному пониманию легитимности» [20, 166].

Это означает, во-первых, что не каждое государство в лице его правительства *по каким-то «полным» морально-нормативным причинам* обладает той самой суверенностью, о которой мы писали выше, что открывает широкое поле для дискуссий о природе легитимности, и, во-вторых, должно существовать нечто в рамках юридического же подхода, позволяющее «технически» заключить суверенитет государства в «скобки» и оправдывать международную интервенцию. Нам кажется, что оба аспекта (философский — о полной легитимности и юридический — о приоритетности прав) связаны. Например, последовательный методологический индивидуализм способен подсказать решение⁷: поскольку война государств — это в конечном счете война людей, то права государств (как институтов) на войну и на защиту суть набор делегированных прав, то есть таких прав, что выводимы из прав самих людей и вторичны по отношению к ним; следовательно, наша моральная интуиция состоит в том, что, во-первых, только легитимные государства обладают такими правами (на войну и защиту)⁸ и, во-вторых, само оправдание войны должно быть оформлено именно в логике защиты/нарушения прав людей.

Легитимность предполагает согласие объединенных в общность людей с тем, что происходит и как это происходит. Данное согласие (контракт) может быть эксплицитно выражено или молчаливо подразумеваться самим фактом того, что

⁷ Онтологический холизм и установка на солидарность, поддерживаемая коммунитаризмом, вполне могут привести к другой формуле расчета «оправданной войны».

⁸ Интересная попытка совместить легитимность и легальность предпринята профессором международного права В. Л. Толстых в материале о крымском референдуме и последующем присоединении Крыма к России. Пытаясь ответить на вопрос с позиций международного права, автор обращается к концепции общественного договора и формулирует достаточно стройные и аргументированные выводы о легитимности крымского прецедента и, по всей видимости, его международной правомерности [9, 42–43].

люди живут той жизнью, которой живут, и нет видимых причин думать, что они ею недовольны. «В течение длительного времени разделяемый опыт и совместная деятельность разного рода формируют общую повседневность людей. “Контракт” — это метафора для процесса объединения и взаимодействия», — утверждает М. Уолцер [24, 54].

В истории политической философии можно обнаружить два типа такого контракта, вслед за Х. Аррендт их называют «горизонтальным» или «вертикальным» контрактом. В первом случае контракт — это согласие людей на то, чтобы жить сообща вне и до государственных форм (договорная концепция происхождения государства у Д. Локка). Государство будет «продолжением» общества, еще одним его институтом: суверен — народ, он же — носитель суверенитета. Вертикальный контракт имеет место, когда люди делегируют свою суверенность «наверх», в варианте Т. Гоббса — чтобы элементарно выжить.

Англо-американская политическая теория последовательно придерживается версии Локка как логического условия любых других версий: у государства субъектные права есть только потому, что ему их делегируют уже объединенные в общность индивиды; общность же имеет субъектные права только как производные от прав индивидов, такую общность составляющих. Народ (нация как политическая общность) — «более-менее постоянный базис любого государства, что управляет ей» [20, 169], поэтому государство (как носитель специфических или привилегированных прав, делегированных в том числе и через «вертикальный» контракт — например, право на применение силы) будет легитимно только при согласии людей.

Такой подход не только разделяется авторами философских концепций, но и нашел отражение в позитивном международном праве. Хрестоматийный пример — Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г. К числу конститутивных признаков государства международный акт относит публичную власть, население, территорию и способность поддерживать международные отношения. Первая и последняя характеристики — проявления суверенитета, территория — его материальная база, население — первичный носитель⁹.

Конечно, вопрос о соотношении и взаимодействии государства и общества формирует отдельную повестку исследований в рамках философии права. Механизм легитимации политических решений в обществах, разделенных по этническому или религиозному признаку, может быть непривычно сложным, например, представлять собой институционально закрепленную формулу последовательно реализуемых этапов общественных и экспертных обсуждений. Тем не менее базовым тезисом классической нормативной политической теории остается идея о том, что между общностью людей (нацией, гражданами) и государством (в форме правительства, которому делегирован ряд особых прав через контракт) должно быть сущностное соотношение, иначе юридическая сторона вопроса о войнах

---

⁹ Проблема легитимности правовых ситуаций достаточно остро стоит в международно-правовом дискурсе, в частности — среди разделов науки международного права, изучающих вопросы о признании государств и правительств, международной ответственности и критериях присвоения поведения государству.

(уровень международного права) редуцируется к нарушению прав институтов (которых, по существу, у них как у абстракций и интеллектуальных феноменов нет) и теряет всякий человеческий смысл.

Такая постановка проблемы характерна и для международно-правового дискурса, по крайней мере на его доктринальном уровне: позитивизм и реализм международного права, теория эффективного толкования, концепция функционального иммунитета государства. Похожую позицию высказал В. Л. Толстых, рассуждая о связи позитивистской риторики международного права с реальностью: «...Любые международные [правовые] стандарты... имеют ценность, если они обеспечивают соответствие решения... действительной *воле народа*. Если же они ставят результаты... в зависимость от одобрения или согласия внешних по отношению к народу субъектов, их [стандартов] действие должно быть исключено» [9, 43].

Возвращаясь к философскому измерению проблемы: что удостоверяет, что вертикальный контракт легитимен? Согласие людей. Государство, не основанное на согласии, нелегитимно. Но как установить отсутствие согласия? Ведь сам факт существования нации (народа) не является существенным свидетельством легитимности государства, иначе бы она распространялась на любой его (легальный) тип. Более того, признание нелегитимных государств может быть вполне разумно с точки зрения международных отношений, но необязательно *морально* в свете нормативной теории.

И здесь общепринятым является ход в логике процедурного либерализма, когда концепт «права человека» насыщается и содержательным, и «процедурным» значением. Например, Д. Любан предлагает разграничить базовые и другие права людей. Базовые (основные) права человека универсальны по сфере охвата. Это такие права, при которых бенефициары — все люди, и все люди должны эти права соблюдать. Эти права первичны с точки зрения логического следования: именно реализация базовых прав — средство удовлетворения (приобретения) остальных прав человеком [20, 174]. Это так называемый разумно признаваемый всеми минимум: право на жизнь, свободу от гонений, здоровую окружающую среду и адекватный уровень жизни. Иные, кроме базовых, права человека — те, которыми он может воспользоваться, если соблюдены первичные права. Следовательно, мы наконец-то получаем четкий критерий справедливой войны (интервенции): это война либо за сохранение базовых прав, либо против агрессии, направленной на существенное ухудшение базовых прав (людей)¹⁰.

Не вдаваясь в подробности международно-правовой теории прав человека, с определенностью можно заявить, что сторонники гуманитарной интервенции как вооруженного нападения одного государства на другое в случае нарушения последним прав человека так же исходят из того, что речь идет не о любых правах и не о любых нарушениях. Гуманитарное вмешательство *de lege ferenda* допустимо

¹⁰ Пропорциональность, как правило, справедливой войны применяется к *jus ad bellum*: необходимо существенное нарушение базовых (не «дополнительных») прав, чтобы было морально оправданно прибегнуть к войне. И парадокс состоит в том, что во время войны (*jus in bello*) справедливость «тает», поскольку реализация военных действий неизбежно влечет за собой нарушение базовых прав. Подробнее о различии требований справедливости к *jus ad bellum* и *jus in bello* см. [2, 456–457].

при соблюдении пяти содержательных (материальных и процессуальных) условий [17]: 1) в государстве — объекте нападения — имеет место «чрезвычайная гуманитарная ситуация», «гуманитарная катастрофа», «кризис», «трагедия»; 2) такое государства не способно или не желает устранить последствия катастрофы и исправить сложившуюся ситуацию (т. н. inability-unwillingness test); 3) субъектом, предпринимающим меры, исчерпаны все иные возможности мирного (ненасильственного) разрешения проблемы; 4) предпринимаемые меры являются необходимыми и безальтернативными с точки зрения преследуемой цели — защиты прав человека и восстановления гуманитарного мира в стране; эта же цель ограничивает пределы осуществляемых интервенционных мероприятий; 5) такая операция предпочтительна в коллективной форме.

Вне зависимости от понимания каждого конкретного условия очевидно, что международное право воспринимает гуманитарную интервенцию в интерпретации ее сторонников как *ultima ratio*, как экстраординарное средство защиты прав человека. Очевидно, гуманитарную катастрофу не может спровоцировать массовое и грубое нарушение свободы слова или права на образование: речь идет об определенной группе экзистенциальных прав, когда само существование индивидуумов поставлено под угрозу.

Такое понимание справедливой войны при условии соблюдения нами логики контрактуализма дает возможность избежать сравнения несравнимого, когда на одной чаше весов оказываются базовые права *людей* и права *государства*. Наоборот, предстоит сравнить объем нарушаемых базовых прав людей, граждан разных государств в случае столкновения интересов *между* государствами и объем нарушаемых базовых прав внутри государства, которые предполагается восстановить за счет внешнего вмешательства с ожидаемой *ценой* этого восстановления в базовых правах. С учетом того что интересы государства вполне могут быть направлены на поддержание базовых прав своих граждан и даже на улучшение качества жизни, формула справедливого *casus belli* должна содержать «поправочные коэффициенты», позволяющие конкретизировать базовое право на достойную жизнь за счет апелляции к обоснованному для территории и исторических условий прожиточному минимуму. В последнем случае подразумевается не только некоторый уровень заработка, но и общий стандарт жизни, соответствующий критериям достаточности и достоинства личности.

Именно поэтому один из современных социологов сразу же за проблемой войны упоминает проблему неравенства доходов *внутри* стран как вызов для ученых [19, 12]. Государство должно прежде всего за счет *своих ресурсов* гарантировать прожиточный минимум всем гражданам (мы оставляем пока в стороне вопрос о том, как и кем он определяется). В этом смысле война за ресурсы с другим государством (обладающим большими, чем того требует простое выживание, средствами) при острой нехватке своих собственных благ действительно будет крайней мерой во внешней политике. М. Уолцер, например, оправдывает войны за выживание, которые вели с Римской империей племена, вытесняемые на запад и требовавшие земель для поселения, — у них не оставалось никакого выбора [24, 27].

Таким образом, если оставить «за скобками» крайнюю нужду в материальных ресурсах для физического выживания (экономический аргумент), сигналом к справедливой войне остается *массовое* нарушение базовых прав и открытая борьба людей *со своим государством* за соблюдение этих прав. Так, по Уолцеру, геноцид, массовые расстрелы, резня и порабощение граждан — единственный обоснованный повод для международного вмешательства [24, 87–91]. «Незаметная» же потеря государством легитимности, по сути, никак процедурно не фиксируется. Неясно, какой должна быть утечка (приток), репрессия (поддержка) мозгов, капиталов, идей, чтобы заявить, например: государство по итогам второго квартала приобрело либо потеряло 10 % легитимности. В этом контексте мы полагаем интересным рассмотреть, какие аргументы *реально* приводили государства в обоснование гуманитарного вмешательства.

Прежде важно определиться с потенциальным кругом ситуаций, которые можно было бы гипотетически отнести к группе гуманитарных интервенций. В теории и практике международного права сформировалось два подхода к этому явлению. В широком смысле под такой интервенцией понимается любая угроза силой или ее применение государствами по гуманитарным основаниям. В таком случае всякий вооруженный конфликт с целью защиты прав граждан является гуманитарным.

Закономерный вопрос: что принципиально нового с точки зрения рассматриваемого *jus ad bellum* и *casus belli* дает такая концепция? Поторопимся с ответом: ровным счетом ничего. При таком понимании среди группы военных столкновений государств мы лишь выделим отдельную подгруппу. При такой постановке проблемы вопрос о том, дают ли правозащитные мотивы дополнительный *юридический casus belli*, риторичен.

Совершенно другая ситуация при узком рассмотрении категории гуманитарной интервенции. Как уже указывалось выше, международное право предусматривает общий запрет на применение силы между государствами, предполагающий два исключения — резолюцию Совета Безопасности ООН (статьи 39, 42 Устава ООН) и действия государства-жертвы вооруженного нападения в порядке самообороны (статья 51 Устава ООН)¹¹. Гуманитарная интервенция в узком смысле являет дополнительное (в нашем случае третье) основание для отступления от установленного международного запрета на войну. Такая интервенция предполагает вооруженное вмешательство одного государства во внутренние дела другого государства с целью защиты населения от массового и грубого нарушения прав человека в отсутствие резолюции Совета Безопасности ООН и соображений самообороны у претерпевающего вторжение государства.

В отличие от широкого толкования обоснование гуманитарной интервенции *stricto sensu* и отставание ее права на международно-правовое существование коренным образом меняет традиционную концепцию силы, отраженную в Уставе ООН. Тем не менее практика диктует свое.

¹¹ В доктрине и на практике выдвигаются еще так называемые «неклассические» основания для применения силы по международному праву: защита государством собственных граждан за рубежом и интервенция по приглашению. Эти вопросы — за пределами исследования в настоящей работе.

Юристы-международники обычно рассматривают чуть более десятка ситуаций, подпадающих, по крайней мере внешне, под признаки гуманитарной интервенции (в специальном и самостоятельном значении) [13, 167–214]. Вторжение Индии в Пакистан в 1971 г., Танзании в Уганду в 1978 г. и Вьетнама в Кампучию в 1978 г. юридически обосновывалось государствами, вероятными агрессорами, в качестве действий в порядке самообороны со ссылкой на имевшееся до этого или потенциальное вооруженное нападение со стороны жертвы. А первая ситуация и без того была решительно осуждена Генеральной Ассамблеей ООН [23, 640–645]. Здесь гуманитарные соображения отошли на второй план.

Интервенция Франции в Центрально-Африканскую Республику в 1979 г., как и военная операция сил Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) в Либерию в 1990-е гг., были легализованы *ex post facto* резолюциями Совета Безопасности ООН [12, 935–962], что сняло в свое время необходимость обоснования правомерности действий ссылками на гуманитарные основания *in fine*.

Осужденное резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН применение силы Соединенными Штатами Америки против группы центрально-американских государств (Гренады и Панама в 1983 и 1989 гг. соответственно) оправдывалось американцами ссылками на необходимость защиты собственных граждан за рубежом и вероятного приглашения легитимного правительства [15, 120–143]. Гуманитарные соображения, очевидно, не играли главную роль в аргументации Вашингтона.

Бомбежка Ирака в 1991 и 2003 гг. силами Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Франции оправдывалась резолюциями Совета Безопасности ООН, хотя и не дававшими такого права заинтересованным государствам, но установившими так называемые «no-fly zones» («бесполетные зоны») и «safe havens» («пространства безопасности») на иракской территории¹².

В случае с Сомали (1992), Боснией и Герцеговиной (1993), Руандой (1994), Албанией (1997) и Восточным Тимором (1999) имелись резолюции Совета Безопасности ООН, содержащие указание на возможность применения «all necessary means» («любые необходимые меры») для восстановления международного мира и безопасности¹³. Такая формулировка традиционно рассматривается в качестве *carte blanche* и бесспорного *casus belli* для заинтересованных государств.

Наконец, югославский прецедент, когда гуманитарная интервенция прямо заявлялась в контексте *jus ad bellum*. Массовое и грубое нарушение прав человека, гуманитарная катастрофа на югославской территории явились основанием для бомбардировок федеративной республики со стороны Организации Североатлантического договора (НАТО) в 1999 г.¹⁴ Однако даже в этой хрестоматийной в контексте гуманитарной интервенции ситуации страны-инициаторы заняли нерешительную позицию. США ссылались на ряд оснований, не ограничиваясь только гуманитарными соображениями. А ближайшие союзники Вашингтона

¹² См.: UNSC Res 660, 1990; Res 678, 1990; Res 688, 1991.

¹³ См.: UNSC Res 794, 1992; UNSC Res 940, 1994; UNSC Res 929, 1994; UNSC Res 836, 1993; Res 1031, 1995; Res 1088, 1996; Res 1101, 1997; UNSC Res 1264, 1999.

¹⁴ См.: UNSC Res 1160, 1998; Res 1199, 1998; Res 1203, 1998.

Германия и Бельгия определенно заявили, что имевший место случай «must not become a precedent» («не должен стать прецедентом») [16]. Нерешительность западных государств оттенялась категоричным неприятием рядом государств, не состоящих в НАТО, принятых в отношении Югославии мер [Там же, 824–862].

Состоятельность концепции *обязательной* гуманитарной интервенции как таковой была значительно подорвана последующей нормативной практикой. Попытка легализовать гуманитарную интервенцию как дополнительное основание для применения силы обернулась разработкой под эгидой ООН альтернативного подхода *R2P* («Responsibility to Protect», «Ответственность по защите») [25]; *R2P* подтвердила традиционную модель Устава ООН о возможности применения силы в порядке самообороны и на основании резолюции Совета Безопасности ООН — даже при наличии прочных гуманитарных соображений¹⁵.

Один из редчайших недавних примеров ссылки государства на гуманитарную интервенцию как на основание применения силы — атака предположительных баз химического оружия на сирийской территории, предпринятая Соединенными Штатами, Великобританией и Францией в апреле 2018 г. Единственное в этой ситуации государство, решившееся прямо выдвинуть правовые аргументы, — Соединенное Королевство. Лондон заявил, что имеет права «на основании международного права в исключительном порядке принять меры для предотвращения серьезной гуманитарной катастрофы. Правовым основанием для применения силы является гуманитарная интервенция, требующая соблюдения трех условий:

1) должны быть убедительные для международного сообщества доказательства существования чрезвычайной и широкомасштабной гуманитарной ситуации негативного характера, требующей неотложных и решительных мер;

2) должно быть объективно ясно, что практические альтернативы применению силы для спасения жизней отсутствуют;

3) применяемая в таком случае сила должна быть сопряжена с задачей разрешения гуманитарной катастрофы, пропорциональна ей и должна быть строго ограничена такой целью по времени и содержательно»¹⁶.

Любопытно, что по-школярски стройная концепция англичан не нашла поддержки даже у союзников по операции — у Вашингтона и Франции, отдавших предпочтение «юридическому» молчанию и политическим лозунгам [18]. Итак, практика применения концепции гуманитарной интервенции убеждает: государства не готовы определенно и ясно признать необходимость вооруженного вторжения в случае массового и грубого нарушения прав человека. Даже в редких ситуациях применения силы правозащитным соображениям отводилась второстепенная роль в политической риторике, и указывались они в комплексе с другими, более убедительными, по мнению государств, «классическими» основаниями для вооруженного нападения.

¹⁵ См.: 2005 World Summit Outcome, para. 139. UNGA Res A/RES/60/1 // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_60_1.pdf. (дата обращения: 01.05.2019) [8].

¹⁶ См. официальную позицию правительства Соединенного Королевства по поводу действий в Сирии [26].

Таким образом, мы рассмотрели возможности и границы модели оправдания интервенции, построенной на ценности прав человека как альтернативе юридическому пониманию условий *jus ad bellum*. В центре нашего внимания оказались философский контрактализм как способ преодолеть логическую дихотомию «суверенитет государства — права человека» и, как следствие, проблема легитимности государства. Мы выяснили, что в рамках представленной англоязычной нормативной теории базовых прав человека критерий нелегитимности может быть сформулирован только в общем и отчасти редуцированном виде: об отсутствии легитимности напрямую свидетельствует наблюдаемое нарушение базовых прав людей. Однако парадоксально, что даже этот (общий) критерий оправдания интервенции не является ведущим в риторике, оправдывающей реальную практику интервенций в современности. Мы также показали, какие конкретно юридические нормы международного права были изначально ослаблены в пользу сильных игроков (государств) после Второй мировой войны. Поскольку теоретическая рамка с дихотомией «суверенитет государств — права людей» не охватывает либо не в полной мере интерпретирует реальную политическую практику, мы приходим к выводу, что имеет смысл изменить саму оптику рассмотрения и концептуализации конфликта и согласия на международном уровне: сегодня, возможно, следует сосредоточить усилия ученых на осмыслении притязаний новых фигур быть основными субъектами (и игроками) на поле международного права¹⁷. Будущее покажет, что будет усилено в дальнейшем — статус привычных нам игроков на международной арене, статус новых игроков или само международное право в его стремлении защищать именно права человека.

1. Апресян Р. Г. Метанормативное содержание принципов справедливой войны // Полис. 2002. № 3. С. 385–403.
2. Апресян Р. Г. Справедливой войны принципы // Этика : энцикл. слов. М., 2001. С. 456–457.
3. Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / пер. с фр. М., 2017.
4. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М., 2011.
5. Как человечество училось убивать: Интервью с философом о войне [Электронный ресурс]. URL: <https://knife.media/kumankov-interview/> (дата обращения: 30.05.2019).
6. Кашиков Б. Н. Критика современного дискурса справедливой войны // Военно-юрид. журн. 2012. № 11. С. 22–29.
7. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / под ред. Б. Кошпитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М., 2002.
8. Сайт ООН на русском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 01.05.2019).
9. Толстых В. Л. Воссоединение Крыма с Россией: правовые квалификации // Евраз. юрид. журн. 2014. № 5(72). С. 40–46.
10. Толстых В. Л. Курс международного права : учеб. М., 2010.
11. Эпоха цифровых государств: как Facebook, Google и Amazon выигрывают войну с правительством США [Электронный ресурс]. URL: <https://knife.media/corporations-vs-state/> (дата обращения: 05.06.2019).

¹⁷ См. [11].

12. *Al-Naumi N., Meese R.* (eds). *International Legal Issues Arising under the United Nations Decade of International Law*, Nijhoff, The Hague, 1995.
13. *Chesterman S.* *Just War or Just Peace? : Humanitarian Intervention and International Law*. OUP Oxford, 2001.
14. *Dreveskracht R.* *Just War and International Law: An Argument for a Deontological Approach to Humanitarian Law* // *Buffalo Human Rights Law Review*. 2010. Vol. 16.
15. *Gray C.* *International Law and the Use of Force*. 3rd ed. OUP Oxford, 2008.
16. *Henkin L., Wedgwood R., Charney J., Chinkin C., Falk R., Franck T., Reisman W.* Editorial Comments: NATO's Kosovo Intervention, 1999, 93 AJIL.
17. *Lowé V., Tzanakopoulos A.* *Humanitarian Intervention* // *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. Oxford Public International Law, 2019.
18. *Milanovic M.* *The Syria Strikes: Still Clearly Illegal* [Electronic resource] // *EJIL: Talk!*. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-syria-strikes-still-clearly-illegal/> (accessed: 01.05.2019).
19. *Inglehart R.* *There is a crucial social need for competent social scientists* // *Changing Societies and Personalities*. 2017. Vol. 1, № 1. P. 12–26.
20. *Luban D.* *Just War and Human Rights* // *Philosophy and Public Affairs*. 1980. Vol. 9, № 2. P. 162–163.
21. *Orend B.* *The Morality of War*. Peterborough, 2006.
22. *Pomper S.* *Trump vs. International Law: The Challenge of Articulating a Legal Framework for Humanitarian Intervention* [Electronic resource]. URL: http://opiniojuris.org/2018/10/05/trump-vs-international-law-the-chal-lenge-of-articulating-a-legal-framework-for-humanitarian-intervention/?fbclid=IwAR3nojj8vln061EZLC-sTnMR3lpXJ72A-d_OKHMT7zp1umj-No-MyloUptl8 (accessed: 01.05.2019).
23. *Schachter O.* *The Legality of Pro-Democratic Invasion*. 1984, 78 AJIL.
24. *Walzer M.* *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. Basic Books, 1977.
25. *Winkelmann I.* *Responsibility to Protect* // *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. Oxford Public International Law, 2019.
26. *Syria action — UK government legal position* [Electronic resource]. URL: www.gov.uk/government/publications/syria-action-uk-government-legal-position/ (accessed: 20.05.2019).

Рукопись поступила в редакцию 17 июня 2019 г.

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНСТРУКТИВИСТСКИХ ТЕОРИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Двадцатипятилетняя история развития исследований норм в конструктивизме может быть представлена как попытка ученых-международников построить полноценную абстрактную модель интеракции между сторонами нормативного диалога. Если ранние модели «жизненного цикла» норм были призваны описать начальную фазу взаимодействия между Западом и остальным миром, то в рамках современной теории нормативной силы конструктивисты стремятся учесть и обратный эффект локальных сред на западный нормативный ландшафт. Часть из них решают данную проблему путем помещения в ядро их концептуального подхода категории идентичности в ее постмарксистском прочтении. Автор указывает на несовместимость моделей «жизненного цикла» и вышеуказанного направления теории нормативной силы по причине изначального антагонизма двух «материнских» школ мысли, из которых они происходят, — социологического институционализма и постмарксизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: конструктивизм, международные нормы, нормативная сила, идентичность, постмарксизм.

Социальный конструктивизм сегодня заслуженно входит в ряд наиболее перспективных течений в теории международных отношений (ТМО), а исследования международных норм представляют собой значительную часть конструктивистского направления [1]. Несмотря на наличие большого числа концептуальных и эмпирических проблем этой области знания, одна из них стоит особняком. Уже около 25 лет ученые-конструктивисты пытаются построить полноценную абстрактную модель взаимодействия между сторонами нормативного диалога. И сегодня мы становимся свидетелями, возможно, решающего этапа этого исследовательского процесса.

На этапе с 1990-х гг. по первую половину 2000-х ученые трудились над описанием начальной фазы взаимодействия. Если нормативная интеракция включает в себя безостановочную циркуляцию международных норм между двумя и более инстанциями, то прежде всего необходимо уделить внимание трансферу правил и смыслов из точки А в точку Б. Исследованием процесса подобного рода занимались теоретики так называемых моделей «жизненного цикла» норм, где под пунктом А понимался универсалистский Запад, а под пунктом Б — локальные ценностные среды, национальные и региональные по своему масштабу. В рамках первой волны моделей [11, 15] «жизненного цикла» вышеуказанный трансфер описывался с позиции субъекта, вторая же [5, 17] сосредоточилась на реципиенте. Представив детальную характеристику начальной фазы процесса нормативной интеракции, конструктивисты не преуспели в изучении обратного эффекта локальных инстанций на Запад. Примерно с середины 2000-х гг. эстафетная палочка здесь передается исследователям теории «нормативной силы» [20, 8].

Ученые каждого из трех направлений внутри нее внесли свой вклад в построение абстрактной модели взаимодействия, однако ближе всех к решению подобной задачи подходят сторонники массового инкорпорирования категории идентичности в исследования норм [8, 13]. Тем не менее именно на этом этапе данная область знания сталкивается с теоретической развилкой, где каждый из выбранных путей сулит и широкие перспективы, и многочисленные опасности. Цель статьи — обозначить ключевые параметры этих маршрутов, а также их концептуальные и эмпирические преимущества и недостатки.

Дорога с односторонним движением: модели «жизненного цикла»

Продолжительный период времени международные нормы в ТМО понимались исключительно в позитивистском ключе как стандарт поведения для регулирования определенной сферы. В таком разрезе норма помещена в контекст теории рационального выбора, согласно которой акторы оценивают выгоды и альтернативные издержки того или иного решения. Идеационные факторы вроде идентичностей и норм, по замечанию Александра Вендта, оказываются внешними к процессу принятия решений [34, 394]. Например, в неореализме гегемон системы, опираясь на силовой ресурс, устанавливает правила ее функционирования, остальные же игроки вынуждены подчиняться, хотя их мнения относительно этих стандартов могут различаться [33]. С другой стороны, в неолиберализме нормы представляют собой ячейку институтов, смягчающих анархию международной среды [25]. Здесь акторы также предстают рациональными единицами, которые способны заметить преимущества кооперации при принятии решений. Все изменилось во время постпозитивистской революции в ТМО. Отныне нормы описываются как «интерсубъективные представления», включающие в себя множественные интерпретации участников системы. Более того, нормативный компонент включен в процесс принятия решений: актор, выбирая между возможными сценариями своих действий, уже обладает определенной ценностной картиной мира и исходит из нее при оценке того, что считает «действительностью» [10, 159].

Пересмотрев эпистемологические и онтологические основания категории «международная норма», конструктивисты энергично взялись за создание собственных концептуальных подходов. Как уже было обозначено выше, теоретики моделей «жизненного цикла» сосредоточились на описании начальной фазы интеракции — трансфера норм от субъекта к реципиенту. Первая волна теоретических построений подобного рода может быть названа универалистской. Ее представители акцентировали большую часть своего внимания на инстанции отправителя, оценивая вопрос об успехе переноса нормы в другую среду. Прежде всего это трехактная модель М. Финнемор и К. Сиккинк, которая состоит из зарождения нормы, ее широкой диффузии в системе МО («каскада») после преодоления «критической точки» и, наконец, интернализации, т. е. восприятия акторами того или иного правила как должного [11]. Особое внимание уделяется учеными первой волны фигуре распространителя нормы, или «антрепренера».

В подавляющем большинстве случаев эту роль берут на себя международные активисты — НКО и транснациональные сети [15], хотя в подобном качестве могут выступать и другие структуры. К концу 1990-х гг. первая волна подверглась критике за ценностно-обусловленную телеологию всего процесса, где либерально-демократические нормы в конце концов неизменно преодолевают сопротивление авторитарных режимов [1, 54]. Д. Чендлер [7] был одним из многих, кто в своих работах указал на эмпирические недостатки неолиберального миротворчества и построения государственности как в Европе, так и в странах третьего мира. Начало 2000-х гг. предоставило многочисленные случаи отторжения западных норм, что подорвало популярность прежних моделей.

Тем не менее внутри конструктивизма формировалась уже следующая, вторая волна «жизненного цикла». Ее авторы фокусировались в своих исследованиях на важности инстанции реципиента при трансфере нормы из Запада в локальные среды. Пожалуй, центральной моделью этого периода становится «локализация» А. Ачарии, в рамках которой описывается процесс смешивания универсального правила с местными смыслами [5]. В зависимости от позиций локальных акторов и соответствия внешней нормы уже существующему ценностному полю Ачария выделяет несколько маршрутов локализации [Там же, 251]. Идею гибридации нормативных ландшафтов можно назвать центральной и для концепции «вернакуляризации» С. Мерри [17]. Отныне роль реципиента в трансфере нормы не только учитывается конструктивистами, но и вовсе выдвигается на первый план.

Приняв во внимание воздействие и субъекта, и реципиента на исследуемый процесс, ученым удалось детально проработать модели одновекторного движения норм с Запада в остальные части земного шара. Однако вопросы обратного влияния ускользали от последовательной концептуализации исследователей международных норм. Эти подходы оказались теоретически несостоятельны, так как элементарно транспонировали логику предыдущих моделей на кардинально иной эмпирический материал. Например, в статье Э. Штайнхилпера модель «локализации» использована для объяснения влияния норм коренных народов на ценностный ландшафт США [31]. Вместо того чтобы заниматься кропотливой разработкой моделей обратного влияния, автор предпочел уйти от проблемы вовсе, смешав между собой предыдущие наработки нормативной теории. При этом теоретический вопрос выхода на уровень абстрактных моделей остается нерешенным.

Не выходя за границы логики «дороги с односторонним движением», классическая теория «жизненного цикла» к концу 2000-х гг. утратила прежнюю бурную динамику развития. Это отнюдь не значит, что перспективные конструктивистские модели не создаются вовсе. В частности, В. Сэндхольц и К. Стайлз в 2008 г. формулируют так называемую «циклическую теорию изменений» норм, добавив к концепту М. Финнемор и К. Сиккинк фазу свертывания международных правил [27]. Но все это не отменяет тех фундаментальных теоретических и, как следствие, эмпирических затруднений, с которыми сталкиваются исследователи конкретных нормативных диалогов при учете эффекта обратного влияния и анализе полноценного взаимодействия сторон. Именно поэтому в начале и середине 2000-х гг. в конструктивизме появляется и в геометрической прогрессии набирает

популярность теория «нормативной силы», открывая новые рубежи для изучения нормативной интеракции.

Три подхода теории нормативной силы к проблеме взаимодействия

В 2002 г. датский ученый И. Маннерс ввел в научный оборот термин «нормативная сила», понимая под нею «...способность формировать концепции “нормального...” в международных отношениях [20, 240]. Данное понятие изначально создавалось для оценки морального авторитета ЕС на мировой арене, поэтому Маннерс рассматривает этот термин в контексте политики европейской интеграции. Он выделяет пять ключевых либерально-демократических норм Евросоюза, четыре дополнительных, а также шесть способов их распространения на мировой арене [Там же, 242–245]. Теория нормативной силы сразу стала объектом горячих академических дебатов, прежде всего самого Маннерса с Т. Диезом [8, 21] относительно статуса концепта, способов оперирования им и присущих ему атрибутов. Кроме того, модель встретила со значительной критикой [14, 29] со стороны самых разных направлений и школ в ТМО за редукционизм, нормативизм и расплывчатые критерии идентификации. Отметим, что и российские исследователи не обошли вниманием теорию «нормативной силы». Так, Е. Павлова и Т. Романова из Санкт-Петербургского государственного университета провели важнейшее методологическое разграничение между концепциями «мягкой» и «нормативной силы» [3]. В свою очередь, Л. О. Игумнова [2] уже на эмпирическом уровне провела систематизацию тех способов, какими нормативная сила ЕС оспаривается в российском дискурсе.

Спустя несколько лет после зарождения этой теории сам И. Маннерс не без удовлетворения отмечал лавинообразный рост ее популярности [22]. Данный феномен может быть объяснен исключительно экстерналистскими причинами: начало и середина 2000-х гг. стали временем самого крупного расширения Евросоюза в истории. Тем не менее, как было показано выше, существовали и внутринаучные предпосылки для формирования новой теории объяснения нормативной интеракции акторов международной среды. Именно поэтому внутри академического дискурса о нормативной силе выделяются три направления, каждое из которых представляет собой отдельную специфическую попытку решить проблему взаимодействия.

Первое из них — исследования того, как нормативная сила ЕС функционирует в разных странах [18, 26] или регионах [6, 32]. Большинство таких работ построено по общим похожим схемам. Сначала автор фокусируется на реципиенте нормы и локальных особенностях ценностной среды, которые чаще всего препятствуют реализации универсалистского нормативного курса ЕС. Затем акцент переводится на субъект, Евросоюз, выявляются собственные противоречия его политики в этой сфере, характерные проблемы с инклюзией интересов неевропейских обществ, некая «нормативная высокомерность» ЕС. За счет подобного переключения фокуса с объекта на субъект (и наоборот — в ряде статей) достигается иллюзия анализа взаимодействия акторов. Однако главная теоретическая проблема оставалась нерешенной. Такой субъектно-объектный подход являет собой скорее

суррогат исследования взаимодействия, нежели полноценную модель ценностной интеракции. Более того, изучая нормативный курс ЕС в мире, представители данного направления не смогли подняться на уровень теоретической абстракции в своих работах. К примеру, ученые «жизненного цикла», в силу особенностей их моделей, смогли выйти на этот уровень еще в ходе «первой волны».

Параллельно указанному выше первому направлению развивалось и другое. Его представители стремились решить важнейший вопрос: возможно ли наличие нормативной силы не только у ЕС, но и у иных акторов международной системы? Примечательно, что почти все конструктивисты второго направления отвечали на этот вопрос утвердительно. В данных моделях носителями способности формировать категорию «нормального» у других акторов выступают и отдельные неевропейские страны Запада, например США [12], и представители условного «третьего мира» вроде Венесуэлы [4]. Среди наиболее популярных объектов для исследования среди ученых выделяется нормативная сила Китая [9], основанная, в разных версиях, на конфуцианских ценностях, суверенитете или особом формате выстраивания двусторонних отношений с контрагентом. Также не оказывается обойденным вниманием академического мира Россия [19] как распространитель собственных норм в международной среде. На полях заметим, что конструктивисты второго направления добились здесь лишь частичных успехов. С одной стороны, стало возможным и даже вполне конвенциональным рассматривать нормативную силу не только ЕС, но и иных акторов, с другой — до сих пор актуальны вопросы относительно эффективности их политик в этой области. Так или иначе, для нашей работы куда важнее другое.

Подобное течение в конструктивизме связано с попыткой описать нормативное взаимодействие самым непосредственным образом. Если носителями нормативной силы являются множество субъектов, в том числе незападных, то это предоставляет для академических исследователей уже не одностороннюю, а многовекторную карту нормативности в международной системе, а следовательно, открывает широкие возможности для учета обратного влияния периферии и полупериферии на универсалистскую метрополию и построения полноценных моделей взаимодействия. Без сомнения, второе направление изучения нормативной силы теоретически перспективнее первого, однако и внутри него существует несколько принципиальных проблем. Прежде всего, конструктивисты здесь часто заняты описанием трансфера норм или из одной части Запада в другую, или из стран полупериферии (Китай, Индия, Россия, Турция) в периферийные государства, когда региональный гегемон переформулирует западные категории в новом ключе для своих территориальных соседей. Здесь возникают по меньшей мере два замечания. Во-первых, как было упомянуто выше, эмпирически неочевидно, смог ли хотя бы один актор международной системы, кроме ЕС и, возможно, США, через свою нормативную силу успешно сформировать категорию «нормального» для других субъектов. Во-вторых, картина мира с нормативной силой у большого числа отдельных акторов — это редуccionистский набор, еще не сведенный в холистскую модель. Синергетический же эффект заключается в том, что системное качество несводимо к элементарной сумме ее элементов.

Наконец, третье и, забегая вперед, наиболее многообещающее направление в исследованиях нормативной силы отличается попыткой его представителей поставить на первый план категорию идентичности [8, 13]. Прежде чем перейти к нему, необходимо упомянуть несколько деталей. Изначально конструктивизм как школа в ТМО строился на равном внимании и к понятию норм, и к понятию идентичностей. Но в 1990-е гг. в связи со специализацией внутри конструктивистских теорий различные направления предпочитали создавать свои модели на базе либо одной категории, либо другой. Теоретики «жизненного цикла», разумеется, сфокусировались на нормах и правилах, идентичности же выступали в качестве вспомогательной категории. Очевидно, что при наличии большого числа других проблем именно описание интеракции выступает сильной стороной идентичности как эпистемологического концепта. В свою очередь, третье направление в изучении нормативной силы представляет собой пересмотр данной конвенции. Примечательно, что интерес к категории идентичности обозначен еще в первых работах Маннерса [21]. Затем, начиная с Т. Диеза [8], целый ряд исследователей выстраивает свои теоретические модели, помещая в их ядро термин идентичности. В работах подобного рода ЕС как Я или Эго в ходе интеракции с Другим утверждает свои свойства как «цивилизованного, прогрессивного и альтруистического» актора. Для исследователей этого направления общим местом является критическое отношение к подобной политике разделения и исключения Другого. Учитывая широкие возможности описания взаимодействия через профильную для этого категорию идентичности, перспективы третьего направления видятся как абсолютно блестящие. Однако у каждого подхода в теории существует и обратная сторона, учет которой поможет нам избежать игнорирования целого ряда скрытых теоретических «ловушек».

Теория международных отношений — это композитная область знания, и большинство терминов и понятий в ней образуются вследствие эпистемических интервенций из смежных наук. Исследования норм в конструктивизме не являются исключением. Изначальные концепции «жизненного цикла» представляли собой адаптированные под ТМО модели так называемой «теории мировой политики», «теории мирового общества» или «социологического институционализма». В рамках данной крупнейшей и влиятельной школы мысли ее представители во главе с Дж. Мейером изучают, каким образом западная культура с ее веберовской рациональностью распространяется по планете и демонстрирует сходные черты в разных точках земного шара, несмотря на локальные особенности в отношении коллективных ценностей [24]. Связь между теориями «жизненного цикла» норм и социологическим институционализмом открыто признается и последователями Мейера [28, 61]. С другой стороны, категория «идентичности» в ТМО также заимствована из смежных областей. При детальном анализе возможно выделить множество принципиально разных по своему происхождению и содержанию «идентичностей» в конструктивизме. Большинство прикладных статей в ТМО, используя категорию идентичности, обращаются к одной из конкретных традиций в социологии, социальной психологии или культурологии. Вследствие такого хода происходит непреднамеренный перенос некоторых достоинств и недостатков

исходных моделей из одной области знания в другую. Не проводя полномасштабного генеалогического обзора всего конструктивистского поля, отметим, что одна из интерпретаций идентичности образуется в результате синтеза постмарксизма Ш. Муфф и Э. Лаклау [16] и постколониальной теории [30], а затем — адаптации данного понятия к теории МО. Представители третьего направления теории нормативной силы прибегают именно к постмарксистской версии идентичности. Во многом это было связано со стремлением конструктивистов рассмотреть курс ЕС через призму постколониальной системы и гегемонии в ней западных стран.

Однако социологический институционализм как теория находится в антагонистических отношениях со всем спектром марксистских школ, в том числе с постмарксизмом [28, 68]. Выступая на единой площадке анализа нематериальной сферы политики, они расходятся как в аксиологическом измерении, так и в эпистемологии. Школа «мирового общества» по преимуществу не акцентирует внимание на системном насилии и эксплуатации. Для представителей этого направления незападные страны воспроизводят европейские и американские институты не в силу доминирования Запада в сфере образования смыслов и ценностей, а скорее из церемониальных соображений и так как на периферии системы они рассматриваются как эффективные [23]. Отсюда, в свою очередь, невосприимчивость теорий «жизненного цикла» к эмансипаторному пафосу левоориентированных по своей идеологии моделей.

Помимо этого постмарксизм и социологический институционализм предлагают элементарно разные модели познания. В рамках первого наиболее распространенным методом является исследование дискурса при избегании абстрактных моделей; второй, напротив, тяготеет к детальной систематизации при небольшом внимании к дискурсивной сфере. Разница подобного рода бросается в глаза даже при сопоставлении моделей «жизненного цикла» и нормативной силы, не говоря об их базовых теориях. И перечень различий на этом далеко не заканчивается, что приводит к неутешительному выводу для авторов исследований международных норм. Обращение к категории идентичности со стороны теоретиков третьего направления теории нормативной силы будет означать отказ от исследовательских наработок первых 15 лет изучения международных норм в конструктивизме. Трехактная модель М. Финнемор и К. Сиккинк, локализация А. Ачарии и прочие выдающиеся теоретические достижения органически не могут быть совмещены с концепциями, где идентичность находится в ядре академического подхода. Первые отбрасываются за ненадобностью. Однако стоит ли отказываться от уже сформированного теоретического базиса во имя возможных будущих достижений при невозможности синтеза моделей? Это открытый вопрос, ответ на который, по всей видимости, мы получим в ближайшее десятилетие.

Заключение. На теоретической развилке

Около 20 лет исследований международных норм в конструктивистском течении ТМО могут быть представлены как попытка решить главный вопрос этой области знаний: каким образом построить полноценную модель нормативного

взаимодействия сторон? Классические модели «жизненного цикла» во многом были призваны описать первую фазу интеракции, то есть трансфер нормы из универсалистского Запада в полупериферийные и периферийные страны. Оказавшись не в состоянии учесть обратный эффект воздействия локальных инстанций на метрополию, они уступили место теории нормативной силы. Конструктивисты, работающие в рамках этой теории, энергично приступили к решению проблемы интеракции. Внутри исследований нормативной силы можно выделить три направления, представители каждого из которых по-своему рассматривали этот главный вопрос. Теоретики наиболее динамично развивающегося третьего направления отмечают перспективы применения категории идентичности как профильного концепта для описания взаимодействия. При этом они прибегают к такой интерпретации данного термина, которая генеалогически отягощена наследием постмарксизма Ш. Муффа и Э. Лаклау. Однако подобная неограмшистская версия идентичности несовместима с классическими моделями «жизненного цикла» и базовой для нее школой социологического институционализма.

Сегодня исследования международных норм в конструктивизме находятся в точке бифуркации. Центральная для этой области знания концепция нормативной силы становится полем борьбы между двумя влиятельными «материнскими» теориями: постмарксизмом в союзе с постколониальными подходами, с одной стороны, и социологическим институционализмом — с другой. Выбор в пользу каждой из них скорее всего будет означать отказ от эпистемологических достижений второй в силу разности школ и моделей. По всей видимости, динамика развития конструктивистских исследований норм складывается в пользу инкорпорирования постмарксистской идентичности в нормативную теорию. Тем не менее у каждого выбора есть свои достоинства, недостатки и последствия. И в ходе дальнейшей сложной работы над созданием полноценной модели интеракции конструктивистам будет полезно помнить о том генеалогическом наследии, которое неотделимо от постмарксистской интерпретации идентичности.

---

1. *Бакалова Е.* Конструктивизм в исследовании международных норм защиты прав человека: От генезиса, признания и соблюдения к нарушению, оспариванию и эрозии // *Международ. процессы.* 2015. № 1(40). С. 48–67.

2. *Игумнова Л. О.* Критика нормативной силы Европы в России // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение.* 2014. С. 122–133.

3. *Павлова Е. Б., Романова Т. А.* Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС // *Полис. Полит. исслед.* 2017. № 1. С. 162–176.

4. *Павлова Е. Б.* Теория нормативной силы: случай Латинской Америки // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* 2014. № 1. С. 94–112.

5. *Acharya A.* How Ideas Spread: Whose Norms Matter? Norm Localization and Institutional Change in Asian Regionalism // *International organization.* 2004. № 2. P. 239–275.

6. *Bicchi F.* 'Our size fits all': normative power Europe and the Mediterranean // *Journal of European public policy.* 2006. № 2. P. 286–303.

7. *Chandler D.* Democratization in Bosnia: The Limits of Civil Society Building Strategies // *Democratization.* 1998. № 4. P. 78–102.

8. *Diez T.* Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering Normative Power Europe // *Millennium.* 2005. № 3. P. 613–636.

9. *Erthal Abdenur A.* Emerging powers as normative agents: Brazil and China within the UN development system // *Third World Quarterly*. 2014. № 10. P. 1876–1893.
10. *Finnemore M.* Constructing Norms of Humanitarian Intervention // *The Culture of National Security: Norms and identity in World Politics* / ed. by P. Katzenstein. N. Y., 1996.
11. *Finnemore M., Sikkink K.* International Norm Dynamics and Political Change // *International organization*. 1998. № 4. P. 887–917.
12. *Hamilton D. S.* The United States: A normative power? // *Who is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners* / ed. by N. Tocci. Brussels, 2008.
13. *Haukkala H.* The European Union as a regional normative hegemon: The case of European Neighbourhood Policy // *Europe-Asia Studies*. 2008. № 9. P. 1601–1622.
14. *Hyde-Price A.* 'Normative' power Europe: a realist critique // *Journal of European public policy*. 2006. № 2. P. 217–234.
15. *Keck M. E., Sikkink K.* *Activists beyond borders: Advocacy networks in international politics*. Ithaca, 2014.
16. *Laclau E., Mouffe C.* *Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics*. L., 2001.
17. *Levitt P., Merry S.* Vernacularization on the Ground: Local Uses of Global Women's Rights in Peru, China, India and the United States // *Global Networks*. 2009. № 4. P. 441–461.
18. *Loda C.* The European Union as a normative power: the case of Armenia // *East European Politics*. 2017. № 2. P. 275–290.
19. *Makarychev A. S.* Rebranding Russia: Norms, Politics and Power // *Who is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners* / ed. by N. Tocci. Brussels, 2008.
20. *Manners I.* Normative Power Europe: a Contradiction in Terms? // *JCMS: Journal of common market studies*. 2002. № 2. P. 235–258.
21. *Manners I.* Normative power Europe reconsidered: beyond the crossroads // *Journal of European public policy*. 2006. № 2. P. 182–199.
22. *Manners I.* Sociology of knowledge and production of normative power in the European Union's external actions // *Ibid.* 2015. № 2. P. 299–318.
23. *Meyer J. W., Rowan B.* Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // *American Journal of sociology*. 1977. № 2. P. 340–363.
24. *Meyer J. W.* World society and the nation-state // *Ibid.* 1997. № 1. P. 144–181.
25. *Moravcsik A.* Preferences and power in the European Community: a liberal intergovernmentalist approach // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 1993. № 4. P. 473–524.
26. *Pardo S.* *Normative power Europe meets Israel: perceptions and realities*. Lanham, 2015.
27. *Sandholtz W., Stiles K.* *International Norms and Cycles of Change*. N. Y., 2008.
28. *Schofer E., Hironaka A., Frank D. J., Longhofer W.* Sociological institutionalism and world society // *Political Sociology* / ed. by E. Amenta, K. Nash, A. Scott. Hoboken, 2012.
29. *Sjursen H.* What kind of power? // *Journal of European public policy*. 2006. № 2. P. 169–181.
30. *Spivak G. C.* Can the subaltern speak? // *Can the subaltern speak? Reflections on the history of an idea* / ed. by R. C. Morris. N. Y., 1988.
31. *Steinhilper E.* From “the Rest” to “the West”? Rights of Indigenous Peoples and the Western Bias in Norm Diffusion Research // *International Studies Review*. 2015. № 4. P. 536–555.
32. *Voloshin G.* *The European Union's normative power in Central Asia: promoting values and defending interests*. Basingstoke, 2014.
33. *Waltz K. N.* *Theory of international politics*. Boston, 1979.
34. *Wendt A.* Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics // *International organization*. 1992. № 2. P. 391–425.

Рукопись поступила в редакцию 9 июня 2019 г.

УДК 327(73) + 327(569.4) + 327.7 + 327.82

В. А. Кузьмин
Ю. В. Николаев

РЕШЕНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА ПО ПЕРЕНОСУ ПОСОЛЬСТВА США В ИЕРУСАЛИМ И РЕАКЦИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Авторами проанализированы публичные заявления официальных лиц, резолюции ООН по статусу Иерусалима, а также причины резкого шага США в ближневосточном вопросе в начале декабря 2017 г. Обозначена актуальность иерусалимской проблемы в современных международных отношениях. Представлен анализ событий со дня подписания постановления о переносе посольства США из Тель-Авива в Иерусалим. Главной целью статьи стал анализ вопроса по статусу города при опоре на широкий круг источников по арабо-израильскому противостоянию. В статье охарактеризованы позиции государств, образующих две противоположные точки зрения по вопросу о легитимности переноса посольства США и других стран в Иерусалим. Делается вывод о необходимости изменения сложившейся ситуации на Ближнем Востоке вокруг иерусалимской проблемы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: США, Иерусалим, ООН, Израиль, посольство, Палестина.

Палестино-израильский конфликт существует не одно десятилетие, дестабилизируя обстановку не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире. Рассматриваемая в настоящей статье проблема города Иерусалима, являющаяся частью конфликта, в наши дни стала особенно актуальной.

Проблема возникла с принятием решения Организацией Объединенных Наций о прекращении британского мандата на Палестину в ноябре 1947 г. и разделе ее на два государства — арабское и еврейское. Роль особой административной единицы, находящейся под управлением ООН, должен был получить Иерусалим. Советский дипломат О. Гриневский в своих воспоминаниях отметил, что при обсуждении в Кремле вопроса о предстоящем голосовании по резолюции о разделе Палестины в ООН «Сталин долго прохаживался по своему кабинету, попыхивая трубкой, и молчал. Затем сказал: “Мы проголосуем за это решение. Мира здесь больше не будет”» [13, 106].

Резолюция Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН № 181 от 29 ноября 1947 г. определяла город Иерусалим как «отдельную единицу со специальным международным режимом под управлением Организации Объединенных Наций» [30].

При одобрении резолюции о разделе Палестины на сессии ГА ООН 13 государств проголосовали «против», среди них были все независимые на момент голосования арабские государства, Греция, Куба, Турция, Индия. Среди тех, кто проголосовал «за», были СССР, США, государства Западной Европы, Латинской Америки. Некоторые страны воздержались, в частности Китайская Республика и Великобритания [16]. Упомянутая резолюция однозначно подтвердила признание международным сообществом права еврейского народа на свое государство на своей исторической родине, призвала к созданию двух

государств для двух народов — евреев и арабов. Израильские источники отмечают: «Сегодня она (резолюция ГА ООН. — *В. К., Ю. Н.*) считается основой Израиля, а также палестинского народа, отвергающего принципиальные для обеих сторон пункты... Отрицание права еврейского государства на существование по-прежнему остается основой конфликта между палестинцами и евреями на Ближнем Востоке» [16].

Акцентируя внимание на резолюции № 181, важно подчеркнуть, что на политическом уровне ее на сегодняшний день не соблюдает ни одна из сторон. После провозглашения независимости Израиля и в результате первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Иерусалим оказался поделенным на две части: западную стал контролировать Израиль, восточную — Иордания, «узаконившая в апреле 1950 г. Восточный Иерусалим в качестве своей второй столицы» [18]. Следует обратить внимание на то, что палестинцы, со своей стороны, никогда не протестовали против оккупации Иорданией Восточного Иерусалима. Если бы они стали возражать, палестинским арабам пришлось бы признать легитимность существования Израиля, согласно решению ООН. Целью Иордании и других арабских государств было в то время не создание суверенной и независимой Палестины на Западном берегу, а полное уничтожение Израиля.

Палестина последовательно отстаивает свое право на столицу в Восточном Иерусалиме. Организация освобождения Палестины долгие десятилетия не признавала резолюцию ГА ООН № 181 от 1947 г., предлагавшую специальный режим в Иерусалиме, а также раздел некогда британской мандатной территории Палестины на арабскую и еврейскую. Лишь в Декларации независимости Палестины от 1988 г. упоминается факт, что ООП поддерживает резолюцию № 181, хотя и не заявляет прямо о признании непосредственно самой резолюции [63].

Израиль провозгласил 23 января 1950 г. Иерусалим своей столицей [4], переводя часть правительственных учреждений в Иерусалим из Тель-Авива. При этом следует подчеркнуть, что с момента провозглашения Иерусалима столицей Израиля вплоть до окончания арабо-израильской войны 1967 г. данный статус распространялся только на западную часть города; лишь после обретения Израилем контроля над Восточным Иерусалимом и принятия кнессетом в июле 1980 г. «Основного закона» весь Иерусалим был провозглашен «единой и неделимой столицей» страны.

Со своей стороны власти арабской Палестины считают Восточный Иерусалим, согласно Декларации независимости Палестины, принятой 15 ноября 1988 г., столицей своего государства. Однако никаких палестинских правительственных учреждений в Иерусалиме по вполне понятным причинам нет (в настоящее время они располагаются в Рамалле. — *В. К., Ю. Н.*) [14]. Таким образом, если основываться на реалиях прошлого, следует заметить, что в течение сорока лет, начиная с 1948 г. до принятия Декларации независимости, палестинцы не считали Восточный Иерусалим столицей своего государства. Стоит подчеркнуть, что продолжающееся строительство израильских поселений на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме остается главным раздражителем в отношениях между Палестинской национальной администрацией (ПНА) и Израилем [4].

Шестидневная война Израиля с арабскими соседями в июне 1967 г. привела к оккупации его вооруженными силами территорий Западного берега реки Иордан и всего Восточного Иерусалима. Принятые впоследствии резолюции Совета Безопасности ООН № 242 от 22 ноября 1967 г., № 338 от 22 октября 1973 г., № 478 от 20 августа 1980 г. отметили неправомерность решений и действий, принятых Израилем в отношении Иерусалима. В этих документах указывается на «недопустимость приобретения территорий путем войны, необходимость добиваться справедливого и прочного мира, что представляет собой основные задачи для враждующих субъектов», зафиксирован «отказ поддержать принятый в Израиле “Закон о Иерусалиме” 1980 г., нацеленный на трансформацию принятых резолюций» [31, 32]. В опубликованной брошюре ООН по истории арабо-израильского конфликта, выпущенной в 2008 г., подчеркивается: «Предпринятые Израилем законодательные и административные меры и действия, в том числе экспроприация земли и находящегося на ней имущества, ведущие к изменению правового статуса Иерусалима, недействительны» [4].

Важно подчеркнуть значение резолюции Совета Безопасности ООН № 478 от 20 августа 1980 г. Ни одна страна при голосовании не выступила «против». Тем не менее делегация США «воздержалась». Данная резолюция ««порицает» Израиль за принятие 30 июля 1980 г. “Основного закона” о столичном статусе всего Иерусалима и призывает все государства вывести свои диппредставительства из города» [31].

Идея переноса посольств иностранных государств, имеющих дипломатические отношения с Израилем, в Иерусалим, не нова. Следует отметить, что в 1959 г. в Иерусалиме было открыто посольство Гватемалы. Но в 1985 г. Гватемала перевела его в Тель-Авив [25]. В начале 1980-х гг. в Иерусалиме были открыты посольства Коста-Рики и Сальвадора (взамен расположенных ранее в Тель-Авиве) [26], однако после Второй ливанской войны в 2006 г. обе латиноамериканские страны перенесли обратно свои посольства в Тель-Авив [27].

Еще в 1981 г. наследный принц Саудовской Аравии Фахд ибн Абдул-Азиз Аль Сауд выдвинул инициативу: арабские страны признают легитимность существования Израиля при выполнении им ряда условий (уход Израиля со всех территорий, оккупированных в 1967 г., включая Восточный Иерусалим; ликвидация на них еврейских поселений; создание независимого палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме и др.). Однако Израиль не устраивали эти условия, кроме того, на встрече глав арабских стран в марокканском Фесе план Эр-Рияда был отвергнут. Лидеры арабских стран посчитали, что план саудитов означает молчаливое признание Израиля без какого-либо упоминания о роли Организации освобождения Палестины [9].

В 2002 г. на общеарабском саммите в Бейруте по предложению Саудовской Аравии была выдвинута новая «Арабская мирная инициатива», предполагавшая уход Израиля со всех оккупированных в 1967 г. территорий, признание Израилем палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме, а также решение проблемы палестинских беженцев, опираясь на резолюцию № 194 ГА ООН. Данную инициативу поддержали все члены Лиги арабских государств (ЛАГ).

Главы арабских стран подчеркнули, что в случае согласия Израиля с «Арабской мирной инициативой» они будут считать арабо-израильский конфликт исчерпанным, более того, установят с Израилем мирные отношения. Израиль, заявив, что приветствует шаги в деле установления отношений с арабскими странами, выступил против серьезных изменений собственных границ, а также отказался обсуждать предложения о статусе Иерусалима [1].

В 2004 г. на 10-й чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН было принято решение о том, что «все палестинцы... являются носителями права на суверенитет над Восточным Иерусалимом» (резолюция 58/292 ГА ООН от 6 мая 2004 г.) [38, 29]. Однако в целом все принятые Советом Безопасности и ГА ООН резолюции никак не помогли решению вопроса о статусе спорного города, ряд экспертов отмечают, что они изначально оказались недействующими. В частности, в работе «Дипломатическая битва за Иерусалим» современные исследователи ближневосточных проблем отмечают: «В период с 1967 г. и вплоть до 2002 г. ООН приняла ряд резолюций, затрагивающих проблему Иерусалима. Все резолюции не только не способствовали прояснению ситуации с юридическим статусом города, но противоречили как друг другу, так и ранее принятым документам... Историческая справедливость требует признать, что мировое сообщество несет значительную долю ответственности за ситуацию, которая в течение многих десятилетий создавалась вокруг статуса Иерусалима» [17, 404–405].

После смены власти в Белом доме в 2017 г. произошла переориентировка США в ближневосточной политике, одним из проявлений которой стало подписание новым президентом США Д. Трампом 6 декабря 2017 г. указа о переносе американского посольства из Тель-Авива в Иерусалим. Глава Белого дома объяснил данный шаг словами: «Принять реальность, какая она есть». Он опубликовал в своем аккаунте в Twitter видео, в котором назвал Иерусалим «не только сердцем трех великих религий, но теперь и сердцем одной из самых успешных демократий мира» [55].

Американские власти предыдущих лет регулярно подчеркивали правильность переноса посольства в Иерусалим. Еще в 1995 г. в США был принят «Jerusalem Embassy Act», в котором сказано: «Город Иерусалим с 1950 г. является столицей Государства Израиль. Перевод посольства США в Иерусалим должен состояться не позже, чем в 1999 г. Соединенные Штаты проводят официальные бизнес-кампании в городе Иерусалиме, де-факто признавая за ним статус столицы Израиля. Иерусалим должен быть признан столицей Государства Израиль» [60]. Однако для того, чтобы избежать обострения ситуации на Ближнем Востоке, президенты Б. Клинтон, Дж. Буш (младший) и Б. Обама многократно откладывали реализацию данного закона, о чем они регулярно, каждые полгода, подписывая постановление о пролонгации, уведомляли американский Конгресс. Летом 2017 г. Трамп также в очередной раз отложил выполнение данного закона, хотя в ходе избирательной кампании заявлял о важности решения вопроса о переносе американского диппредставительства [38].

Приветствуя решение Д. Трампа перенести посольство США в Иерусалим, премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху заявил: «Стремящимся к миру странам

нужно последовать примеру США, переведя заграничные миссии в Иерусалим» [52]. Глава кабинета министров подчеркнул: «Решение президента Трампа перенести посольство США в Иерусалим в приближающийся День независимости Израиля следует его исторической декабрьской декларации о признании Иерусалима столицей Израиля, это решение превратит 70-й День независимости Израиля в великое дело» [20].

После решения Д. Трампа о переносе американского посольства в Иерусалим по всему миру поднялась волна, осуждающая американскую политику. Правительства разных стран стали выдвигать требования об отказе от этого одностороннего шага, призвали США к согласованию своих позиций по вопросу о принадлежности Восточного Иерусалима. В поддержку Палестины высказались все арабские государства, Турция, Иран, ЕС, многие другие страны, различные политические организации. Палестина получила поддержку со стороны большого количества стран, выступивших за законность и силу достигнутых многие десятилетия назад договоренностей по вопросам урегулирования палестино-израильских отношений.

Незадолго до оглашения решения американского президента, в первые дни декабря, министр иностранных дел Иордании на встрече с госсекретарем США Р. Тиллерсоном заявил: «Решение Белого дома может вызвать гнев среди арабских и мусульманских государств, усилить напряженность и поставить под угрозу мирный процесс» [47]. После того как 6 декабря 2017 г. хозяин Белого дома распорядился перенести посольство США в Иерусалим, министр иностранных дел Иордании А. Сафади написал на своей странице в Twitter: «Признание США Иерусалима в качестве столицы Израиля нарушает международное право, статус Священного города, который должен быть определен в ходе прямых переговоров между двумя сторонами. Сейчас необходимо сосредоточить внимание на реализации решения о создании двух государств со столицей Палестины в Восточном Иерусалиме» [48]. Он подчеркнул, что «только через создание палестинского государства с Восточным Иерусалимом в качестве его столицы регион будет иметь мир и стабильность. Экстремизм процветает, используя несправедливость. Лишение палестинцев справедливости, прав на свободу и Иерусалим являются первопричиной нестабильности» [49]. По итогам переговоров с представителем ЕС по внешней политике Ф. Могерини иорданский министр приветствовал роль и значение стран-членов ЕС в вопросе об Иерусалиме, отметив их «мудрую, взвешенную позицию в поддержку образования двух государств — двух столиц по линии 1967 г.» [50].

Позицию арабских стран достаточно ясно выразил эксперт эмиратского (ОАЭ. — В. К., Ю. Н.) центра современных исследований «Аль-Мустакбаль» Шади Абдель Вахаб, который прокомментировал решение президента Трампа следующим образом: «Это решение на руку экстремистским силам в исламском мире, которые смогут ссылаться на него в своей пропаганде и настаивать на насилии как единственном способе решения проблемы. Как в палестинской среде, так и во всем мусульманском мире... оно негативно воспринимается при отсутствии какого-либо плана по возобновлению мирного процесса со стороны США... Палестинская

проблема по-прежнему остается самой главной для арабских лидеров, поэтому они будут искать все возможные способы донести свою точку зрения, более того, предпримут все усилия, в частности по линии региональных и международных организаций, чтобы оказать давление на Израиль и США и воспрепятствовать исполнению этого решения, которое идет вразрез с резолюциями ООН» [45].

12 декабря 2017 г. парламентарии Ирана призвали «мусульманские страны как можно скорее разорвать дипломатические отношения с сионистским режимом, свести к минимуму экономические связи с США» [59]. В заявлении утверждалось, что «США своим решением вбили последний гвоздь в гроб так называемого мирного процесса на Ближнем Востоке», более того, Исламская Республика выразила готовность молниеносно поддержать палестинское восстание на территориях, оккупированных Израилем, чтобы «в период кризиса защитить права палестинского народа» [Там же].

Палестинское исламистское движение ХАМАС незамедлительно заявило о готовности к продолжению «Дня гнева», начав третью интифаду против Израиля в ответ на решение президента Д. Трампа. «Она (Интифада. — В. К., Ю. Н.) не прекратится вплоть до освобождения Иерусалима и Западного берега», — говорилось в заявлении ХАМАС [51].

Созванный по инициативе президента Турции Р. Т. Эрдогана в Стамбуле саммит Организации Исламского Сотрудничества (ОИС) выразил свое несогласие с решением президента США. Присутствовавший на саммите в качестве гостя президент Венесуэлы Н. Мадуро отметил, что «стоит прекратить нарушения и провокации со стороны Запада. Движение неприсоединения подтверждает свою готовность содействовать достижению справедливого, прочного и мирного решения ситуации в Палестине в привязке к международному праву. Это (решение Д. Трампа. — В. К., Ю. Н.) односторонняя и экстремистская акция, направленная против народа Палестины» [54]. Представители стран-членов ОИС заявили на саммите, что «США теряют статус посредника в урегулировании ближневосточного конфликта». Организация незамедлительно признала столицей Палестины Восточный Иерусалим, более того, порекомендовала всем государствам «признать государство Палестина и Восточный Иерусалим как его оккупированную столицу» [58]; определенного ответа, однако, от мирового сообщества не последовало.

15 декабря 2017 г. на заседании государств-членов ЕС была выражена «решительная поддержка принципу существования двух государств», было также заявлено о «значимости старой позиции по Иерусалиму» и подчеркнуто, что «этот взгляд не изменился после решения администрации США о переносе туда американского посольства» [62].

Министр иностранных дел Великобритании Б. Джонсон в ответе на вопрос о будущем британского посольства заметил: «Переноса посольства не произойдет, у нас нет такого намерения. Мы всегда верили, что решение такого рода может быть только по принципу “два государства — две столицы”» [53].

18 декабря 2017 г., перед проведением чрезвычайного заседания Совета Безопасности ООН, президент Турции Р. Т. Эрдоган заявил: «...Трамп провозгласил

Иерусалим столицей Израиля с сионистским пониманием и логикой: «Я сделал это, и точка». Турция уже признала Восточный Иерусалим столицей палестинского государства, но мы не можем открыть там свое посольство, потому что Иерусалим в настоящее время находится под оккупацией. Но с божьей помощью мы откроем» [42].

При обсуждении в СБ ООН вопроса о признании Соединенными Штатами Иерусалима столицей Израиля состоялось голосование по проекту резолюции, предложенному Египтом от имени «арабской группы». Проект признавал не имеющими законной силы все решения и действия, направленные на изменение облика, статуса и демографического состава Иерусалима, призывал все государства воздерживаться от открытия в этом городе дипломатических представительств, апеллируя к резолюции СБ ООН № 478 от 1980 г. [11]. Однако проект резолюции не был принят, так как США, обладая правом вето, проголосовали против, хотя другие члены Совбеза проголосовали за него [21]. Постпред США при ООН Н. Хейли объяснила это решение тем, что «США вправе самостоятельно выбирать, где размещать свое посольство, более того, считают данный проект резолюции оскорбительным» [39].

Представитель Палестины в ООН Р. Мансур в своем заявлении подчеркнул: «С этим вето США упустили возможность исправить свое незаконное решение по Иерусалиму и оставили за собой исторический грех. Мы вновь подтверждаем, что это решение США не будет иметь никакого правового эффекта, который смог бы изменить характер и статус Иерусалима. Резолюция скажется на статусе США как мирного брокера, говорит об их предвзятости, подрывает их роль в любом дальнейшем мирном процессе» [24].

Полпред Палестины в ООН внес предложение провести экстренное заседание сессии Генеральной Ассамблеи ООН по формуле «Единство в пользу мира», заявив, что «Генассамблея может рекомендовать членам ООН принять коллективные меры для поддержания международного мира и безопасности. Надеюсь, что документ получит поддержку подавляющего числа членов Организации. Это будет означать, что Генассамблея, не опасаясь вето, заявит, что международное сообщество отказывается принять позицию США, нарушение международного права и резолюций СБ ООН» [23].

В свою очередь, советник лидера Палестины М. Аббаса Н. Шаат заявил: «В период кризиса по статусу Иерусалима требуется пересмотреть политику Осло 1993–1994 гг.»; он добавил, что «соглашения в Осло Израилем не выполняются, и его политика противоречит безопасности и миру, особенно по вопросу Иерусалима» [22].

Позицию осуждения политики США заняла и Россия. По завершении заседания СБ ООН 18 декабря представитель российского МИД заявил: «Важно делать все, дабы вернуться в конструктивное русло... Вызывает печаль, что США, заявляющие о себе в качестве ключевого посредника в палестино-израильском конфликте, уже не в первый раз демонстрируют свои подходы, идущие наперекор воле международного сообщества» [15]. Представитель России при ООН В. А. Небензя подчеркнул: «Выход из сложившейся ситуации Россия видит

в скорейшем возобновлении прямого израильско-палестинского диалога по всем вопросам, включая статус Иерусалима... Россия продолжит оказывать содействие по разблокированию ближневосточного мирного процесса» [5]. «Решение (Белого дома. — В. К., Ю. Н.), на наш взгляд, несвоевременное, — сказал в завершение постпред России, — оно не способствует прогрессу на треке палестино-израильского урегулирования, которое является ключом к решению проблем на Ближнем Востоке... палестинцы считают, что их предали. Они больше не верят, что американцы способны предложить какой-то план, эту “сделку века”» [19].

Позиция России по статусу Иерусалима была выражена в комментарии Посольства РФ в Израиле от 7 декабря 2017 г. «Перенос нами (Россией. — В. К., Ю. Н.) посольства в Западный Иерусалим в качестве столицы Израиля — верный, более того, он произойдет в случае отхода Восточного в ранге столицы к Палестине» [33] (обе части города признаны Россией столицами 6 апреля 2017 г. [38]. — В. К., Ю. Н.).

21 декабря 2017 г. на сессии ГА ООН слова Р. Мансура воплотились в реальность: была принята резолюция в ответ на решение США по признанию Иерусалима столицей Израиля. Документ поддержали 128 стран-членов ООН, только девять государств не согласились с ним: Гватемала, Гондурас, Израиль, США, Маршалловы острова, Микронезия, Науру, Палау и Того, 35 воздержались, еще 20 государств не высказали свою позицию, не приняв участия в голосовании [6]. Текст резолюции был составлен по схеме ранее не принятого Советом Безопасности документа. Резолюция не упоминает США, однако выражает «глубокое сожаление по поводу выдвинутых решений, касающихся правового статуса Иерусалима», в ней подчеркнута незыблемость статус-кво и демографического состава Иерусалима. Генеральная Ассамблея ООН призвала все государства придерживаться достигнутых в прошлом веке принципов, «воздерживаться от открытия дипломатических представительств в священном городе Иерусалиме» (резолюция № 478 от 20 августа 1980 г.), «не признавать никаких действий или мер, которые идут вразрез с резолюциями СБ ООН № 242 от 22 ноября 1967 г., № 338 от 22 октября 1973 г., также резолюциями ГА 72/15 от 30 ноября 2017 года, принятыми в ООН» [28].

Накануне заседания Генассамблеи ООН Д. Трамп заявил: «Соединенные Штаты Америки непременно сократят материальную помощь тем государствам, которые поддержат резолюцию по статусу Иерусалима». Во время заседания постпред США Н. Хейли сделала заявление о том, что «ООН всегда была настроена отрицательно, даже враждебно по отношению к Израилю», отметив, что именно США являются основным спонсором ООН, она пригрозила сокращением финансирования ее аппарата [2].

Через день после принятия ГА ООН резолюции по Иерусалиму представитель МИД Китая Ван И заявил: «Вопрос о создании Палестинского государства, который остается нерешенным десятилетиями, является исторической трагедией, которая не может дальше продолжаться... мы исходим из того, что у палестинского народа есть законное право на создание своего государства, это также является и общим чаянием всего международного сообщества... Уже прошло 70 лет с тех пор, как ООН приняла решение по этому вопросу, однако мечта Палестины о создании

своего государства так и не осуществилась. Китай выступает за создание независимого суверенного Палестинского государства в рамках, определенных СБ ООН в 1967 г. границ» [67]. Ван И подчеркнул: «Международному сообществу следует совместно изучить ситуацию по содействию миру для обеспечения гарантий палестино-израильских мирных переговоров. В частности, стороны, которые оказывают большое влияние на Ближний Восток, должны играть конструктивную роль, делать больше вещей, способствующих миру на Ближнем Востоке, и соответствовать общим чаяниям международного сообщества» [66].

Папа Римский в общении с президентом Турции Р. Т. Эрдоганом высказался в пользу нейтрального статуса Иерусалима, так как этот город является священным для трех мировых религий и играет ключевую роль для стабильности региона. Он отметил необходимость совместных усилий для сохранения незыблемости границ, вывода любых правительственных учреждений из Иерусалима [65].

Важно отметить, что не только США задумались о переносе своих дипломатических представительств в Иерусалим. В конце декабря 2017 г. Ц. Хотовели, заместитель министра иностранных дел Израиля, заявила, что «о переносе посольств переговоры ведутся с десятком других стран, помимо США». Она подчеркнула, что «некоторые из этих стран — государства европейские» [36].

25 декабря 2017 г. вслед за США президент Гватемалы Д. Моралес сообщил о переносе гватемальского посольства в Иерусалим. Он упомянул о состоявшемся разговоре с премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху, в ходе которого стороны обсудили «прекрасные отношения между двумя странами со дня основания израильского государства». Президент Гватемалы информировал граждан своей страны о том, что указания по переносу посольства уже были им отданы [61].

Президент Боливии Э. Моралес, комментируя позицию Гватемалы, подчеркнул, что «это полнейшее издевательство над международным сообществом, правительство Гватемалы не признает резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН и решает перенести свое посольство в Иерусалим. Мы сожалеем, что некоторые правительства продают свое достоинство империи, чтобы не потерять крохи помощи от Агентства США по международному развитию» [57].

Пытаясь объяснить позицию тех стран, которые воздержались при голосовании 21 декабря 2017 г., министр иностранных дел Филиппин А. Каetano заявил: «Всем нашим друзьям на Ближнем Востоке мы четко сказали, что (в Маниле. — В. К., Ю. Н.) никаких обсуждений или мер по переносу посольства из Тель-Авива в Иерусалим не было, принцип двух государств для двух народов остается в силе. Однако мы не хотим, чтобы другая страна говорила нам, где мы можем или не можем размещать свое посольство, поэтому мы не в праве осуждать США» [64].

2 января 2018 г. Д. Трамп, оправдывая свое решение, написал в Twitter: «Мы платим палестинцам сотни миллионов долларов в год, не получая взамен ни признания, ни уважения. Они даже не хотят вести переговоры о давно просроченном мирном договоре с Израилем. Иерусалим, будучи одним из сложнейших вопросов, с обсуждений снят, однако Израилю за это еще придется заплатить. Но если палестинцы больше не хотят вести переговоры о мире, в чем же смысл тогда продолжать им платить огромные суммы в будущем?» [56].

В тот же день лидер Палестины М. Аббас заявил, что «решение президента США Д. Трампа о признании Иерусалима столицей Израиля и принятие Кнессетом постановления о единой столице равнозначно объявлению войны в отношении народа Палестины; у решения Д. Трампа нет легитимности, и нет легитимности у всех решений израильского Кнессета... и мы ни в коем случае не позволим осуществиться таким планам, опасным для будущего региона» [46]. Палестинский политик подчеркнул: «Иерусалим и его святыни не могут быть предметом торговли и обмена на золото или серебро» [Там же].

В соответствии с ранее принятым решением американская администрация 14 мая 2018 г., в дни празднования 70-летия образования Израиля, официально открыла посольство США в западной части города на территории американского консульства. Было объявлено, что там оно будет располагаться до тех пор, пока не будет построено новое здание посольства США. Важно подчеркнуть, что комплекс консульства (а ныне посольства. — В. К., Ю. Н.) США располагается в непосредственной близости от демаркационной линии, разделяющей Иерусалим на две части [14].

16 мая 2018 г. в юго-западной части Иерусалима было открыто посольство Гватемалы, в церемонии открытия участвовал президент этой страны Д. Моралес, прибывший с визитом в Израиль [3].

Через несколько дней после Дня независимости Израиля президент Парагвая О. Кортес открыл посольство своей страны в Иерусалиме [41], разместившееся по соседству с представительством Гватемалы. Таким образом, за двухнедельный срок три государства перенесли свои посольства в Иерусалим. Однако 6 сентября, после избрания нового президента М. Бенитеса, было сообщено, что Парагвай в оперативном порядке переводит посольство из Иерусалима в Тель-Авив [8].

29 мая 2018 г. Чехия, имеющая дружеские отношения с Израилем, официально открыла почетное консульство в Иерусалиме. Израиль поспешил отметить, что еще некоторые страны в доверительной обстановке заявили о желании перенести свои посольства в Иерусалим, при этом представители Израиля не говорят открыто, о каких странах идет речь [43].

В начале апреля 2019 г. Румыния анонсировала перевод своего посольства из Тель-Авива в Иерусалим, назвав последний столицей Израиля [34]. Затем Гондурас открыл в Иерусалиме торговое представительство как часть своего посольства, которое пока что остается на прежнем месте, отметив, что «открытие торгпредства в столице Израиля послужит шагом в деле укрепления дружеских, партнерских отношений» [7]. Одновременно Бразилия открыла свое отделение посольства в Иерусалиме. О переносе диппредставительства речи пока не было [37].

На Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) странами-участницами была принята Декларация от 15 июня 2019 г., которую Израиль отверг в связи с несогласием касательно определенных пунктов [10]. Израиль выступил против позиции стран-членов Совещания относительно «невозможности одностороннего решения, которое могло бы привести к изменению статус-кво священного города Иерусалим», что априори противоречит его

давней цели — созданию «единой и неделимой столицы», более того, Израиль отверг создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия [12].

Следует обратить внимание на то, что волна недовольства в связи с действиями администрации Д. Трампа постепенно и незаметно затихла, правительства и общественность многих стран устремили свое внимание на решение других, не менее важных проблем, а вопрос о статусе Иерусалима в мировой повестке дня снова отошел на второй план.

Однако последствия признания Иерусалима со стороны США столицей Израиля могут неизбежно сказаться на дальнейшем урегулировании ближневосточных проблем, а также на отношениях между основными посредниками в разрешении арабо-израильского конфликта. По резолюции от 1947 г., определявшей Иерусалим как «отдельную единицу», он не должен был принадлежать ни Арабскому государству, ни Израилю. Утверждение каждой из сторон конфликта о стремлении «вернуть его себе» неконструктивно. Размещение дипмиссий каких-либо государств в Иерусалиме повлечет ухудшение ситуации и новый кризис. Отсутствие последовательного плана решения арабо-израильского конфликта, а также некорректность в формулировках резолюций, принятых ООН, не позволяют разрешить существующий десятилетиями конфликт. Перенос посольства США в Иерусалим со всей очевидностью продемонстрировал отсутствие у действующей американской администрации какого-либо внятного плана, приемлемого как для израильской, так и для палестинской стороны.

Понимая, что США должны как-то сбалансировать сложившуюся ситуацию, администрация Белого дома 22 июня 2019 г. внесла на рассмотрение арабских стран свой план по развитию Палестины, названный «Мир и процветание». План предполагает привлечение в палестинскую экономику более 50 млрд долл., снижение уровня безработицы, основной акцент в плане сделан на совершенствовании инфраструктуры и развитии торговли [40]. Израиль заявил о своей готовности выслушать «честно и открыто» предложения США, в то время как Палестина сразу отвергла данный план по экономической помощи. Движение ФАТХ назвало этот план «взяткой палестинскому народу, основанной на арабских деньгах» [35], а власти Палестины заявили, что «США представляют противоположную конфликтующую сторону и относятся к Палестине предвзято». Руководство Палестины призвало арабские страны не вступать в дискуссию по данному вопросу и бойкотировало обсуждение палестинской проблемы на саммите арабских стран в Бахрейне [44].

Подводя итог, следует сказать, что вопрос о статусе Иерусалима на сегодняшний день продолжает оставаться одним из важнейших компонентов палестино-израильского противостояния. Каждая попытка пересмотреть международно-политическое положение Иерусалима завершается эскалацией конфликта. Одной из таких попыток стало решение администрации Белого дома перенести посольство США в Иерусалим, оно нанесло серьезный удар по перспективам возобновления или продолжения диалога между Израилем и ПНА.

Мировое сообщество разделилось на два лагеря: в первый вошли те немногие страны, которые поддержали инициативу американского президента и тоже

перенесли свои диппредставительства в Иерусалим, во второй — большинство государств, категорично настроенных против иерусалимской политики американского президента. Политика Трампа вызвала волну критики и одновременно поставила новые вопросы. По мнению противников Израиля, США «потеряли» статус арбитра и медиатора в мирном решении конфликта между Израилем и Палестиной, демонстрируя свою приверженность только одной из сторон.

Среди тех вопросов, на которые администрация Трампа так и не дала ясного ответа, остался вопрос, признают ли США столицей Израиля только Западный Иерусалим или они разделяют позицию Израиля по Иерусалиму как «единой и неделимой столице». Только будущее принесет нам ответ на этот вопрос.

1. Арабская мирная инициатива представляет для Израиля шанс — Солана // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20070523/65995251.html> (дата обращения: 24.06.2019).
2. Атасуңцев А., Басисину А. Генассамблея ООН отказалась признать Иерусалим столицей Израиля // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/12/2017/5a3bcabe9a7947b28e0ea9a2> (дата обращения: 05.03.2018).
3. В Иерусалиме открылось посольство Гватемалы // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5204201> (дата обращения: 17.05.2018).
4. Вопрос о Палестине и Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: [официальный сайт]. URL: <http://www.un.org/ru/peace/palestine/questionofpalestine.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).
5. Выступление Постоянного представителя России при ООН В. А. Небензи на заседании Совета Безопасности по Ближнему Востоку [Электронный ресурс] // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН : [официальный сайт]. URL: <http://russiaun.ru/ru/news/bvu250118> (дата обращения: 11.02.2018).
6. Генассамблея ООН приняла резолюцию против признания Иерусалима столицей Израиля // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4833212> (дата обращения: 09.02.2018).
7. Глава Гондураса анонсировал открытие торгпредства в Иерусалиме // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190325/1552072743.html> (дата обращения: 17.06.2019).
8. Глава МИД Палестины убедил руководство Парагвая вернуть посольство в Тель-Авив // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5528271> (дата обращения: 07.09.2018).
9. Государство Израиль. Израиль и арабский мир // Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://eleven.co.il/state-of-israel/arab-israeli-conflict/11739/> (дата обращения: 24.06.2019).
10. Декларация пятого саммита Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии Общее видение безопасного и более процветающего региона СВМДА [Электронный ресурс] // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5423> (дата обращения: 21.06.2019).
11. Египет: проект резолюции от 18 декабря 2017 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/448/88/PDF/N1744888.pdf?OpenElement> (дата обращения: 06.02.2018).
12. Израиль отказался поддержать три пункта декларации на саммите в Душанбе // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/06/15/804248-izrail> (дата обращения: 21.06.2019).
13. История международных отношений : в 3 т. Т. 3 : Ялтинско-Потсдамская система / Ю. А. Дубинин, Б. Ф. Мартынов, М. М. Наринский, Т. В. Юрьева. 2-е изд., испр. М., 2017.

14. История переноса посольства США из Тель-Авива в Иерусалим: Досье // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/info/5197661> (дата обращения: 17.05.2018).

15. Комментарий Департамента информации и печати МИД России о заветированном США проекте резолюции Совета Безопасности ООН по Иерусалиму [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2996544 (дата обращения: 08.02.2018).

16. 1947–2017 — К семидесятилетию принятия резолюции ООН 181 о создании Еврейского государства [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Израиля на русском : [официальный сайт]. URL: <http://mfa.gov.il/MFARUS/AboutIsrael/History/Pages/1947-2017--70-years-since-UN-Resolution-181-opening-the-path-for-Jewish-State.aspx> (дата обращения: 17.04.2018).

17. Меламедов Г. А., Этштейн А. Д. Дипломатическая битва за Иерусалим: Закулисная история. М., 2008.

18. Местонахождение нового Посольства США в Израиле: факты и интерпретации // ГОЛОС АМЕРИКИ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/cn-us-israel-embassy-site-muted-reaction/4393578.html> (дата обращения: 21.05.2018).

19. Небензя: решение США о признании Иерусалима столицей Израиля несвоевременно // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20180210/1514362927.html> (дата обращения: 11.02.2018).

20. Нетаньяху приветствовал решение США о переносе американского посольства в Иерусалим в мае // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4984548> (дата обращения: 17.03.2018).

21. Официальный отчет о заседании 8139 СБ ООН от 18 декабря 2017 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных наций : [официальный сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N17/446/61/PDF/N1744661.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.02.2018).

22. Палестина выступает за пересмотр соглашения с Израилем, заключенного в Осло // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20171219/1511280501.html> (дата обращения: 08.02.2018).

23. Палестина запросила проведение специальной сессии ГА ООН по Иерусалиму // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20171219/1511218750.html> (дата обращения: 08.02.2018).

24. Палестина назвала вето США в Совбезе ООН «историческим грехом» // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20171218/1511216088.html?injj=1> (дата обращения: 07.02.2018).

25. Попытка номер два: посольство Гватемалы переехало в Иерусалим // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20180516/1520672219.html> (дата обращения: 19.05.2018).

26. Посольство Гватемалы в Израиле переехало в Иерусалим // Региональный общественный благотворительный фонд горских евреев [Электронный ресурс]. URL: <https://stmegi.com/posts/58249/posolstvo-gvatemaly-v-izraile-pereekhhalo-v-ierusalim/> (дата обращения: 20.05.2018).

27. Посольство Сальвадора будет перенесено из Иерусалима в Тель-Авив // NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/world/25aug2006/salva_dorr.html (дата обращения: 20.05.2018).

28. Резолюция ГА ООН от 21 декабря 2017 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных наций : [официальный сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/462/03/PDF/N1746203.pdf?OpenElement> (дата обращения: 09.02.2018).

29. Резолюция ГА ООН № 58/292 от 6 мая 2004 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/512/06/PDF/N0351206.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.06.2018).

30. Резолюция ГА ООН от 29 ноября 1947 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/040/42/IMG/NR004042.pdf?OpenElement> (дата обращения: 05.03.2018).
31. Резолюция СБ ООН №478 от 20 августа 1980 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/400/17/IMG/NR040017.pdf?OpenElement> (дата обращения: 05.03.2018).
32. Резолюция СБ ООН №242 от 22 ноября 1967 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных наций : [официальный сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/241/18/IMG/NR024118.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.05.2018).
33. Россия задумалась о переносе посольства в Израиле в Иерусалим [Электронный ресурс] // Посольство РФ в Израиле. (2017) Запись в Facebook: 7 декабря в 15:22. URL: <https://www.facebook.com/RusEmbassyIsr/photos/a.1148937301788056.1073741829.1038058226209298/1960081860673592/?type=3&permPage=1> (дата обращения: 20.05.2018).
34. Румыния объявила о переносе посольства в Израиле в Иерусалим // Deutsche Welle [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/румыния-объявила-о-переносе-посольства-в-израиле-в-иерусалим/a-48045511> (дата обращения: 17.06.2019).
35. «Сделку века» назвали взяткой // Lenta.Ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2019/06/24/fatah/> (дата обращения: 25.06.2019).
36. *Синицын В.* В Израиле заявили, что 10 стран готовы переместить посольства в Иерусалим вслед за США // ЗВЕЗДА [Электронный ресурс]. — 2017. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201712260246-2b44.htm (дата обращения: 07.03.2018).
37. СМИ: Бразилия откроет в Иерусалиме дипломатический офис как отделение своего посольства // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6279433> (дата обращения: 17.06.2019).
38. Статус Иерусалима: Досе // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/info/4789725> (дата обращения: 11.03.2018).
39. США заблокировали в СБ ООН египетский проект резолюции по Иерусалиму // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/world/592364> (дата обращения: 05.03.2018).
40. США обнародовали план по «процветанию» Палестины // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190622/1555822707.html> (дата обращения: 22.06.2019).
41. Третий не лишний: в Иерусалиме торжественно открыли посольство Парагвая в Израиле // 9 Канал [Электронный ресурс]. URL: <http://9tv.co.il/news/2018/05/21/257794.html> (дата обращения: 22.05.2018).
42. Турция намерена открыть посольство в Палестине в Восточном Иерусалиме // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20171217/1511133752.html> (дата обращения: 06.02.2018).
43. Чехия открыла почетное консульство в Иерусалиме // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20180529/1521639032.html> (дата обращения: 05.06.2018).
44. Экономист об американской «сделке века» по Палестине: фантик без начинки // Радио Sputnik [Электронный ресурс]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20190624/1555847360.html> (дата обращения: 25.06.2019).
45. Эксперт оценил последствия переноса посольства США в Иерусалим // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20171206/1510351907.html> (дата обращения: 02.02.2018).
46. Abu Rudeineh: US and Israeli decisions on Jerusalem a declaration of war [Electronic resource] // WAFA. URL: <http://english.wafa.ps/page.aspx?id=MBnz42a95885307738aMBnz42> (accessed: 11.02.2018).
47. Ayman Safadi [Electronic resource]. (2017) Post on Twitter: December 3 at 03:02 p.m. URL: <https://twitter.com/AymanHsafadi/status/937456932394323968> (accessed: 31.01.2018).

48. Ayman Safadi [Electronic resource]. (2017) Post on Twitter: December 6 at 12:13 p.m. URL: <https://twitter.com/AymanHsafadi/status/938501671340126209> (accessed: 31.01.2018).
49. Ayman Safadi [Electronic resource]. (2017) Post on Twitter: December 6 at 12:33 p.m. URL: <https://twitter.com/AymanHsafadi/status/938506724637540352> (accessed: 01.02.2018).
50. Ayman Safadi [Electronic resource]. (2017) Post on Twitter: December 8 at 04:06 a.m. URL: <https://twitter.com/AymanHsafadi/status/939103944843976705> (accessed: 02.02.2018).
51. Badran asserts the need to uphold unity and pursue with confrontations [Electronic resource] // Hamas Islamic Resistance : [official website]. URL: <http://hamas.ps/en/post/1113/badran-asserts-the-need-to-uphold-unity-and-pursue-with-confrontations> (accessed: 03.02.2018).
52. Benjamin Netanyahu [Electronic resource]. (2017) Post on Facebook: December 7 at 00:25. URL: <https://www.facebook.com/Netanyahu/videos/10155204139117076/> (accessed: 30.03.2018).
53. Boris Johnson to Al Arabiya: Iran 'up to no good' with catastrophic policies // Al Arabiya Network [Electronic resource]. URL: <http://english.alarabiya.net/en/News/world/2018/01/30/Al-Arabiya-exclusive-interview-with-Boris-Johnson-.html> (accessed: 11.02.2018).
54. Centro de Historia realiza foro: "Palestina resiste" para compresiyon del pueblo venezolano [Electronic resource] // Gobierno Bolivariano de Venezuela, Ministerio del Poder Popular del Despacho de la Presidencia y Seguimiento de la Gestiyon de Gobierno : [official website]. URL: http://www.presidencia.gob.ve/Site/Web/Principal/paginas/classMostrarEvento3.php?id_evento=8286 (accessed: 03.02.2018).
55. Donald J. Trump [Electronic resource]. (2017) Post on Twitter: December 6 at 01:14 p.m. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/938517073508163584> (accessed: 05.03.2018).
56. Donald J. Trump [Electronic resource]. (2018) Post on Twitter: January 2 at 02:37 p.m. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/948322497602220032> (accessed: 07.03.2018).
57. Evo Morales [Electronic resource]. (2017) Post on Twitter: December 25 at 08:41 a.m. URL: <https://twitter.com/evoespueblo/status/945333790397861888> (accessed: 10.02.2018).
58. Extraordinary Islamic Summit on Al-Quds calls for internationalizing struggle for peace and imposing political and economic restrictions in response to US decision [Electronic resource] // Organisation of Islamic Cooperation : [official website]. URL: https://www.oic-oci.org/topic/?t_id=17145&t_ref=9129&lan=en (accessed: 05.02.2018).
59. Iranian MPs call on Muslim world to cut ties with Zionist regime [Electronic resource] // Islamic Parliament of Iran : [official website]. URL:
60. Jerusalem Embassy Act of 1995: public law from November 8, 1995 № 104–45 [Electronic resource] // Congress of the United States of America : [official website]. 1995. URL: <https://www.congress.gov/104/plaws/publ45/PLAW-104publ45.pdf> (accessed: 24.05.2018).
61. Jimmy Morales [Electronic resource]. (2017) Post on Facebook: December 25 at 02:23 a.m. URL: <https://www.facebook.com/JimmyOficial/photos/a.521885541216591.1073741847.158778054194010/1768695479868918/?type=1&theater> (accessed: 05.03.2018).
62. Netanyahu realised there is full EU unity on Jerusalem, Mogherini says after EU Foreign Affairs Council [Electronic resource] // European Union External Action Service : [official website]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/37249/netanyahu-realised-there-full-eu-unity-jerusalem-mogherini-says-after-eu-foreign-affairs_en (accessed: 05.02.2018).
63. Palestinian Declaration of Independence [Electronic resource]. 1988. Nov. 15. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=2ahUKEwiNmtKO7_LiAhXr8KYKHx3zD8EQFjAAegQIARAC&url=http%3A%2F%2Fwww.palestinelink.nl%2Fpdf%2Fdeclaration-of-independence.pdf&usq=AOvVaw0ocofOJKEpCQ2oKzO4zuOe (accessed: 19.06.2019).
64. PHL not moving embassy to Jerusalem – Cayetano // GMA News [Electronic resource]. URL: <http://www.gmanetwork.com/news/news/nation/637760/phl-not-moving-embassy-to-jerusalem-cayetano/story/> (accessed: 10.02.2018).
65. Pope Francis meets Turkish president in private audience // Vatican News [Electronic resource]. URL: <http://www.vaticannews.va/en/pope/news/2018-02/pope-francis-turkey-erdogan-audience.html> (accessed: 10.02.2018).

66. Wang Yi Meets with Representatives of Palestine and Israel for Palestinian-Israeli Peace Symposium [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China : [official website]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1522082.shtml (accessed: 09.02.2018).

67. Wang Yi: The International Community Should Continue Supporting the Just Proposition of Palestine [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China : [official website]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1522086.shtml (accessed: 09.02.2018).

Рукопись поступила в редакцию 27 июня 2019 г.

УДК 327.37(44) + 327.56 + 341.67 + 623.454.8

К. К. Гусейнов

ПОЧЕМУ НЕВОЗМОЖЕН ФРАНЦУЗСКИЙ «ЯДЕРНЫЙ НОЛЬ»?*

Данная статья является продолжением статьи «Договор о запрете ядерного оружия и перспективы французского “ядерного ноля”», в которой автор остановился на рассмотрении современной политики Франции в области ядерного сдерживания и модернизации ядерного потенциала. Актуализация проблемы отказа от ядерного оружия, ввиду принятия Генеральной Ассамблеей ООН Договора о запрещении ядерного оружия, вызвала значительную дискуссию на мировой арене. Ядерные державы выступили с критикой по отношению к договору. Несмотря на активизацию антиядерного движения во Франции, администрацией президента Э. Макрона взят курс на модернизацию ядерного потенциала. Данная статья — попытка объяснить невозможность отказа Франции от ядерного оружия ввиду ряда внутренних и внешних факторов.

Ключевые слова: ПЕСКО, Аахенский договор, Макрон, Брексит.

В 2010 г. в своей статье «Нелогичность “нуля”» старший научный сотрудник Фонда стратегических исследований Франции Бруно Тертрэ выделил три категории аргументов за отказ Франции от ядерного оружия, условно обозначив их: «потому что мы должны», «потому что мы можем», «потому что нам следует» [18, 125]. Первый аргумент связан со статьей 6 Договора о нераспространении ядерного оружия. В ней вменяется в обязанность каждому участнику Договора вести переговоры о ядерном разоружении, а также о «договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем» [Там же, 126]. Вторая группа аргументов основана на том, что за последние 20 лет технологии обычных вооружений в ряде стран достигли такого уровня, что могли бы стать сдерживающим фактором в военном противостоянии [Там же]. И наконец, последний аргумент связан с разрушительной силой ядерного оружия, которого

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-014-00033 А «Многостороннее взаимодействие в рамках режима ядерного нераспространения и национальные интересы России в контексте инициативы по запрещению ядерного оружия».

оно достигло за последние годы, и в этой связи угроза попадания такого вида вооружения к террористическим организациям может привести к непоправимым последствиям для всего мирового сообщества [18, 128]. Данная аргументация сохраняется на текущий момент, став более актуальной ввиду двух факторов: принятия к подписанию в Генеральной Ассамблее ООН Договора о запрещении ядерного оружия и получения ICAN (Международная кампания по запрещению ядерного оружия) Нобелевской премии мира. Тем не менее ядерные державы к Договору о запрещении ядерного оружия отнеслись негативно и заявили о несостоятельности дискуссий по вопросам полного разоружения. В частности, в совместном заявлении постоянных представителей Великобритании, США и Франции при ООН отмечается, что «данная инициатива очевидно игнорирует обстановку международной безопасности» [8].

Невозможность отказа Франции от ядерного оружия обусловлена рядом внешних и внутренних факторов. Прежде всего, для понимания невозможности отказа Франции от ядерного оружия необходимо учитывать современную международную обстановку. Быстроменяющаяся внешнеполитическая реальность вызывает определенные опасения у французской политической элиты. Принципы международной безопасности подрываются сразу по нескольким векторам: ухудшение взаимоотношений между Западом и Россией; кризис в трансатлантическом сотрудничестве, в том числе разногласия по иранской ядерной программе и выход США из иранской ядерной сделки, а также возможный выход из ДРСМД; военное противостояние на Ближнем Востоке; испытание ядерного оружия КНДР; Брексит и политический кризис внутри единой Европы.

В данных условиях, когда нет уверенности в безопасности действий других акторов, тем более в обостряющейся международной обстановке, лучшим шагом с точки зрения концепции наступательного реализма является наращивание страной своего потенциала. В рамках данной парадигмы вполне логичным выглядит курс на дальнейшую модернизацию и укрепление ядерного арсенала Франции. Согласно наступательному реализму государству в целях обеспечения своей безопасности в анархичной системе международных отношений необходимо наращивать свой потенциал и стремиться к гегемонии. Джон Миршаймер отмечает, что в современных реалиях государствам не удастся достичь глобальной гегемонии по ряду причин. По его мнению, в современном мире может быть только региональная гегемония. Это связано с тем, что невозможно проецировать и поддерживать постоянно господство одного государства на территории всего мирового пространства [12, 83]. Миршаймер отмечает, что «лучшим результатом, которого только может достичь государство, является деятельность в качестве регионального гегемона, что означает доминирование в рамках своего собственного геополитического пространства» [Там же]. Через призму данных теоретических установок можно рассмотреть стремление Франции укрепить свой статус в регионе сферы интересов Европейского союза.

После выхода Великобритании Франция остается единственной ядерной державой в ЕС. С точки зрения стратегической концепции ядерное оружие Франции способствует безопасности Североатлантического альянса и Европы [10, 73].

Ядерный фактор в случае выхода Великобритании из Европейского союза может стать выгодной составляющей для европейской политики Франции.

Выход Великобритании означает также для Франции ослабление конкуренции с другой европейской ядерной державой и усиление своего влияния. Принятие новой Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности в 2016 г. «Общее видение, единый подход: сильная Европа» только усиливает роль военной мощи Франции. В стратегии обозначена необходимость готовности и способности ЕС «сдерживать и реагировать на внешние угрозы и защищать себя от них» [17, 19]. Отмечаются необходимость наличия стратегической автономии ЕС, а также обязанность стран-членов защищать Европу и способность «оказать содействие в обеспечении защиты членов ЕС (по их просьбе) и институтов единой Европы» [Там же, 20]. Стратегия предполагает военную конвергенцию стран Европейского союза. Она была принята в том числе из-за выхода Великобритании из ЕС, который рассматривается как серьезный вызов целостности и стабильности единой Европы. Стратегия была принята в то время, когда «само существование Союза ставится под сомнение» [Там же, 3].

Естественно, что в данных военных инициативах существенную роль будут играть самые сильные в военном плане государства Европы — Германия и Франция. На 2016 г. военные расходы трех стран, Великобритании, Германии и Франции, составляли 60 % от общего объема военных расходов стран-членов ЕС (Великобритания — 20 %, Германия — 17 %, Франция — 23 %) [6, 6]. После выхода Великобритании остаются две лидирующие в военном отношении страны — Германия и Франция.

Практически сразу после проведения референдума в Великобритании по вопросу выхода страны из Европейского союза министры иностранных дел Германии и Франции — Франк Вальтер Штайнмайер и Жан-Марк Айро опубликовали совместное заявление «Сильная Европа в мире неопределенностей» [5]. В нем, в частности, отмечается, что «Германия и Франция будут продвигать интересы ЕС в качестве независимого и глобального актора, способного использовать свой опыт и инструменты как гражданского, так и военного характера для защиты интересов своих граждан» [Там же, 4].

В сентябре 2016 г. министры обороны Германии и Франции выступили с совместной инициативой, которая называлась «Обновление общей политики безопасности и обороны: на пути к всесторонней, реалистичной и заслуживающей доверие обороне ЕС» [4]. Данная инициатива повлияла на принятие странами ЕС плана по обороне и безопасности. Эммануэль Макрон в 2017 г. во время выступления в Сорбонне выдвинул инициативу создания единой европейской «интервенционной силы» [11]. Данная инициатива получила институциональное оформление после подписания 25 июня 2018 г. письма о намерениях девятью министрами обороны стран-членов Европейского союза: Бельгии, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Нидерландов, Португалии, Франции и Эстонии. Стоит отметить участие Великобритании, так как при ее выходе из ЕС инициатива будет экстерриториальной с точки зрения границ Европейского союза. Германия в целом поддержала инициативу Франции, при этом подчеркивая

важность синхронизации с ПЕСКО (PESCO) — Постоянным структурированным сотрудничеством, которое было запущено в рамках реализации новой стратегии по внешней политике и политике безопасности ЕС [3]. «Мезебергское заявление» лидеров Германии и Франции от 19 июня 2018 г. подтвердило приверженность стран к реализации ПЕСКО и созданию интервенционных сил [4]. На официальном сайте Министерства обороны Франции отмечаются следующие цели создания интервенционных сил: усилить возможность Европы действовать совместно, создав условия для будущих единых инициатив; развить общую стратегическую культуру; содействовать укреплению военного авторитета Европы; усилить европейскую стратегическую автономию; способствовать более справедливому распределению ответственности [9].

Интервенционная инициатива Макрона — это попытка создания сил быстрого реагирования, которые позволят странам Европы укрепить военную составляющую интеграционных объединений. Для Франции, как для мощнейшей военной державы ЕС и единственной страны, обладающей ядерным оружием в единой Европе при выходе Великобритании из ЕС, открываются новые возможности для распространения своего влияния. В данных обстоятельствах французское ядерное оружие сделает Францию более весомым гарантом существующей архитектуры безопасности единой Европы. Ядерное оружие — тот фактор, который может обеспечить региональную гегемонию Франции в рамках Европейского союза.

Одним из благоприятных факторов укрепления военных позиций Франции в единой Европе является принятие программы ПЕСКО в рамках имплементации глобальной стратегии Европейского союза по внешней политике и политике безопасности «Общее видение, единый подход: сильная Европа». Постоянное структурированное сотрудничество было запущено 11 декабря 2017 г. Европейским советом [14]. PESCO — это комплекс мер, направленных на усиление обороны и безопасности ЕС, военную конвергенцию и укрепление стратегической автономии единой Европы. Программа предполагает реализацию более 30 разных проектов в сфере обороны, затрагивающих как материально-техническое обеспечение, так и кибербезопасность и безопасность космического пространства. Участие в программе подавляющего большинства членов ЕС (25 стран из 28) говорит о назревшей необходимости реформ в сфере безопасности и обороны ЕС. В каждом из направлений сотрудничества выделены страны, которые будут ответственны за тот или иной сегмент. Франция участвует в реализации 20 проектов, направленных на улучшение обороноспособности Европейского союза и обеспечение его стратегической автономии [15].

Участие Франции в большинстве проектов в рамках PESCO (всего 34) свидетельствует о стремлении Франции к полномасштабному проецированию своего влияния на оборону и безопасность ЕС и всесторонней поддержке конвергенции в военной сфере в рамках Европейского союза. PESCO — долгосрочный проект, конечная цель которого — качественно новая форма институционального сотрудничества в рамках ОПБО — Общей политики безопасности и обороны. В условиях интенсификации военного сотрудничества и создания стратегической автономии французский военный потенциал, включающий в себя ядерный

арсенал, представляет собой важнейший элемент европейской безопасности. Франция, как ядерная держава, способна внести весомый вклад в укрепление стратегической автономии Европейского союза. Необходимость такой автономии и военной конвергенции, понимаемая и принимаемая на уровне подавляющего большинства стран–членов ЕС, в свою очередь, укрепляет статус Франции в качестве гегемона в рамках единой Европы.

Немаловажным фактором укрепления позиций Франции в области обороны и безопасности на региональном уровне явилось заключение Аахенского договора между ФРГ и Францией 22 января 2019 г. Договор был подписан в 56-ю годовщину уже существовавшего Елисейского договора. Новый договор не является замещением старого, наоборот, он может рассматриваться в качестве его дополнения. Цель договора 1963 г. — примирение, а цель договора 2019 г. — сближение. На официальном сайте Правительства Франции отмечается, что новый договор создан «ради большей европейской интеграции» [20]. Договор предполагает развитие сотрудничества по нескольким направлениям [19]:

- создание франко-германского Оборонного союза. Стороны договариваются о том, что при нападении на одну из стран другая окажет всяческую поддержку партнеру, включая использование вооруженных сил;
- создание совместной цифровой платформы, которая предполагает совместное использование информационного и аудиовизуального контента;
- создание франко-германского «гражданского фонда» для поддержки совместных гражданских инициатив;
- создание совместного Совета экономических экспертов, который будет вырабатывать рекомендации по экономическому развитию для обоих государств;
- создание Комитета приграничного сотрудничества для интенсификации взаимоотношений в приграничных областях.

Примечательно, что Аахенский договор был подписан в присутствии президента Европейской комиссии и председателя Европейского совета. Не менее примечательно, что Аахен являлся столицей империи Карла Великого, которого иногда называют «отцом Европы». Первая же глава договора называется «Европейские отношения» [Там же, 4]. Наличие французского ядерного потенциала необходимо учитывать при осмыслении данного договора. Можно сделать вывод о том, что фактически Франция предоставляет «ядерный зонтик» Германии; в свою очередь, военная конвергенция двух ведущих в военно-политическом отношении стран Европы может сказаться на положительной динамике интеграции в рамках общей политики обороны и безопасности ЕС.

Аахенский договор был встречен среди стран–членов Европейского союза неоднозначно. В. Белов отмечает, что Италия и Польша планировали еще до подписания договора между Германией и Францией создать свой тандем в противовес оси Берлин — Париж [1, 6]. Кроме того, автор отмечает, что политические лидеры Болгарии, Румынии и стран Прибалтики также выразили свое негативное отношение к новому договору [Там же].

Еще одним немаловажным аргументом в сторону сохранения Францией своего ядерного потенциала является статус ядерного оружия во французской

внешнеполитической концепции. Чувствительность Франции к ядерной тематике исследователь Б. Пелопидас называет «французской идиосинক্রазией» [13, 143]. «Французская идиосинক্রазия» — перманентная составляющая внешнеполитической доктрины и военных концепций Франции на протяжении более 40 лет. Пелопидас выделяет четыре компонента «французской идиосинক্রазии» [Там же]:

1. Глубокое убеждение в том, что ядерное оружие может обеспечивать гарантию безопасности от агрессии других держав.

2. Риск возмездия, вынуждающий ядерные державы с осторожностью рассматривать возможность использования ядерного потенциала.

3. Уравнительная сила ядерного оружия: даже небольшой потенциал может стать весомым аргументом в противостоянии с другими державами.

4. Экспорт мирных ядерных технологий, считающийся легитимным, безопасным и передовым.

Стоит отметить, что второй и третий пункты соответствуют ядерной стратегии Франции «сдерживания сильным слабым», принятой еще в 1960-е гг.

Безусловно, «идиосинক্রазия» связана с определенными психологическими установками, связанными с идентичностью проживающего в стране населения. Габриэль Хэкт в своей работе «Сияние Франции. Атомная энергия и национальная идентичность после Второй мировой войны» рассматривает то, как прочно имплементированы во французскую действительность ядерная тематика и тематика атомной энергетики в частности. Исследователь увязывает это с наличием определенных психологических воздействий голлистов на население на заре XX в. [7, 227]. В своем представлении о «национальной идентичности» Хэкт руководствуется классической формулировкой Бенедикта Андерсона о том, что народ (нация, государство) представляет собой «воображаемое (конструируемое) сообщество» [Там же, 12]. Это означает, что нации — это не автохтонные социальные единицы, их поступательное развитие рассматривается через призму политических и культурных практик. Каким бы стабильным ни было осознание нацией своей государственности, само национальное самосознание есть продукт изменчивый и дискуссионный. Габриэль Хэкт ссылается на определение французской национальной идентичности Пьера Нора. Нора считает, что французское национальное самосознание (идентичность) — «это действительность, являющаяся совершенно символической» [Там же]. Идеи, заложенные в национальную идентичность, не появляются самостоятельно. Их необходимо постоянно культивировать и подпитывать для того, чтобы они были прочно закреплены в сознании общества. Всю вторую половину прошлого столетия, активная популяризация атома привела не только к созданию ядерного арсенала, но и к имплементации атома в экономику и энергетику Франции.

Н. Ритши и Б. Пелопидас также рассуждают над проблемой невозможности разоружения для Франции. Примечательно, что написанная ими глава в книге «Глобальное ядерное разоружение: стратегические, политические и региональные перспективы» называется «Ядерный национализм в Европе». Авторы отмечают, что после создания Францией своего ядерного оружия во французских стратегических концепциях существовало отождествление ядерного статуса с суверенитетом

и безопасностью Франции. Во всех четырех Белых книгах по безопасности, изданных за этот период (последняя была выпущена в 2013 г.), ядерный потенциал рассматривается в данном ключе [16, 239]. Окончание холодной войны не повлияло на восприятие ядерного оружия в качестве главного гаранта суверенитета и безопасности Франции. Авторы приводят цитату из Белой книги по безопасности 2013 г.: «Ядерное оружие исключает любые угрозы и шантаж, которые могли бы парализовать свободу решений и действий Франции» [Там же, 240]. Известный исследователь ядерных стратегий Пятой республики А. В. Зинченко писал о том, что «ядерный национализм» является одной из характеристик данных стратегий. Он усиливается по мере освоения ядерных технологий [2, 139].

Таким образом, для отказа Франции от ядерного оружия не сложилось объективных предпосылок. С одной стороны, международная обстановка не позволяет принимать решения, которые могли бы, с точки зрения французского руководства, ослабить французское влияние и стать вызовом для безопасности Франции. Наоборот, в условиях анархичной международной системы и отсутствия транспарентности Франция усиливает свой потенциал, в том числе ядерный. Кроме того, для Франции сложились возможности превращения в регионального гегемона в военно-политическом отношении. Это стало возможным благодаря Брекзиту и принятию новых инициатив по укреплению обороны и безопасности в рамках Европейского союза, а также стремлению единой Европы к стратегической автономии. Соответственно Франция становится единственной ядерной державой в Европейском союзе, что с учетом усиления военной интеграции в ЕС является одним из основных факторов французской гегемонии. Именно ядерный статус компенсирует возможное отставание Франции в экономическом и военно-конвенциональном плане от других стран региона и позволит ей укрепить статус лидера в условиях меняющейся реальности. В совокупности с тенденцией институционализации европейских оборонных инициатив это принесет Франции дополнительные политические дивиденды. Кроме того, стоит принимать во внимание и тот факт, что ядерный статус прочно имплементирован во французскую политическую действительность.

Ядерное оружие помогло Франции восполнить слабые элементы своей внешнеполитической деятельности и мирового статуса, во многом пошатнувшегося после Второй мировой войны. Основатели современного французского государства прочно закрепили ядерный статус в оборонительных и внешнеполитических концепциях. Идея «великой Франции», заложенная в основу Пятой республики Шарлем де Голлем нуждается в мощной военной поддержке и способности Франции оказывать влияние на процессы, происходящие на мировой арене. Тема ядерного статуса Франции лежит в плоскости ее государственности, идеи деголлевского принципа «Grandeur» («Величия»). Ядерный арсенал превратил Францию из разряда «Middle Power» в более влиятельного игрока на мировой арене. Ядерное оружие стало тем важным «козырем», благодаря которому Франция могла вести переговоры на равных с мировыми державами и требовать к себе равного отношения. Оппозиция ядерному статусу в самой Франции незначительна и не оказывает существенного влияния на французскую политическую

повестку. Возможно, определенная часть этой оппозиции возникла либо получила новый импульс по инерции, в результате присуждения ICAN Нобелевской премии мира. В современных условиях, когда архитектура общемировой безопасности сильно повреждена, а единая Европа нуждается в сильных лидерах, Франция ни при каких обстоятельствах не пойдет на подписание договора о запрещении ядерного оружия.

1. Белов В. Хозяйственно-политический тандем Берлин–Париж: актуальные вызовы и задачи // Институт Европы РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2019/an154.pdf> (дата обращения: 25.04.2019).
2. Зинченко А. В. Ядерная политика Франции. М., 2010.
3. Никуличев Ю. В. «Пробуждение спящей красавицы»: программа PESCO между атлантизмом и европеизмом // Проблемы европейской безопасности. 2018. № 3.
4. Синдеев А. А. Общая политика безопасности и обороны ЕС: франко-германское взаимодействие // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 3.
5. A Strong Europe in a World of Uncertainties [Electronic resource]. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/281674/329a5d7f3066dc42d53bf47e4b312341/160624-bm-am-fra-dl-data.pdf> (accessed: 15.03.2019).
6. France and Germany: spearheading a European security and defense union // Jacques Delors Institute [Electronic resource]. URL: https://www.delorsinstitut.de/2015/wp-content/uploads/2017/07/20170719_FR-D-EU-Security_Koenig-Walter.pdf (accessed: 10.03.2019).
7. Hecht G. The Radiance of France. Nuclear Power and National Identity After World War II.
8. Joint Press Statement from the Permanent Representatives to the United Nations of the United States, United Kingdom, and France Following the Adoption of a Treaty Banning Nuclear Weapons [Electronic resource]. URL: <https://usun.state.gov/remarks/7892> (accessed: 20.11.2018).
9. L'Initiative européenne d'intervention [Electronic resource]. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/action-internationale/l-iei/l-initiative-europeenne-d-intervention> (accessed: 20.03.2019).
10. Livre Blanc sur la Defense nationale. P., 2013.
11. Macron veut créer "une force commune d'intervention européenne" [Electronic resource]. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2017/09/26/97001-20170926FILWWW00178-europemacron-pour-une-europe-de-la-defense.php> (accessed: 15.03.2019).
12. Mearsheimer J. Structural realism [Electronic resource] URL: <http://mearsheimer.uchicago.edu/pdfs/StructuralRealism.pdf> (accessed: 27.11.2018).
13. Pelopidas B. French nuclear idiosyncrasy: how it affects French nuclear policies towards the United Arab Emirates and Iran // Cambridge Review of International Affairs. 2012. Vol. 25. P. 143–169.
14. Permanent Structured Cooperation Factsheet [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/pesco_factsheet_november_2018_en_0.pdf (accessed: 18.03.2019).
15. Permanent Structured Cooperation (PESCO) updated list of PESCO projects [Electronic resource]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/37315/table-pesco-projects-updated.pdf> (accessed: 18.03.2019).
16. Ritchie N., Pelopidas B. European Nuclear Nationalism. UK and France Perspectives on Nuclear Disarmament // Routledge. 2015.
17. Shared Vision, Common Action: Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy // European External Action Service [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 10.03.2019).
18. Tertrais B. The illogic of zero // The Washington Quarterly. 2010. Apr.
19. Traité de coopération franco-allemand d'Aix-la-Chapelle [Electronic resource]. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/traite.aix-la_chapelle.22.01.2019_cle8d3c8e.pdf (accessed: 30.03.2019).

20. Treaty of Aachen: a new treaty to strengthen Franco-German cooperation and facilitate convergence between the two countries [Electronic resource]. URL: <https://www.gouvernement.fr/en/treaty-of-aachen-a-new-treaty-to-strengthen-franco-german-cooperation-and-facilitate-convergence> (accessed: 30.03.2019).

Рукопись поступила в редакцию 20 мая 2019 г.

УДК 327.7 + 327(479.25) + 327.8

В. Д. Камынин
А. Р. Папоян

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В статье анализируются особенности сотрудничества Армении и Европейского союза с момента обретения независимости республикой в 1991 г. Особое внимание уделяется характеристике двусторонних соглашений о сотрудничестве и участию Армении в программах Европейской политики соседства и Восточного партнерства. Также рассматриваются факторы, препятствующие установлению более тесных связей Европейского союза с Арменией.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Европейский союз, Республика Армения, Европейская политика соседства, Восточное партнерство.

С момента обретения Арменией независимости в 1991 г. перед республикой были открыты все возможности для международного сотрудничества. С начала 1990-х гг. многовекторность (официально в Армении именуется «комплементаризмом») являлась основой внешней политики Армении. Она предусматривает сотрудничество республики как со странами Востока, так и Запада. К настоящему времени Армения имеет дипломатические отношения более чем со 150 государствами и 50 международными организациями.

После распада СССР Армения сохранила дружеские отношения с Россией и присоединилась к Содружеству Независимых Государств (СНГ), как и многие другие бывшие советские республики. Одновременно с этим Армения стала членом ООН.

В это же время страна начала активно развивать отношения с европейскими государствами и организациями, в том числе с Европейским союзом (ЕС). За последние десятилетия произошли события, которые одновременно укрепляли и затрудняли сотрудничество Армении и ЕС.

Анализу отношений Армении и ЕС посвятили свои работы армянские и российские исследователи — С. Минасян, Н. Казарян, Ю. В. Жучкова, С. Н. Мирошников, К. В. Юматов; А. А. Хабарова подробно исследовала участие ЕС в урегулировании карабахского конфликта.

Среди исследований иностранных авторов можно назвать работу Лоры Делькур и Юбера Дюо, посвященную установлению и развитию сотрудничества ЕС и стран Южного Кавказа в рамках программы Европейской политики соседства (ЕПС). Личиния Симао в своей работе рассматривает ЕПС как способ укрепления безопасности на европейском континенте, а также стран, участвовавших в программе ЕПС. Перспективам сотрудничества Армении с ЕС в рамках программы Восточного партнерства (ВП) посвящена работа польского исследователя Марчина Лапчинского.

Для изучения данной темы в статье использованы различные источники, находящиеся на официальных сайтах Министерства иностранных дел Республики Армения, Европейского союза и Центра европейской трансформации. Материалы Национальной статистической службы Республики Армения позволяют рассмотреть внешнеторговые и финансовые связи Армении и ЕС. В бюллетенях Европейской комиссии подробно описывается сотрудничество Армении и ЕС в сферах торговли и мобильности.

Сотрудничество с ЕС является одним из важных шагов для укрепления роли Армении в мировой политике, способствует развитию торговли, укреплению демократии и борьбе за права человека.

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (1999) [20] являлось основным документом, регулирующим сотрудничество между Арменией и ЕС в сферах экономики, прав человека и т. д. В рамках Договора о партнерстве и сотрудничестве создан и действует Совет ЕС — Армения, в котором Евросоюз представляют члены его Совета и Еврокомиссии, а Армению — члены ее правительства. Налаживание процедур и механизмов регулярного политического диалога между Арменией и ЕС осуществляется также путем консультаций на уровне экспертов. Кроме того, образован Комитет парламентского сотрудничества ЕС — Армения, координирующий связи Национального собрания Республики Армения с Европарламентом и парламентами государств-членов ЕС. Наряду с этим указом президента Армении Р. Кочаряна создана Межведомственная комиссия по вопросам европейской интеграции и сотрудничества между европейскими региональными организациями и Республикой Армения. Данная структура, работающая под эгидой Министерства торговли и экономического развития, — ответственный орган по имплементации данного договора и релевантных соглашений со стороны Армении [4, 82].

На начальном этапе сотрудничества помощь была основным инструментом деятельности ЕС на Южном Кавказе. Армения была вовлечена в двусторонние и многосторонние проекты ЕС в рамках национальной программы ТАСИС (Техническая помощь государствам СНГ), программы продовольственной безопасности, программы EIDHR (Европейский инструмент в поддержку демократии и прав человека), а также региональных программ (INOGATE, или Межгосударственная транспортировка нефти и газа в Европу, и ТРАСЕКА, или Транспортный коридор Европа — Кавказ — Азия). Европейский союз обеспечивал поддержку Армении в институциональных, правовых и административных реформах и в решении социальных последствий переходного периода.

Европейский союз оказывал Армении и другим странам Южного Кавказа помощь, используя конкретные механизмы, такие как программы обеспечения безопасности пищевых продуктов (для Армении или Грузии) или гуманитарной помощи под руководством Европейской комиссии. Эта помощь была связана с внутренними проблемами, вставшими перед странами Южного Кавказа, в то время как программа ТАСИС была предназначена для поддержки общего экономического и политического переходных процессов во всех странах СНГ. В целом ЕС выделил более 1 млрд евро Азербайджану, Грузии и Армении в период 1991–2000 гг.

Оказывая гуманитарную помощь государствам Южного Кавказа, ЕС не был в то же время непосредственно вовлечен в решение вопросов безопасности и разрешения конфликтов, которые были центральными для региона в 1990-х гг. Такая слабая включенность может быть объяснена как внешними, так и внутренними факторами. Поскольку общая внешняя политика ЕС была разработана в начале 1990-х гг., общей политики безопасности и обороны не существовало до конца десятилетия. В то время только Россия постоянно играла важную роль во всех трех основных региональных конфликтах (Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах), в проведении переговоров по каждому из них. В переговорах также участвовали Организация Объединенных Наций (группа ООН в Абхазии) и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ в Южной Осетии и Нагорном Карабахе). Европейский союз с начала 1990-х гг. присутствовал в переговорных процессах своими отдельными государствами-членами [14, 5–7].

Финансовая помощь ЕС Армении с 1991 г. составила более 380 млн евро. Гуманитарная помощь (в частности, ЕСНО — Бюро Европейского сообщества по гуманитарной помощи) и продовольственная помощь через EAGGF/FEOGA (Европейский фонд по выработке ориентации и гарантии в области сельского хозяйства) составила почти 120 млн евро. Также они внесли свой вклад в облегчение очень тяжелой гуманитарной ситуации в середине 1990-х гг. Национальные ассигнования ТАСИС и Программы продовольственной безопасности составили около 100 млн евро.

С приобретением Арменией независимости программа ТАСИС способствовала переходу страны к рыночной экономике, в частности, путем содействия в области нормативно-правовой реформы, приближения законодательства Армении к европейскому. Европейский союз поддерживал вступление Армении в ВТО; ТАСИС способствовала также восстановлению экономики Армении путем поддержки частного сектора и малого и среднего бизнеса. Сельскохозяйственный кооперативный банк, финансируемый за счет программы ТАСИС и продовольственной помощи встречных фондов EAGGF, внес свой вклад в улучшение сельскохозяйственного производства; ТАСИС также поддержала ядерную безопасность Армении [17, 6].

В начале нового тысячелетия ЕС осознал свои интересы в Кавказском регионе и выразил желание более активно участвовать в разработке всеобъемлющей политики в отношении региона. По мнению ЕС это отражает интересы его безопасности. Данный период включал в себя формирование ЕПС и единой внешней политики для укрепления дипломатического сотрудничества между ЕС и некоторыми странами СНГ, включая Армению.

Европейская политика соседства была впервые упомянута в коммюнике Европейской комиссии «Расширяющаяся Европа» в марте 2003 г. [23]. В документе соседям ЕС было предложено сосредоточиться на усилении взаимного производства, экономическом росте, расширении торговли, поддержании политической стабильности и главенствующей роли закона, взаимном обмене человеческим капиталом, идеями, знаниями и культурой. Европейская политика соседства была разработана в 2004 г. с целью предотвращения развития конфликтных ситуаций между государствами-членами Европейского союза с учетом последних расширений и их соседями; ЕПС была направлена на развитие сотрудничества в том числе с восточными странами — Арменией, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной.

Особенности отношений между ЕС и странами Южного Кавказа заключаются в том, что они сконцентрированы на трех основных вопросах: на содействии политическому и экономическому процессам переходного периода; разрешении конфликтов; поддержке развития энергетического потенциала региона. Эти вопросы были определены в качестве приоритетных для ЕС и государств региона и находятся в центре планов действий ЕПС [22, 47].

Европейская политика соседства была разработана в ответ на новую политическую ситуацию, ставшую следствием двух последних раундов расширения ЕС и в качестве потенциального средства для решения «включения-исключения дилеммы». Это уникальная политика, которая объединяет отдельные географические и политические регионы внутри единой структуры внешних отношений ЕС. Самой важной составляющей ЕПС в международной политике ЕС является региональное измерение. Основным критерий для стран, которые будут участвовать в ЕПС, — их географическое положение вблизи границ ЕС; ЕПС охватывает такие регионы, как Восточная Европа, Южный Кавказ и Средиземноморье, с каждым из которых у ЕС имеются отдельные условия сотрудничества [18, 223].

20 июня 2008 г. программа ВП, созданная по инициативе Польши и Швеции, была одобрена на заседании ЕС. Она сосредоточена на укреплении двухсторонних отношений ЕС с такими постсоветскими странами, как Украина, Белоруссия, Молдавия, Армения, Грузия и Азербайджан. По мнению российских экспертов, «запустив Восточное партнерство, Польша и Швеция заставили своих европейских партнеров признать, что Азербайджан, Армения и Грузия находятся в Европе, а это означает, что, в соответствии с принципами Римского договора 1958 г., все эти страны теоретически могут стать в будущем членами Европейского союза» [6, 123].

Укрепление двухстороннего сотрудничества с этими странами включает в себя: 1) сотрудничество по вопросам миграции с возможностью введения безвизового режима в долгосрочной перспективе; 2) создание зоны свободной торговли, основанной на двухсторонних соглашениях о свободной торговле; 3) обеспечение поддержки со стороны ЕС для проведения реформ, усиление обмена студентами, развитие гражданского общества, местного и регионального сотрудничества и т. д.; 4) разработка и подписание нового поколения планов действий в каждой стране,

которые должны включать в себя четкие ориентиры по выравниванию законодательства и стандартов жизни с нормами Европейского союза; 5) обеспечение распределения средств помощи ЕС для стран-партнеров в соответствии с прогрессом в осуществлении реформ в каждой стране [19]. Программу ВП можно считать альтернативой ЕПС для данного региона из-за ее неэффективности в решении некоторых вопросов (например, перемен в Грузии после «революции роз» в 2003 г., южноосетинского конфликта 2008 г. и др.) [6, 2].

Несмотря на оказываемую помощь, отношения между ЕС и Арменией остаются непростыми. На особенности взаимоотношений между ними повлияли несколько факторов. Во-первых, ЕС твердо стоит на позиции сохранения территориальной целостности Азербайджана. Во-вторых, политический режим, установленный Робертом Кочаряном и Сержом Саргсяном, по мнению европейских политиков, был далек от стандартов европейского видения демократии. В-третьих, ЕС беспокоило партнерство Армении и России [11, 181].

Отказ президента Армении Саргсяна подписать Соглашение об ассоциации, на основе которого осуществляется сотрудничество в таких сферах, как политика, торговля, культура и укрепление безопасности, на Вильнюсском саммите ВП в ноябре 2013 г. [3, 65–66] и апрельские события 2016 г. в Карабахском регионе [10, 145] негативно повлияли на сотрудничество Армении и ЕС, прежде всего в сфере финансов и торговли. Если в 2016 г. объем гуманитарной помощи составлял 23,9 % [8, 83], то на 2018 г. он составлял всего 2,8 % [9, 95]. В 2016 г. торговый баланс составлял 17,2 % [8, 76], а в 2018 г. — 9,7 % [9, 91]. Тем не менее на основе многовекторности Армения продолжает развивать сотрудничество как с Россией, так и с ЕС.

Подписанные Арменией и ЕС соглашения об упрощении процедур выдачи виз (декабрь 2012 г.) [1] и реадмиссии (апрель 2013 г.) [Там же] вступили в силу в январе 2014 г. [5].

Соглашение о выдаче виз может привести к улучшению связи между людьми и странами для устойчивого развития экономических, гуманитарных, культурных, научных и других связей путем облегчения выдачи виз гражданам Армении. Упрощение визового режима, предусмотренное в настоящем соглашении, применяется к гражданам Армении только в том случае, если они не освобождены от визовых требований в соответствии с законами и правилами Союза или государств-членов [12].

Соглашение о реадмиссии служит укреплению сотрудничества с целью совместной борьбы с незаконной миграцией на основе процедур упорядоченного возвращения лиц, которые не выполняют или перестали выполнять условия въезда, пребывания или проживания на территории Армении или одного из государств-членов Европейского союза [13].

С конца 2015 г. велись переговоры по Соглашению о всеобъемлющем и расширенном партнерстве (СВРП) [15]. 24 ноября 2017 г. СВРП подписали министр иностранных дел Армении Э. Налбандян и вице-президент Европейской комиссии, Верховный представитель ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности Федерика Могерини в рамках 5-го саммита ВП в Брюсселе [7].

На саммите также был представлен документ «20 результатов на 2020 г.», который содержит предложения для достижения результатов, позволяющих повысить роль и значимость ВП. В документе определены новые рамки отношений ЕС с Арменией и Азербайджаном. Важным в отношениях ЕС и Армении является прогресс в завершении нового двухстороннего соглашения о сотрудничестве [16, 4]. Повышение безопасности поставки энергоресурсов в страны ЕС входит в число основных задач для укрепления сотрудничества ЕС и стран-участниц ВП. Данная задача включает в себя соединение электросетей Армении и Грузии при финансовой поддержке Инвестиционного фонда соседства (NIF) [Там же, 36–37]. Отношения Армении и Грузии в сфере поставки газа и электричества ухудшились после югоосетинского конфликта в 2008 г. До этих событий Россия поставляла газ в Армению через Грузию.

В период 2014–2018 гг. фонд NIF предоставил Армении 70 млн евро для оказания помощи гражданам в сферах образования, мобильности, обеспечения доступа к источникам финансового и экономического развития, реформы юридической системы и т. д. Это привело к инвестициям в страну в объеме 412 млн евро [5].

В феврале 2018 г. в Брюсселе Федерика Могерини и министр иностранных дел Армении Эдвард Налбандян подписали документ о приоритетах партнерства ЕС–Армения [21], который устанавливает общие приоритеты в области политики на ближайшие годы в соответствии с Соглашением о всеобъемлющем и расширенном партнерстве. Сотрудничество будет развиваться по четырем направлениям: укрепление институтов и надлежащее управление; экономическое развитие и возможности рынка; связь, энергоэффективность и действия по сохранению климата; мобильность и контакты между людьми [2].

11 апреля 2018 г. Национальное собрание Армении единогласно ратифицировало СВРП, которое вступило в силу с 1 июня того же года.

В соответствии с новым соглашением разработаны приоритетные направления развития партнерских отношений: действия по развитию государственных учреждений и практики управления государством, экономическое развитие и развитие новых возможностей на рынке, укрепление связей, повышение эффективности использования энергии, действия в области охраны окружающей среды и климата, мобильность и контакты между людьми [5].

Эти договоры привели к улучшению обеспечения финансовой помощи Армении со стороны ЕС. К началу 2019 г. объем гуманитарной помощи составил 21,3 % [9, 95], а баланс внешней и взаимной торговли — 12,3 % [Там же, 97].

Таким образом, сотрудничество Армении и ЕС строится на основе программ ЕПС и ВП, обеспечивающих Армении финансовую помощь, в которой республика бесспорно нуждается из-за экономической блокады, установленной Азербайджаном и Турцией. Однако в последние годы отношения Армении и ЕС в торгово-экономической сфере находились в упадке. Этому способствовали прежде всего политика президентов Роберта Кочаряна и Сержа Саргсяна, присоединение Армении к Евразийскому экономическому союзу в 2015 г. и обострение ситуации в Нагорном Карабахе. «Бархатная» революция (апрель–май 2018 г.)

и приход к власти Никола Пашиняна привели к нормализации отношений путем подписания новых соглашений о дальнейшем сотрудничестве.

1. В ЕС одобрили соглашение об упрощении визового режима с Арменией // РИА Новости. 9 октября 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20131009/968844197.html> (дата обращения: 25.03.2019).

2. Европейский союз и Армения подписали документ о приоритетах партнерства // Европейская служба внешних связей. 22/02/2018 [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/ru/eu-information-russian/40246/европейский-союз-и-армения-подписали-документ-о-приоритетах-партнерства_ru (дата обращения: 07.03.2019).

3. Жучкова Ю. В., Мирошников С. Н. ЕС и Армения: не все потеряно? // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2017. № 50. С. 64–68.

4. Минасян С. Армения и программа ЕС «Политика европейского соседства» // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 6(42). С. 80–94.

5. Отношения ЕС — Армения : справ. материал // European Union External Action — European External Action Service (EEAS). Bruxelles. 19/06/2018 [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/26810/Отношения%20ЕС%20-%20Армения.%20Справочный%20материал (дата обращения: 07.03.2019).

6. Плащинский Г. Восточное партнерство в зеркале европейской аналитики // Центр европейской трансформации. С. 1–14 [Электронный ресурс]. URL: <https://eurobelarus.info/old/images/stories/Plaschynsky1.pdf> (дата обращения: 2.03.2019).

7. Сотрудничество Республики Армения с Европейским союзом // Министерство иностранных дел Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/eu> (дата обращения: 07.03.2019).

8. Социально-экономическое положение Республики Армения в январе — ноябре 2016 г. // Национальная статистическая служба Республики Армения. Ереван. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.armstat.am/file/article/sv_11_16r_412.pdf (дата обращения: 07.03.2019).

9. Социально-экономическое положение Республики Армения в январе 2019 г. // Национальная статистическая служба Республики Армения. Ереван. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.armstat.am/file/article/sv_01_19r_412.pdf (дата обращения: 07.03.2019).

10. Хабарова А. А. Участие Европейского союза в урегулировании Карабахского конфликта // Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир (Екатеринбург, 20–21 апреля 2018 г.) : сб. материалов всерос. молодеж. науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 142–148.

11. Юматов К. В. Армения в контексте внешней политики Турции, России и Европейского союза // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2013. Т. 3, № 2(54). С. 179–183.

12. Agreement between the European Union and the Republic of Armenia on the facilitation of the issuance of visas // Ministry of foreign affairs of the Republic of Armenia (Министерство иностранных дел Республики Армения) [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.am/filemanager/Statics/EU_AM_VFA%20eng.pdf (дата обращения: 27.03.2019).

13. Council of the European Union. Agreement between the European Union and the Republic of Armenia on the readmission of persons residing without authorization // Ministry of foreign affairs of the Republic of Armenia (Министерство иностранных дел Республики Армения). Brussels. 19 March 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.am/filemanager/Statics/Agreement_EU_Readmission_Eng.pdf (дата обращения: 27.03.2019).

14. Delcour, Laure and Duhot, Hubert. Bringing South Caucasus Closer to Europe: Achievements and Challenges in ENP Implementation. Department of European interdisciplinary studies // Natolin Research Papers. 03/March 2011. 65 p. [Electronic resource]. URL: https://www.coleurope.eu/sites/default/files/research-paper/delcour_duhot_0.pdf (accessed: 02.03.2019).

15. European Commission. Council decision on the conclusion, on behalf of the European Union, of the Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and

the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part / EUR-Lex. JOIN(2017) 37 final, 2017/0238(NLE). Brussels. 25.9.2017 [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=JOIN:2017:37:FIN> (accessed: 07.03.2019).

16. European Commission. Joint staff working document Eastern Partnership – 20 Deliverables for 2020. Focusing on key priorities and tangible results // European Union External Action – European External Action Service (EEAS). Brussels. 9.06.2017. 50 p. [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/swd_2017_300_f1_joint_staff_working_paper_en_v5_p1_940530.pdf (accessed: 25.03.2019).

17. European Neighbourhood Policy. Country report Armenia. Commission staff working document accompanying the communication. SEC (2005) 285 final/3, 2 March 2005. 30 p. [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/georgia/documents/eu_georgia/armenia_cr_0503.pdf (accessed: 03.03.2019).

18. *Ghazaryan N.* The ENP and the Southern Caucasus: Meeting the Expectations? / The European neighbourhood policy in perspective: context, implementation and impact. Edited by Richard G. Whitman, Stefan Wolff. 2010. 274 p. [Electronic resource]. URL: <http://nashaucheba.ru/v47028/?download=1> (accessed: 28.02.2019).

19. *Lapczyński M.* The European Union's Eastern Partnership: Chances and Perspectives, CRIA, Spring 2009. P. 143–155 [Electronic resource]. URL: http://www.cria-online.org/Journal/7/Done_The%20European%20Unions%20Eastern%20Partnership%20-%20Chances%20and%20perspectives%20by%20Marcin%20Lapczynski.pdf (accessed: 01.03.2019).

20. Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part // Official Journal of the European Communities. L 239. Vol. 42. 9.9.1999 [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu-armenia_partnership_and_cooperation_agreement_en.pdf (accessed: 25.02.2019).

21. Partnership priorities between the European Union and Armenia [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu-armenia_partnership_priorities_0.pdf (accessed: 07.03.2019).

22. *Simão L.* EU-South Caucasus Relations: Do Good Governance and Security Go Together? // Political Perspectives. 2011. Vol. 5 (2). P. 33–57 [Electronic resource]. URL: http://www.academia.edu/960990/EU-South_Caucasus_Relations_Do_Good_Governance_and_Security_Go_Together (accessed: 28.02.2019).

23. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours. COMMISSION OF THE EUROPEAN COMMUNITIES. Brussels, 11.3.2000. COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE COUNCIL AND THE EUROPEAN PARLIAMENT [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf (accessed: 28.02.2019).

Рукопись поступила в редакцию 8 апреля 2019 г.

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 778.5 + 791.21.036.1 + 316.272

А. С. Темлякова

РОЛЬ ФОТОГРАФИИ В КИНО (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА «ВОЗВРАЩЕНИЕ», 2003, реж. А. ЗВЯГИНЦЕВ)*

В статье исследуется роль использования фотографии в кинематографе. Фотография рассматривается как результат сотворчества и в то же время сопротивления между фотографом и техническим устройством (В. Флюссер). Сам момент фотографирования, с одной стороны, случаен, с другой — просчитан фотографом. Таким образом, вслед за В. Флюссером мы определяем фотографию как результат «феноменологического сомнения». Кейсом в данной статье берется фильм А. Звягинцева «Возвращение» (2003), в сюжет которого режиссер помещает две фотографии; в свою очередь, анализ этих фотоснимков играет значительную роль в процессе понимания фильма. Он помогает выделить смыслообразующие моменты в киноповествовании, акцентируя внимание на текущем времени фильма и открытом финале истории. Показано, что фотография в кино может выступать дополнительным элементом демонстрации зрителю достоверности происходящего на экране. Она играет здесь ключевую роль в построении сюжетной канвы фильма как для персонажей, так и для глаза и восприятия зрителя.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фотография, кино, феноменологическое сомнение, А. Звягинцев, «Возвращение» (2003).

Притягательность и популярность фотографии можно объяснить тем, что она выступает зримой границей пересечения человеческого мира и области/сферы технических инноваций, гаджетов, электронных устройств. Потребитель видит форму-оболочку технического устройства и оценивает полезность предоставляемых им свойств, эффективность выполнения устройством утилитарных задач. Тогда как фотография, даже сам фотоаппарат как инструмент, выступают границей диалога/сотворчества человека и технического устройства.

Это граница «вхождения» в мир незримого, в конструируемый мир, общий для человека и технического механизма, мир, выступающий результатом сотворчества

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00235.

человека и аппарата, воспринимаемый человеческим глазом. Так, например, тепловое излучение, нейронные реакции, химические перетекания электронов и атомов, невидимы для человеческого глаза. А фотография по самому механизму своего зарождения — видимая область соприкосновения возможностей человеческого мышления/фантазии/воображения и возможностей технических аппаратов, компьютерного программирования.

Мы живем в эпоху неизмеримых количеств фотопотоков в сети Интернет: многие миллиарды изображений загружаются в социальные сети ежедневно или ежемесячно. Большинство этих снимков не просматриваются и единого раза, другие мгновенно забываются, так что киберпространство становится подобием огромной свалки. В целом на данный момент фотография является ключевым медиумом, который идет в ногу со стремительно развивающейся цифросоциальной медиаинстаграмкультурой [5]. Шон О'Хаган определяет современную фотографию как перформанс, скульптуру, архив, найденные изображения, коллаж, постановку, переосмысление, перенастройку, реконтекстуализацию... [Там же]. Модель фотографии сегодня — это модель совместной инициации образов, результат сотворчества человека и аппарата, представленный в виде воспринимаемого глазом спектра, изливающегося светом с мониторов технических устройств (экранов).

Р. Барт пишет, что «фотография являет собой абсолютную Единичность, суверенную, тусклую и как бы тупую Случайность, Это (фото), короче, есть Тюхе, Случай, Столкновение, Реальность в их самом что ни на есть неумолимом выражении» [1, 3]. В. Флюссер выделяет категорию фотожеста: это жест «феноменологического сомнения», поскольку он пытается приблизиться к феноменам со многих точек зрения; момент последнего решения (нажатие на кнопку затвора). Фотография в таком случае — результат фотографического жеста [3, 43–44]. То есть фотография создается в случайный момент замыкания нейронной цепочки, результатом которой выступает момент нажатия на кнопку фотоаппарата.

Фотоаппарат, согласно В. Флюссеру, запрограммирован создавать фотографии, а каждая фотография — это реализация одной из возможностей, заложенных в программе аппарата. «Фотограф зашифровывает свои понятия в фотографические образы для того, чтобы предоставить другим информацию и тем самым обессмертить себя в памяти других. Аппарат зашифровывает запрограммированные в нем понятия в образы, чтобы запрограммировать общество на обратную связь, обеспечивающую постоянное улучшение аппарата» [Там же, 54]. То есть мы можем выделить уже две пары противоположных тенденций, в результате действия которых получается фотография: это случайность и осознанность момента создания фотографии и противостояние фотографа и фотоаппарата как носителя определенной программы.

Если акцентировать внимание на вещной реальности фотографии (распечатанный фотоснимок), то фотография — это неподвижная безмолвная поверхность, терпеливо ожидающая своей репродукции и распространения [Там же, 56]. Однако ценность фотографии состоит не в вещности, а в информации на ее поверхности [Там же, 59]. Стоит обратить внимание: то, что фотография до бесконечности воспроизводит, имело место всего один раз; она до бесконечности

повторяет то, что уже никогда не может повториться в плане экзистенциальном [1, 2]. Этот неповторимый момент, подвергающийся запечатлению, запускает процесс создания фотографии, которая, в свою очередь, выступает результатом прохождения импульса по отдельной нейронной цепочке, запускающей последовательные действия технического устройства (фотоаппарата) по «схватыванию» реальности в ее моментальной неподвижности.

Теперь каждое отдельное переживание, каждое познание, каждая ценность оказываются разложенными на отдельно взятые и проанализированные фотографии. И каждое действие может быть проанализировано в отдельных, использованных в качестве моделей фотографий [3, 83]. Тотальность фотографии порождает использование ее во всех сферах искусства, особенно это касается кино, столь родственного и похожего на фотографию в стремлении «ухватить реальность как она есть» и самоутвердить себя в качестве достоверной/подлинной реальности.

В фильме А. Звягинцева «Возвращение» (2003) мы являемся свидетелями процесса «реконструирования» истории семьи при помощи фотографий. Фотография здесь выступает как семейный обряд, конституирующий историю семьи независимо от того, сколько времени минуло с момента совершения снимка. Узнав о приезде отца, мальчики находят спрятанную между страницами книги фотографию семьи, на которой они запечатлены маленькими детьми вместе с отцом и матерью. Это помогает им буквально «собрать» для себя образ семьи, удостовериться в том, что спящий в доме мужчина действительно является их отцом. Рассматривая фотографию семьи в начале фильма, старший брат Андрей говорит об отце: «Это точно он!». На вопрос младшего брата: «А откуда он взялся?» — Андрей отвечает: «Приехал».

Заметим, что отдельного рассмотрения заслуживает и специфика светопередачи в фильме. Все использованные цветовые эффекты служат определенной художественной задаче режиссера. Все фотографии, демонстрируемые в фильме А. Звягинцева «Возвращение», черно-белые.

В. Флюссер говорит о черно-белых фотографиях как о пограничных случаях, или «идеальных случаях»: черное — это тотальное отсутствие всех световых колебаний, белое — тотальное присутствие всего спектра колебаний. Именно поэтому черно-белого положения вещей в мире быть не может. Черно-белый мир логически анализируем: все в нем черное, белое или смесь этих цветов (серое) [3, 47]. Каждая фотография, согласно Флюссеру, нуждается в расшифровке или декодировании [Там же, 54]. Здесь пересекаются химические и физические процессы создания фотографии. В плане техническом фотография находится на пересечении двух качественно различных процессов: «первый из них — химический и связан с воздействием света на некоторые вещества; второй — образование изображения с помощью оптического устройства — носит физический характер» [1, 5].

Если говорить об оригинальном цвете, то, по словам режиссера фильма, в процессе кинопроизводства «была использована специальная, сложная технология обработки позитива. Называется она “обход отбеливания” (bleaching bypass). В такой технологии работы с цветом сделан был, например, фильм режиссера Дэвида Финчера “Семь” (1995). Этот способ позволяет сделать цвета

“списанными”, стертыми, как бы неяркими. Они все будто бы приглушены и не контрастируют друг с другом. Нет яркого красного или зеленого. То есть общая гамма становится как бы сдержанной, выдержанной в едином тоне. Это изображение можно “вытянуть” в холодную гамму, можно — в теплую. Фильм “Возвращение” решен в холодных тонах» [2].

Приглушенные цвета, мягкий полутон кадра, дающий глубокие тени и выделяющий акценты, затемнения, бугры, капли воды на поверхностях. Этот прием позволяет обогатить передачу эмоциональных переживаний на лицах героев — сыновей и отца. Любое колебание эмоционального состояния, отображаемое мимикой героев, видимо на экране и моментально схватывается зрителем.

В конце фильма после всех трагических событий, которые пережили братья, они находят в машине фотографию, которая хранилась у отца. На ней изображены мама и два сына. Облик отца на фотографии не запечатлен. На том месте, где в первом случае было изображение отца, — черный фон. Младший брат Иван, обнаружив фотографию, показывает ее брату и говорит: «Посмотри!». На что старший брат Андрей отвечает: «Спрячь!».

Стоит обратить внимание, что два снимка не идентичны, но они сделаны в один и тот же промежуток времени. Два этих события начала и окончания фильма продуцируют постепенное складывание образа семьи из мозаики отдельных фотокадров, сделанных, с одной стороны, случайно (момент нажатия на кнопку затвора), с другой стороны — намеренно (отображение образа семьи, вычленение момента в пространственно-временном континууме человеческой жизни). Фотографии в данном фильме маркируют собой точки максимального напряжения в пространстве киноповествования. Посредством демонстрации фотографий режиссер подчеркивает момент, откуда плетутся нити будущего истории семьи. Режиссер как бы «окунает» зрителя в настоящее, текущее (текущее) время фильма, вызывая концентрацию мысли на событиях киноповествования. И фотография семьи, найденная в машине отца, в конце фильма также «безмолвно наполняет» зрителя размышлениями, «продавливая» своеобразный акцент в ткани фильма, подчеркивая трагичность момента. Режиссер фильма, таким образом, максимально плодотворно использует прием *non-finito*, иными словами, открытого или незавершенного финала фильма.

Для анализа этих кадров и их сопоставления мы можем применить категорию спиритической (*spiritual*) фотографии. Спиритическая фотография получила распространение во второй половине XIX в. Это жанр фотографии, на которой становятся якобы видимыми объекты потустороннего мира — духи, призраки (англ. *spiritual entities*). Так, фотографии могут высвечивать «другой мир» или существование «невидимых материй». Вопрос о представлении/репрезентации духовной/спиритической реальности был основан на идее, что камера может действовать как прямой способ захвата невидимых существ и действий [4]. Здесь стоит обратить внимание на прямой документальный характер фотоаппарата, что подчеркивает его способность представления/репрезентации реальностей за пределами эмпирического опыта. Получается, что невидимое измерение реальности становится доступным посредством электронных медиа. Фотография же

выступает медиумом, связанным с неоспоримой явленностью мира через фотоизображения [4]. Если использовать метафору, то получается, что глаз камеры видит там, где глаз человека не различает ничего, кроме темноты. Аппарат схватывает и отображает на фотоснимках реальность, недоступную для чувственного восприятия человека. Для «флюидной» и «мысленной фотографии» («fluid» and «thought photography») образы не могут принимать иную форму, кроме фотографий, то есть документов, выступающих разновидностью коммуникации, которая уже произошла; автор в данном случае выступает «медиумом», средством для репрезентации сообщения, лишенным свободы [3].

Предприняв анализ природы фотографического образа, соотношения документальности и способности отображения «сверхчувственных материй», мы проанализировали использование фотографии для выстраивания смысловой цепочки сюжета фильма «Возвращение» (2003), где черно-белая фотография семьи открывает и заканчивает повествование режиссера. Здесь фотография служит вещественным утверждением реальности кино, документом, выступающим для зрителя дополнительным проводником в мир фильма. Введение фотоизображения в мир фильма позволяет режиссеру, с одной стороны, раскрыть прошлое семьи героев, с другой — дать отправной толчок движению мысли зрителя в будущее героев фильма, остающееся неявным, нераскрытым в приеме открытого финала. Отдельно мы проанализировали природу самих двух снимков, на одном из которых проступает образ отца, а на втором его нет. Таким образом, фотография выступает, с одной стороны, результатом случайного нажатия на кнопку затвора, итогом короткого «феноменологического сомнения», с другой стороны — отображением «чувственно непостижимого» порядка вещей. И здесь стоит отметить, что мальчики обретают своего «сфотографированного» отца только на семь дней продолжительности развертывания сюжета фильма. И, по сути, фотография, найденная героями в конце фильма, где изображены мать и сыновья без отца, оказывается итогом «феноменологического сомнения», утверждающего порядок вещей и порядок будущей жизни.

Фотография пребывает в состоянии постоянного ожидания человеческого взгляда, иными словами, она должна быть увидена человеческим глазом. Фотография проявляет себя в момент изучающего взгляда, мгновенного, длительного, внимательного. Оператор фильма в этом плане управляет нашим взглядом на фотографию, определяет длительность взгляда, приближение, глубину погружения. Именно это управляемое погружение задает роль данной фотографии в сюжете фильма, дает возможность глубинного анализа, внимательного рассмотрения. Это позволяет сделать фотоснимок не «немым полотном», как, например, в выставочной галерее, где фотография являет себя с некоторой вероятностью заинтересованному взгляду. Фотография в фильме «дышит», подобно кино, обретает свою длительность присутствия и степень вовлечения взгляда.

---

1. *Барт Р.* Camera lucida: Комментарий к фотографии / пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина. М., 1997.

2. *Звягинцев А.* Ре: статья о роли фотографии в фильме «Возвращение» (2003).docx. Письмо от 22.03.2019 г. (цитата из электронной переписки) [Электронный ресурс]. URL: <https://mail.ru/> (дата обращения: 05.04.2018).

3. *Флюссер В.* За философию фотографии / пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб., 2008.

4. *Medeiros M.* Facts and photographs: visualizing the invisible with spirit and thought photography // communication+1. Vol. 4 [2015], Iss. 1, Article 6 [Electronic resource]. URL: <https://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1045&context=cpo> (accessed: 05.04.2018).

5. *Strecker A.* Photography, Poetry, Music and Philosophy: The Medium from a Critic's Eye. Interview with photography critic Sean O'Hagan [Electronic resource]. URL: <https://www.lensculture.com/articles/sean-o-hagan-photography-poetry-music-and-philosophy-the-medium-from-a-critic-s-eye> (accessed: 05.04.2018).

Рукопись поступила в редакцию 22 апреля 2019 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 316.423 + 316.422.4 + 141.81

В. А. Глазырин

«НАЗАД В БУДУЩЕЕ»

Рецензия на книгу З. Баумана «Ретротопия» (Бауман З. Ретротопия / З. Бауман ; пер. с англ. В. Л. Силаевой ; под науч. ред. О. А. Оберемко. — М. : ВЦИОМ, 2019. — 160 с. (Серия «CrossRoads»).

ВЦИОМ, продолжая свою серию «CrossRoads», издал в переводе на русский язык книгу яркого и значительного британского социолога Зигмунта Баумана «Ретротопия», ушедшего из жизни в 2017 г., в котором состоялась ее первая публикация.

«Ретротопия» З. Бауманом противопоставляется «Утопии». Чтобы показать разницу между ними, он приводит высказывание Оскара Уайльда, что прогресс — это воплощение Утопий [1, 18] (далее в ссылках на это издание будут приводиться только номера страниц). Утопия провозглашает грядущий новый светлый мир. Ее лозунг: «Вперед в Совершенное Будущее!». Ретротопия, в отличие от Утопии, связана с прошлым, ностальгией и тоской по безвозвратно утраченному образцовому социальному порядку. «Назад в Будущее» (21) — в этом состоит дух Ретротопии. Замещая Утопию, Ретротопия зиждется на надежде примирить безопасность и свободу (21).

Почему Утопия сменяется Ретротопией? З. Бауман пишет, что «мир здесь и сейчас» (17) лишь одно из возможных общественных состояний в непрекращающейся череде прошлого, настоящего и будущего. Свобода выбора — неотъемлемый элемент человеческого бытия — пробуждает у людей представления о некотором правильном обществе «где-то там», отличном от несовершенного социума «здесь и сейчас» (17). Утопия, считает британский ученый, не справилась с футуристическим планом построения идеального общества (16). Прогресс, вдохновленный идеей освобождения, задаваемой Утопией, оказался иллюзией (19), привел к тому, что «Проект Утопия» через пятьсот лет после того, как Томас Мор написал трактат «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем

устройстве государства и о новом острове Утопия», потерпел крах (18). Будущее, провозглашаемое Утопией, не только перестало быть Прекрасным и превратилось в обитель рисков, разрушающих спокойствие, определенность, упорядоченность, «твердую почву», но и породило страхи «потерять работу вместе с прилагаемым к ней социальным положением, боязни того, что весь твой дом вместе с нажитым имуществом может сменить собственника, страхи увидеть, как дети скатываются с высоты достигнутого благосостояния и престижа и как собственные навыки и опыт теряют последние крохи былой рыночной стоимости. Дорога в будущее выглядит зловеще, как путь к разложению и вырождению. Не упустит ли своего шанса путь назад в прошлое стать дорогой избавления от вреда, который будущее наносит всякий раз, становясь настоящим?» (19–20). Важно, что страх перед будущим, фобии, о которых пишет З. Бауман, являются боязнями Новейшего времени. Они вызваны глобализацией. Выступают защитными механизмами перед ее вызовами. Воплощаются в соблазне «вернуться домой» (16).

Кажется, что едва ли такое возможно, чтобы глобализация — важная сторона ультрасовременности — стала причиной ретропии, тенденций изменений обществ, направляющих их движение «назад в будущее». Происхождение ретропии, утверждает З. Бауман, опираясь на идеи У. Бека, обусловлено противоречием между «опережающим формированием космополитических условий человеческого существования (общемировой взаимозависимостью, взаимодействием и взаимообменом) и формированием космополитической сознательности, которая (не говоря уже о формировании космополитического сознания) еще находится в новорожденном состоянии» (145–146). Изучению различных проявлений этого противоречия, таких как «назад к Гоббсу» (26–55), «назад к племенам» (56–88), «назад к неравенству» (89–116), «назад в утробу» (117–144), ходу и дыханию ретропии в современном мире обращено исследование британского социолога.

Остановимся на одной из сторон ретропии. Что означает такая ее характеристика, как «назад к Гоббсу?» Британский ученый отмечает, что в современном мире на гоббсовского Левиафана все меньше можно полагаться в том, что он способен исполнять миссию обеспечения социального порядка. Неэффективность Левиафана в борьбе с насилием заключается, во-первых, в том, что не удалось усмирить врожденную жестокость людей (26–33); во-вторых, в условиях глобализации государство-Левиафан оказалось неспособным противостоять влиянию мировых экстерриториальных сил, подрывающих суверенитет отдельных государств (33–51). Неисполнение Левиафаном своих функций должным образом приводит к складыванию в массовом сознании понимания того, что мир без насилия следует относить к замечательным, но не сбыточным утопиям (26–28); люди, не имея возможностей преодолеть социальный беспорядок из-за слабости Левиафана, вынуждены прибегать к индивидуальным способам обеспечения своей безопасности в режиме 24/7 (52).

Можно ли противостоять нашествию Ретропии? Британский ученый рассуждает, что один из подходов представить историю вида *Homo Sapiens* состоит в том, чтобы показать, как повышался уровень социальности сообществ людей в процессе развития цивилизации, начиная с древнейших групп, численность

которых, по-видимому, не превышала нескольких десятков индивидов, до становления всемирного человечества (147). З. Бауман, следуя взглядам С. Хантингтона, рассматривает стремление людей разделять мир на «своих» и «чужих» общим социальным правилом, подчеркивает, что каждый новый шаг в расширении «масштабов интегрированных политических единиц» (150) воспроизводил противоречия и антагонизм идентичности разных общностей, вместе с тем всякий раз возникали новые социальные возможности для образования более крупных общностей, обществ (150–151).

Так было всегда: пересмотр линий разделений на «мы» и «они» приводил, с одной стороны, к стиранию определенных разграничительных граней между общностями и сообществами, с другой стороны, при их объединении выявлялись новые границы размежевания между ними. Однако, считает З. Бауман, новейший мир стал другим и человечество столкнулось с беспрецедентной по новизне задачей. Теперь для становления космополитического социума нельзя ни назначить общего врага, ни поделиться на «мы» и «они» (151). В наши дни, чтобы не скатиться в ретротопию, акторам требуется задействовать орудия производства общечеловеческой интеграции (151, 154). Инструментарием всемирной интеграции людей выступает диалог (диалог культур). Мысль о значении диалога культур в современном обществе была почерпнута британским социологом в обращении Папы Франциска, с которым Римский Понтифик выступил при получении европейской премии Карла Великого 6 мая 2016 г. (154–156). Все же, подчеркивает британский социолог, пока вопросов, как противостоять ретротопии больше, чем ответов; очевидно, что коротких и легких путей, позволяющих одолеть тяготение «вернуться назад», не существует (156).

З. Бауман предпринял одну из многочисленных, имеющих в литературе, попыток описания и объяснения противоречивых процессов глобализации в современном мире. Отобразив ретротопию, он стремится представить социальную логику ее возникновения и формы проявления. Признавая незаурядность ряда положений бауманской «Ретротопии», отметим, что не все положения этой книги бесспорны. Получается, если принять аргументацию британского ученого, то социальный порядок возможен лишь в формате гоббсовского Левиафана. Это не так. Конфигурация общественного устройства, предложенная Т. Гоббсом для преодоления состояния войны всех против всех, не может рассматриваться моделью социального порядка, основанного на праве, тогда как остовом современных обществ выступает правопорядок. З. Бауман полагает, что Левиафан не справился с природной жестокостью людей, порождающей социальный беспорядок. Но Т. Гоббс не был бы выдающимся мыслителем, если бы истоки вражды, как системы отношений между людьми, сводил к эгоистической природе человека. Фундаментальная основа войны всех против всех состоит в другом.

Английский философ писал, что поскольку все люди равны, постольку в естественном состоянии каждый человек имеет «право на все». В этом корень. «Право на все» порождает состояние войны всех против всех [2, 186]. Эгоизм, конечно, может приводить к недружелюбию, жестокости. Но прямой причинно-следственной связи между эгоизмом и войной всех против всех не существует.

Эгоист, здраво рассуждая, понимает, что в его собственных интересах следует устанавливать в сообществе/обществе правила совместной жизни людей, иначе у него не может быть никакой уверенности в том, что он сможет достигать своих целей. Человек-эгоист нуждается в социальных правилах. Ему, по сути, чуждо состояние войны всех против всех. Эгоист, думая о себе и действуя в собственных интересах, созидает общественное благо. Об этом писал А. Смит. Чтобы была польза себе и другим, нужны правила. Они не изменяют естество человека (что не означает, что людские нравы в процессе социокультурной динамики не подвержены никаким переменам); правила делают возможной совместную жизнь людей, несмотря на их эгоизм и жестокость.

Говоря о диалоге (культуре диалога), заметим, что диалогу, как способу достижения согласия между индивидами, группами и обществами, отсутствуют разумные альтернативы. Подчеркнем, что действенность диалога в общественной жизни заключается не только в искусстве общения и навыках проведения конструктивных переговоров по различным вопросам, но и в умении использовать диалог в качестве инструмента созидания правил, отвечающих запросу времени, и институтов, обеспечивающих их практическое воплощение.

Трудно сделать однозначное предположение относительно того, будет ли «Ретротопия» З. Баумана так же высоко оценена профессиональными сообществами исследователей в различных областях социального знания, как, например, его работы «Мыслить социологически» (1990) и «Текущая современность» (2000), но, безусловно, эта книга достойна внимательного отношения к ней как работа большого ученого.

---

1. Бауман З. Ретротопия. М., 2019.

2. Гоббс Т. Левиафан. М., 2016.

Рукопись поступила в редакцию 26 июня 2019 г.

КОНФЕРЕНЦИИ И СЕМИНАРЫ

УДК 7.01(061.3) + 7.01(470)(063)

Б. В. Орлов
И. М. Лисовец

ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

17–19 октября 2018 г. в Санкт-Петербурге состоялся первый в отечественной истории конгресс по эстетике, проходивший под названием «Первый Российский эстетический конгресс». Он проводился Российским эстетическим обществом (РЭО, <http://rusaesthetics.ru>) совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом при поддержке РФФИ (грант 18-011-20086/18).

В конгрессе приняли участие более 200 человек из 38 городов России, ближнего и дальнего зарубежья, из которых 206 выступили с докладами на пленарном заседании и на 16 секциях. До начала конгресса был опубликован сборник тезисов докладов, после конгресса изданы доклады участников.

Органичными конгрессу в аспекте понимания статуса современной российской эстетики и ее дальнейших перспектив стали проведение дискуссии в формате круглого стола на тему «Российская эстетика в начале XXI века: мировой контекст, институциональное состояние, актуальные проблемы и задачи», а также презентация первого номера журнала «Terra Aestheticae», изданного Российским эстетическим обществом (<http://terraaestheticae.ru>), и проведение съезда РЭО.

Концепция конгресса диктовалась ситуацией, сложившейся в современной российской эстетике, большой потенциал которой в полной мере не реализуется и не всегда соответствует актуальным вызовам современности. Тем не менее исторические традиции отечественной эстетики не только сохраняются, но и обновляются. В России сегодня активно ведутся философско-эстетические исследования: выпускаются новые книги, проводятся конференции, защищаются диссертации в области философской аналитики искусства и современных арт-практик, эстетического анализа внехудожественных практик, природной и городской среды, эстетики архитектуры, дизайна, медиасферы, а также форм чувственности в современной культуре. Дискуссии о границах искусства и новых

форматах эстетического опыта стали неотъемлемой частью современного российского и мирового философско-эстетического ландшафта.

В то же время все многообразие отечественных исследований существует в крайне разрозненном виде, между учеными не налажено постоянное творческое взаимодействие, зачастую исследователи в большей степени знакомы с работами зарубежных коллег, нежели своих соотечественников. Действительно во многих странах в области эстетики кипит жизнь, регулярно проводятся конгрессы, круглые столы, издаются качественные журналы, специализирующиеся в эстетике, есть многочисленные институции, эффективно организующие общение ученых, модернизируется эстетическое образование. В России же ситуация совсем иная, и, к сожалению, в настоящее время российская эстетика в мире почти неизвестна.

Целью Российского эстетического конгресса, который, как надеются организаторы, станет регулярным, явилось объединение исследователей на площадке, где отечественные эстетики могли бы услышать и понять друг друга, рассказать о новых подходах и поделиться результатами исследований в профессиональной среде коллег-соотечественников. И Первый Российский эстетический конгресс оказался значим не только своей коммуникативностью, но и перспективностью: здесь можно было услышать новые голоса, имена, идеи, представить возможности развития эстетики в нашей стране в плане синхронизации с современностью.

Конгресс открылся в главном корпусе СПбГУ (историческое здание Двенадцати коллегий) приветствием президента РЭО А. Е. Радеева, рассказавшего об особенностях организации и проведения Первого Российского эстетического конгресса и пожелавшего участникам совместных успехов в его работе.

Пленарное заседание началось докладом профессора А. Р. Усмановой (Европейский гуманитарный университет, Вильнюс, Литва) «Два марксизма, или “Холодная война” в эстетике», акцент в котором был сделан на значимости правильной интерпретации результатов развития советской эстетики: достижения ее не только малоизвестны за рубежом, но и, за редким исключением, негативно оцениваются как идеологический функционал тоталитарной государственной системы сталинского типа. При этом марксизм-ленинизм как теоретический источник эстетики советского периода, элиминируется полностью на том основании, что у классиков не было ни одной работы по эстетике, следовательно, они не занимались ею вовсе. Полемизируя с таким подходом, докладчик охарактеризовала особенности нынешнего постсоветского периода в развитии отечественной эстетики не только как время перемен, но и как время неизбежного продолжения ценных традиций, которые, к сожалению, все больше утрачиваются.

В докладе профессора А. А. Грякалова (Санкт-Петербургский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург) «Эстетика события: рефлексия и стратегии утверждения» в большей степени рассматривалось состояние современной российской эстетики в ее теоретико-концептуальном аспекте. Особое внимание было обращено на онтологию эстетизиса, когда основным становится феномен событийности бытия. Фигура современного эстетика позиционировалась докладчиком в качестве свидетеля-соучастника происходящих эстетических

процессов и их медиатора. Обилие ссылок на авторитетные источники современной мировой эстетики не только сделало доклад содержательно насыщенным, но и спровоцировало живую интеллектуальную коммуникацию с аудиторией.

Доклад профессора С. А. Лишаева (Самарский национальный исследовательский университет, Самара) «Эстетизм и Этнос (эстетический анализ и возрастная антропология)» был посвящен по преимуществу «возрастной проблематике» нашей эстетики, то есть неявно ориентирован на ее будущность. В докладе рассматривалась этика взаимоотношений поколений, с чем и связывались основные особенности современного эстетизма. Именно конкретика этической направленности эстетики расширяет ее предметность, актуализирует проблематику и гуманистическую направленность.

Все три доклада в своем внутреннем единстве не только репрезентировали (каждый по-своему и со своей стороны) горячие точки (хотя и не все) проблемного поля современной российской эстетики, но и задали важный вектор для рассмотрения в ходе конгресса ее пути: от исторического прошлого — через актуальное настоящее — к перспективным инновациям в будущем.

Работа конгресса продолжилась на параллельных секционных заседаниях, которые в течение трех дней проходили в Институте философии СПбГУ.

Секция «Историческое развитие и историческая память искусства» (модераторы Е. Н. Устюгова, Л. Е. Артамошкина, Ж. В. Николаева (СПбГУ, Санкт-Петербург), Л. Б. Капустина (Северо-Западный институт РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург)) была посвящена современным теоретическим исследованиям проблем исторической динамики художественного процесса и эволюции форм сохранения памяти в искусстве. Осмысление современного состояния искусства и его места в прошлой и будущей истории культуры осуществлялось в аспекте критического анализа существующих методологий, выявления горизонтов новых идей и подходов.

В этой связи выступавшие с докладами и участвовавшие в дискуссии проблематизировали место философии истории искусства в структуре современной эстетики; современное искусство в контексте метаистории; соотношение традиций и новаций, классики и неклассики; структурные формы исторической эволюции искусства (ритмы, циклы, стили); границы в историческом бытии искусства; искусство в условиях исторического перелома культурных парадигм; историческую трансформацию доминант культурных контекстов искусства (искусство и миф, искусство и религия, искусство и познание, искусство и мораль, искусство и политика, искусство и техника); место искусства в современном культурном и социальном контекстах; соотношение внутренних и внешних детерминаций искусства и источников его саморазвития; векторы исторической трансформации художественного языка; повторение и различие в исторической эволюции искусства; механизмы сохранения и трансляции исторической памяти в искусстве; формы памяти искусства на материале его различных видов — архитектуры, литературы, изобразительного искусства, музыки etc.; авто/биографические формы искусства в их историческом развитии; роль искусства в формировании стратегии сохранения культурной памяти.

Эта проблематика закономерно вызвала самое живое обсуждение выступавших участников.

Секция «История эстетики — история эстетизации» (модераторы С. Б. Никонина (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург), Л. Ю. Яковлева (СПбГУ, Санкт-Петербург)) была сконцентрирована на проблемах эволюции и трансформаций классической эстетической теории, становления *homo aestheticus*: специфики эстетической позиции новоевропейского человека, соотношения эстетизации и искусства — от классики к современным экспериментам, а также эстетического измерения философских концепций XX — начала XXI в. и перспектив эстетизации за пределами эстетики. Доклады участников неизменно вызвали заинтересованный отклик всех присутствовавших на секции.

На секции «Культурологическая эстетика» (модератор Л. А. Закс (Уральский федеральный университет, Екатеринбург)) рассматривались аспекты взаимодействия эстетики и культурологии, специфика «проникновения» культурологии (всех ее субдисциплин — от общей теории (философии) культуры до прикладной культурологии) в философско-эстетическое сознание, особенности влияния культурологии на направленность (проблематику), методологию, категориальный аппарат и содержание эстетических исследований.

Значимыми для обсуждения оказались философско-мировоззренческие, научно-теоретические и социопрактические основания взаимодействия эстетики и культурологии, «культурологизация» современной эстетики; специфика, содержание и границы культурологического подхода в эстетике: многообразие концепций культуры и их возможный вклад в решение проблем эстетики и прежде всего в развитие системно-культурологического анализа новейшего искусства, в особенности в отношении его ресурсов, перспектив и «художественности» в контексте современной культуры. Столь же детально на секции рассматривалась методология анализа эстетического, учитывая объясняющие ресурсы философии культуры: социокультурные детерминанты эстетического и его деятельностные, институциональные, предметно-вещные, семиотические, информационно-коммуникативные, ментальные и духовные основания. Общее мнение участников секции было выражено признанием конструктивного вклада культурологического подхода в систему методологического плюрализма современной эстетики и столь же значимого «обратного» влияния эстетики на культурологию и тем самым необходимости, возможности и перспективы «эстетической культурологии».

Секция «Эстетика пост(smart)модерна» (модераторы Б. Г. Соколов, Н. О. Ноговицын (СПбГУ, Санкт-Петербург)) была посвящена анализу статуса эстетики и современных арт-практик в ситуации Интернета. Для участников оказалась значимой аналитика гипермодерна, постпостмодерна и пост(smart)модерна; пост-, транс- и смарт-эстетики в медиальной зоне Интернета; дизайна и образа эстетизации Интернета; оцифровки и мимезиса реальности; чувственности в эпоху постпост и смартмодерна; философии искусства на полях Интернета; искусства в эпоху цифры; новой визуальности и новых моделей арт-практик; соотношения концепта и чувственности в эпоху цифровых медиа.

Медиаальная эстетика широко рассматривалась на секции «Медиафилософия и эстетика» (модераторы В. В. Савчук, К. А. Очеретяный (СПбГУ, Санкт-Петербург)), где встретились философы и специалисты медиасферы. Здесь обсуждались возможные решения таких актуальных проблем медиаэстетики, как, например, перверсии гомогенной эстетики в формате новых медиа; медиа как условие формирования эстетических ценностей; интересы новых медиа в сфере эстетического; эстетика vs эстетизации медиасреды; особенности цифровой реанимации прекрасного; искренность, сетевая чувственность и новая эстетика медиасферы; соотношение медиафилософии и медиаэстетики; феномен медиаискусства и медиавосприятия и культура медиакommunikации; топология медиаэстетики; медиаальный поворот как поворот человека к среде; ресурс медиаэстетики в аналитике актуальной картины мира; проблема сакрального в медиареальности; интерфейсы как элементарные формы сетевой чувственности; эстетическая медиабулемия; эстетика порнографии в медиасреде; разрешение медиа и чувство непосредственности; наконец, границы медиа как границы восприятия.

Рассмотрение перспектив развития современной эстетики в тесной связи с быстроменяющимся эстетическим и художественным опытом стало предметом обсуждения на секции «Новые теории, методы и проекты в эстетике» (модераторы Б. В. Орлов, И. М. Лисовец (Уральский федеральный университет, Екатеринбург)).

Гипотеза обсуждения состояла в понимании современной эстетики как проективного философствования, когда самым главным становится мышление проектами в сфере эстетики и ее ангажированность на данной основе. В этой связи на секции рассматривалось как переосмысление прежних методологий в аспекте их устремленности в сторону, противоположную пост-, так и новации с их конкретными выходами — проектами.

Значимым оказался проект совместного создания электронного словаря онлайн по современной философии искусства на основе российского эстетического медийного кластера (портала).

В докладах участников секции были представлены аспекты нового позиционирования эстетики в соотношении с искусством жизни, проективной эстетики как инновации, трактовка урбанистических арт-практик в контексте эстетики проективизма, влияния посттеорий на современные рефлексии о кино, понимание новой музыки как новой философии искусства, развитие эстетики онлайн. Каждый докладчик дал свое видение дискутируемых проблем, что вызвало живой отклик аудитории.

Феномен смеховой культуры в ее современных модификациях стал предметом анализа на секции «Эстетика и смех» (модератор А. В. Апыхтин (СПбГУ, Санкт-Петербург)). Его особенности прояснялись в ключевых докладах участников заседания.

В центре внимания секции «Эстетическое образование и эстетизация образовательной среды» (модераторы Р. А. Куренкова, Ж. В. Латышева (Владимирский государственный университет, Владимир)) оказались важные вопросы

эстетического воспитания и художественного образования в современных школах и вузах. На секции обсуждались проблемы, противоречия, процессы эстетического образования в учебных заведениях России: их история и современность; специфика преподавания курсов эстетики в общих, средних и высших учебных заведениях в России и за рубежом, а также гуманитарно-эстетическая функция классического университета в образовательном пространстве.

В своих докладах участники заседания представили большой опыт эстетико-образовательной и эстетико-воспитательной работы, вели речь о ее новых парадигмах и моделях с учетом особенностей современной культуры.

Если упомянутые выше секции были посвящены рассмотрению ключевой проблематики истории и теории эстетики, то другая группа секций была в большей мере ориентирована на философскую аналитику искусства и ее экспликации в единстве со смежными дисциплинами и видами искусства.

На секции «Современное искусство: позиции и практики» (модератор А. Ю. Тылик (Санкт-Петербург)) состоялось обсуждение ситуации в современном искусстве и его постмедиальное состояние. Современное искусство было представлено в его локальной и глобальной модификации (художественные сцены Восточной Европы, Азии, Латинской Америки и т. д.), форме ретроутопии, формализма и антиформализма, внедрения в массовую культуру через позиционирование на улице. Эта проблематика в основном и рассматривалась в прозвучавших докладах.

Секция «Философия творчества: художник и эволюция языка искусства» (модератор С. С. Ступин (НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва)) была сосредоточена на проблематике сложной художественной лексики как выражении антиномичности сознания современного человека; доминантах процесса формообразования; факторах превращения неклассических художественных форм в классические; рецепции и действии архетипов; экзистенциальном опыте человека в ответах искусства.

Тема «Эстетика и литература» (модератор А. А. Грякалов (Санкт-Петербургский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург)) на соответствующей секции обсуждалась в аспектах эстетической рефлексии творческого опыта и мысли; специфики письма в литературе, эстетике, философии; антропологии литературы; эстетизиса и логоса в пространстве литературы как топологии смысла; эстетического утверждения русской эстетики и литературы; писателя-как-свидетеля; эстетики события; эстетического поворота от текста к произведению; образов, экзистенциалов, концептов в эстетике литературы; феномена автора как «гостя своего текста», «скриптора», «свидетеля».

Секция «Эстетика кино: между теорией, практикой и критикой» (модераторы А. Р. Усманова (Европейский гуманитарный университет, Вильнюс, Литва), Н. В. Казурова (Музей антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург)) была представлена аналитикой кинематографического опыта в его границах и проблемах: многообразия чувственности в кино; власти документального как возможной потери художественного; феномена кино в эпоху дигитального образа; формулы жанра; эстетики национального, транснационального и глобального

кинематографа; кинематографа в арт-пространстве; видеоарта; соотношения кинотеатра — ТВ — VHS/DVD — YouTube.

На секции «Эстетика и дизайн» (модератор А. В. Апыхтин (СПбГУ, Санкт-Петербург)) рассматривались конкретные направления современного дизайнерского формообразования в контексте особенностей повседневной жизни в плане ее эстетической гармонизации.

Докладчиками секции «Эстетика и власть» (модератор А. В. Смирнов (СПбГУ, Санкт-Петербург)) актуализировались репрезентация власти в искусстве и художественных практиках; красота власти и мифология политического образа; влияние политики на эстетические теории и художественные практики; роль эстетического в практиках власти; проблема эстетической цензуры; понимание искусства как пространства политической борьбы.

В докладах участников секции «Психоаналитическая арт-критика: истоки, проблемы, перспективы» (модератор Н. М. Савченкова (СПбГУ, Санкт-Петербург)) рассматривались истоки формирования психоаналитической критики, ее категориальный аппарат и основная проблематика, а также современное положение дел в поле психоаналитического осмысления искусства, актуальные тенденции и формы диалога между психоанализом и литературой, психоанализом и кинематографом, психоанализом и живописью.

«Открытая секция» (модератор А. Е. Радеев (Санкт-Петербург)) собрала участников, чьи интересы в эстетике не нашли отражения в тематике основных секций, но кто хотел поделиться своими идеями перед эстетическим сообществом, предложив темы, проблемы, срезы эстетического поля, ускользнувшие от рубрикации.

Значимыми событиями конгресса явились открытая лекция профессора М. Б. Ямпольского (Университет Нью-Йорка, США) «Исчезновение субъекта: культура меланхолии», а также творческая встреча с кинорежиссером А. Н. Сокуровым. В финале подлинным художественным событием оказалось выступление уникального ансамбля «Русская роговая капелла».

Лекция М. Б. Ямпольского состоялась на второй день конгресса и вызвала огромный интерес слушателей, с трудом поместившихся в аудитории. В кратком обзоре нет возможности в полной мере представить эту лекцию. Отметим лишь, что М. Б. Ямпольский акцентировал кризис субъективности и субъекта, исторически связанных с искусством, как актуальную ситуацию культуры. Кризис субъекта определяется, по его мнению, в значительной степени погруженностью человека в медиасреду и зависимостью от нее в современном информационном обществе. А радикальные трансформации искусства, в свою очередь, становятся последующим закономерным выражением этой ситуации.

А. Н. Сокуров выстроил свое общение с аудиторией как ответы на вопросы. В том числе, точно попадая в проблематику конгресса, отметил радикальное внедрение визуальности, в частности Интернета, в культуру в качестве препятствия в развитии личности, определяющего ее упрощение. А. Н. высказал опасение, что «человек, воспитанный на компьютерной, визуальной культуре со временем будет принимать страшные решения по модели: «Почему нельзя, когда можно и я хочу!».

Отвечая на вопросы о современных российских литературе и кинематографе, режиссер оценил современную литературу как утратившую стиль, где один автор мало отличается от другого, в то время как литература и кинематограф должны создавать особую, защищающую человека атмосферу, должны быть «бомбоубежищем для человека». Отвечая на вопросы отношения к эстетике, А. Н. отметил необходимость возникновения новой «сверхгуманитарности», где наука эстетика должна занять свое место.

Предварительные интеллектуальные итоги конгресса прозвучали в дискуссии о статусе российской эстетики в начале XXI в., прошедшей под руководством Л. А. Закса (Екатеринбург) и Е. Н. Устюговой (Санкт-Петербург) в формате круглого стола. Модераторами круглого стола были поставлены следующие вопросы: как можно охарактеризовать состояние современной российской эстетики: упадок, застой, кризис, накопление сил, перестройка, самообучение «на марше», творческий подъем? какие социокультурные факторы определяют состояние современной мировой и отечественной эстетики? каков характер их влияния? насколько «синхронно» существуют российская и мировая эстетика? для чего нужна эстетика современной культуре, обществу, искусству, человеку? каковы позиции эстетики в пространстве массовой культуры и массового общества? адекватно ли состояние преподавания эстетики в России ее реальной и желаемой социокультурной роли? какие проблемы эстетики представляются наиболее актуальными? сохраняют ли актуальность традиционные (считавшиеся «вечными») ее проблемы (например, проблема красоты, проблема художественности, проблема вкуса)? каков методологический «портрет» (картина) современной эстетики? каково место и соотношение в ней докантовской, кантовской и посткантовской (неклассической, «постнеклассической») парадигм? значим ли и как методологический и функциональный плюрализм современной эстетики? какая методология предпочтительнее и почему?

Острая дискуссия на круглом столе в полной мере развернула эти вопросы. Выступавшие (Б. В. Орлов, Н. Н. Суворов, И. М. Лисовец, Т. С. Злотникова, А. А. Грякалов, М. В. Загидуллина, М. Ю. Гудова, С. А. Лишаев, А. Е. Радеев, Л. А. Закс, Е. Н. Устюгова и др.) исходили из многолетнего опыта преподавательской, научной, организационной деятельности в сфере эстетики и предлагали варианты ее дальнейшего развития, прежде всего на основании понимания особенностей современной российской и мировой культуры в ее ментальном, художественно-событийном и институциональном многообразии.

Детальный содержательный обзор круглого стола представлен А. Атановой во втором номере теоретического журнала Российского эстетического общества «*Terra Aestheticae*». Остановимся на итогах этого обсуждения, которые подвел Л. А. Закс.

Л. А. Закс акцентировал насущную необходимость реализации потенциала российской эстетики — теоретического, методологического, социально-практического, институционального и проективного. Состоявшийся Первый Российский эстетический конгресс показал, что современная российская эстетика вынуждена самообучаться «на марше» в сложных, постоянно меняющихся условиях

русской и мировой культуры и общества и что «нужно строить свои студии на материале той реальности, в которой мы живем!». По мнению Л. А., не только эстетика, но наша страна отстает от мировых социокультурных процессов, кроме того, в настоящее время разворачиваются глобальные процессы вульгаризации культуры. Эстетика является необходимым звеном современной культуры; представляя ее элитный пласт, она должна противостоять тотальному процессу вульгаризации. Именно необходимость быть адекватными этой ситуации определяет задачи и перспективы эстетики. Первый Российский эстетический конгресс представил корпус и возможности русской эстетики в этом отношении.

Заканчивая обзор Первого Российского эстетического конгресса, нельзя не отметить роль екатеринбургских эстетиков — преподавателей, выпускников магистратуры и аспирантуры кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета, которые активно участвовали в подготовке конгресса (Л. А. Закс, Б. В. Орлов, И. М. Лисовец входили в состав оргкомитета и руководили секциями конгресса) и его проведении. На конгресс приехали и выступили с докладами девять екатеринбургских эстетиков, рассматривая проблемы «культурологической эстетики» (Л. А. Закс, Л. М. Немченко, К. И. Охват), эстетики урбанистических арт-практик (И. М. Лисовец), проективной эстетики (Б. В. Орлов), взаимодействия медиафилософии и эстетики (М. Ю. Гудова), технопрактик современного искусства (Е. В. Рубцова), особенностей нечеловеческой эстетики (И. С. Петрин), исследования кинореальности (А. С. Темлякова).

Не случайно на заседании правления Российского эстетического общества, которое состоялось по итогам проведенного конгресса, было принято решение провести второй Российский эстетический конгресс в Екатеринбурге, в Уральском федеральном университете в октябре 2020 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

БУРБУЛИС Юлия Владиславовна — доцент кафедры социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: burbulis@rambler.ru

ГЛАЗЫРИН Валерий Алексеевич — профессор кафедры философии и социологии Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктор социологических наук. E-mail: glazur@olympus.ru

ГУСЕЙНОВ Камран Камалович — аспирант кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: kkguseynov@urfu.ru

ДИДКОВСКАЯ Яна Викторовна — профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета, доктор социологических наук. E-mail: I.V.Didkovskaia@urfu.ru

КАМЫНИН Владимир Дмитриевич — профессор кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: kamyninv@yandex.ru

КЕРИМОВ Александр Алиевич — доцент кафедры политических наук департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: kerimov68@mail.ru

КЕРИМОВ Тандыг Хафизович — заведующий кафедрой социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: kerimovt@mail.ru

КОЦУР Глеб Владиславович — аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: glebk17@gmail.com

КРУГЛОВА Татьяна Анатольевна — профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: tkruglowa@mail.ru

КУЗЬМИН Вадим Александрович — профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: kuzmin16@yandex.ru

КУЛЬЖАНОВА Гульбарам Тимержановна — начальник факультета очного и заочного обучения Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шпракбека Кабылбаева, доцент, кандидат философских наук. E-mail: Gulbaram2012@mail.ru

ЛИСОВЕЦ Ирина Митрофановна — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: irlisovec@yandex.ru

ЛИХАЧЕВ Максим Александрович — доцент кафедры международного и европейского права уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук. E-mail: m.a.likhachev@gmail.com

ЛОГИНОВ Алексей Валерьевич — доцент кафедры социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: alexeyloginov@urfu.ru

МЕРЕНКОВ Анатолий Васильевич — директор департамента социологии и политологии, заведующий кафедрой прикладной социологии департамента социологии и политологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: anatoly.mer@gmail.com

НИКОЛАЕВ Юрий Викторович — магистрант кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: yura_nik-95@mail.ru

ОРЛОВ Борис Викторович — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: borisorlov51@gmail.com

ПАПОЯН Айваз Рафикович — ассистент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: aivaz-papoyan@mail.ru

ПУРГИН Сергей Петрович — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: s_purgin@list.ru

САЛГАНОВА Елена Ивановна — исполняющая обязанности заведующего кафедрой социальной работы и социологии экономического факультета Челябинского государственного университета, кандидат социологических наук. E-mail: salganova@yandex.ru

СОБОЛЕВА Майя Евгеньевна — ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: sobolme63@gmail.com

СЫСОЛЯТИН Антон Андреевич — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: ant-berg@yandex.ru

ТЕМЛЯКОВА Алина Сергеевна — аспирант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: ateml@mail.ru

ТОМИЛЬЦЕВА Дарья Алексеевна — доцент кафедры социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: Tomiltceva_d@mail.ru

ТРЫНОВ Дмитрий Валерьевич — старший преподаватель кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета. E-mail: dv.trynov@urfu.ru

ЯКИМОВ Андрей Евгеньевич — аспирант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: Yakimandrew765@gmail.com

SUMMARY

DIGITALIZATION OF SOCIETY: ONTOLOGY, ECONOMICS, ETHICS

Kerimov T. Kh. Digitalization of Society: Modulation, Time, Subjectivation.....5

Today, digitalization increasingly dominates human existence and pervades all the crucial events of human lives. The idea of digital existence itself acquires formative existential meaning in human consciousness and being, and generates new forms of subjectivation. Digitalization becomes the fundamental structure-forming factor of contemporary social life: society moving from analog (continuous) structuring on the basis of the physical purpose to the digital. The article considers the basic principle of the digitalization of society, its mechanisms, and means. This principle is connected with the transition from chronological to chronoscopic time and is fleshed out through the definition of some modalities and landmarks of digital existence.

Key words: digitalization, discipline, modulation, chronological time, chronoscopic time, objectile, superject.

Burbulis Yu. V. Renewal of Ontology: Sociality of Being 18

The article analyzes theoretical and methodological aspects of “ontological turn” in contemporary social theory. Condition and causes of the renewal of ontology in social sciences and humanities are described. The author relies on modern theoretical and methodological justifications in contemporary philosophy and social theory, on research on new ontology and on the problem of interpreting the social.

Key words: ontological turn, horizontal ontology, the ontic, essentialism, anti-fundamentalism, fundamentalism, the social, totalization.

Kulzhanova G. T. Human Capital and Being 29

Ambiguous usage in research of the concept “human capital” necessitates a discussion on formation of scientific hypotheses in theory. The purpose of the research was to develop a conceptual approach to clarifying the essence of the category of human capital, considering its wording in modern literature and historical background of the concept. Based on terminological analysis, capital and human capital formation features in public relations were singled out. The findings can be used to design courses in philosophy, economic theory, political science, sociology, and other humanitarian courses.

Key words: human capital concept, human capital, capital, labor potential, labor force, human factor, social relations.

Tomiltseva D. A. Anthropomorphism — the Step to the Theory of Horizontal Ethics? 45

In the article, the problem of anthropomorphism is revealed from an unusual perspective. While this problem is considered most often in a gnoseological vein, we will consider anthropomorphism in the context of renewal of humanism in philosophy, and the rethinking of the conception of a human in ethics and ethology initiated by it. Based on the examples of works by F. de Waal, V. V. Bibikhin and J. Bennet, the article illustrates how the problem of anthropomorphism connects with overcoming anthropocentrism and with creating the project of horizontal ethics on the basis of flat ontology.

Key words: ethics, anthropomorphism, anthropocentrism, horizontal ethics, vital materialism, ethology, humanism.

A MAN IN HIS OWN TIME: PROBLEMATIZATION OF TEMPORALITY
IN EUROPEAN INTELLECTUAL SPACE IN THE 1900–1930s

Soboleva M. E. Time as Thought and Thought as Time: on Transcendental Foundations of Time.....52

The article is aimed to a philosophical analysis of the transcendental foundations of time and thinking. Its goal is to interpret time as the main structural component of thought, and thought as an archetypical unit of time, and to demonstrate the interdependence of thought and time. To substantiate this thesis, Kant's theory of time is analyzed in detail. Further possibilities of the development of the transcendental concept of time are demonstrated by means of Husserl's and Heidegger's theories of time. The novelty of the research consists in the analysis of Kant's concept of time on the basis of the relation between the internal and external experience in connection with the so-called problem of realism. It is shown that time emerges from the experiencing space, and the space-time correlation of perceptions creates the prerequisites for the emergence of thought. The comparative analysis of temporal-semantic transcendentalism in Kant's transcendental theory of experience, in Husserl's phenomenology and Heidegger's existentialism has demonstrated the development of the concept of time from the form of perception via the form of pure consciousness to the form of the constitution of Dasein and the form of being a real person.

Key words: time, sense, transcendental, foundation, experience, sensuality, consciousness, being.

Kruglova T. A. Contemporary Classics or Perpetual Contemporaneity: Comparing Two Temporality Regimes in the Art of the Interwar Period (the Fascist Italy and the USSR) 63

The article examines the problem of the transformation of the temporarities in the artistic discourses of the totalitarian regimes (the Fascist Italy and the USSR): from the avant-garde interpretation of time in Futurism to neoclassicism. It is demonstrated that at the centre of the debates was the understanding of the "new" or "contemporary" art stemming from the new interpretation of the notion of time and its attributes. Using the manifestos and programmatic statements of the representatives of the art groups, art critics and ideologists, the article considers how the futuristic understanding of time as force was embedded, albeit in a revised mode, into the neoclassical regime of temporarily. As a result, the concept of the contemporary art synthesized the salient thematizations of the present time and the authoritative ideas of the past. As a result, the paradoxical fusion of the past and present temporal regimes emerged.

Key words: temporarities regimes in art, Italian futurism, Soviet painting of the 1920s, *nuovo*cento, metaphysical painting, neoclassicism, totalitarian art, the temporarities turn in the modern art.

Yakimov A. E. Creating Chronotope in German Expressionist Cinematography of the 1920s.....72

The article analyzes the ways chronotope is created in German Expressionist films of the 1920s and does it with the view to highlight their connection with the socio-cultural and historical situation of the period by using the concepts proposed by K. Jaspers and J. Ortega y Gasset. The author focuses on the techniques used by directors for constructing expressionist film reality. At the foundation of all these techniques lies spatio-temporal schematism or chronotope. The article proposes a certain approach to studying films as "documents" and gives a new perspective for looking at expressionist films as an artistic project of creating "symbolic cinematography"; as a way of reflecting upon the cultural breakdown that occurred in this period; as the historical imaginary, in which elements of the modern socio-psychological situation of society are expressed.

Key words: cinema, film expressionism, constructing, chronotope, temporality, cinematic reality, film theory, time situation, cinema studies.

Purgin S. P. Transformation of Romantic Tradition in the Art of Paul Klee: Temporal Turn 86

Following the guidelines laid down by P. Klee in his diary, where he designates his art as "cold Romanticism" or "Romanticism without pathos", we explore his relation to the Romantic tradition. We focus on the Romantic view of an artist and his destiny. Drawing on the literary texts written by Klee as a commentary to his pictorial oeuvre, we analyse how the theme of destiny is transformed into the theme of time. Temporal structures underlying all creation become the object of his art. This approach complies with the principles of the "Romanticism without pathos" whose notion was coined by Klee and which withdraws itself from mundane and historical circumstances. It also resonates with the shift from figurative painting to abstraction. The Romantic dialectic of ideal and its embodiment is replaced by Klee with ambivalence of the universal, or cosmic, and the individual. Universal temporal structures, however, remain the structures of the individual consciousness, which engenders anxiety and the feeling of the fragility of our existence.

Key words: art of Paul Klee, romantic tradition, destiny, temporal structures, abstraction.

Sysoliatin A. A. Catalepsy of Time: Aestheticization of Terror in L. Lipavsky's "Treatises".....98

The article analyzes the philosophical heritage of L. Lipavsky — a member of OBERIU, the Leningrad literary and philosophical avant-garde group. In his cycle the «Treatises», which variously explore the specificity of the idea of reality, author examines the connection of the experience of time and the forms of human emotions (terror, in particular). In contrast to the European intellectual tradition, L. Lipavsky places the problem of terror not in the context of psychology or ethics, but shows its aesthetic nature and experimentally forms a particular «morphology» of terror.

Key words: terror, time, reality, avant-garde, L. Lipavsky, OBERIU.

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Merenkov A. V. Culture of Egoism: a Theoretical and Methodological analysis.....106

The article analyzes the main characteristics of the culture of egoism, among which the following social actions can be listed: social actors try to rise above other people, to gain special advantages by rejecting the rules of collective activities in order to ensure common security needs and free self-realization in various activities including work and leisure. The role of selfish instincts that influence it throughout the history of mankind is shown. It is argued that the culture of egoism is aimed at strengthening the natural inequality of individuals, the need to subjugate other people to their will. The features of the culture of egoism of the ruling and subordinate subjects are highlighted. Egoistic interest, aimed at surpassing others in terms of wealth and power, leads to the rejection of the restrictions on the freedom to satisfy personal desires established by moral and legislative acts. There is an illusion of permissiveness, which is an incentive to commit acts of corruption, theft, violence against subjects in a dependent position. It is shown that the culture of egoism is opposed to a culture of cooperation that unites individuals, small and large social groups to implement options for solving common problems, limiting the actions of those who impose their will with cunning, lies, bribery, sanctions, the threat of force.

Key words: culture, egoism, culture of egoism, culture of cooperation, methodology of analysis of the culture of egoism.

Trynov D. V., Didkovskaya Y. V. New Protest Youth: Self-Identification, Social Well-Being and Future Image 118

The article analyses of data of a sociological survey of politically active youth who oppose the current government. A new round of protest activity of urban youth is associated with its social well-being, low satisfaction with various aspects of life and the formation of a negative scenario for the future in their mind. The features of value orientations, political identification and image of the future of protest youth are investigated. The results show, on the one hand, a high level of political enlightenment of the respondents, their orientation towards political and legal ideals in their activities. On the other hand, an active-protest strategy of political participation leads to significant costs, opposition to power structures, deterioration in relations with others and conflict, which is reflected in indicators of social well-being.

Key words: politically active youth, social well-being, image of the future, political identification, protest.

Salganova E. I. State and Features of Formation of Patriotism of Pupils of Comprehensive High School.....127

Formation of patriotism of the modern studying youth is considered by the author from a position of sociocultural and activity approaches. Within these approaches, the patriotism is defined as a many-sided and multifunctional phenomenon and acts as the highest spiritual and moral, personal and social feeling, the supreme value of society, state, the personality, the fundamental principle of activity of the personality, society, state determining by motive and a condition of any socially important activity of the personality. A research objective is to study the current state and features of formation of patriotism of pupils of comprehensive high school. The empirical base of a research includes materials of the social researches conducted by the author in 2017 at comprehensive high schools of Chelyabinsk region in comparison with the results of 2007–2008 survey. Methods of collecting primary information were: questionnaire, analysis of documents. The analysis of literature on this problem is also presented. Research has shown very contradictory condition and formation of patriotism of pupils. On the one hand, the problem of patriotism is relevant for adolescents, on the other hand, contradictions and problems of its formation are revealed. At present, the formation of patriotism is characterized by the primacy of students' personal interests over public good, the indifferent attitude of most schoolchildren to public life, lack

of the image of the patriot of Russia in the consciousness of students, and orientation of the individual towards achieving material well-being and entertainment. The role of the main social institutions and the youngest person in the formation of patriotism is reduced.

Key words: civic consciousness, institutes of socialization, pupils, patriotism, factors.

POLITICAL THEORY, POLITICAL SCIENCE AND POLICY ANALYSIS

Kerimov A. A. Electoral System in Action: Characteristics of Electoral Cycles in Modern Russia 138

The aim of the article is to identify and analyze the specifics of the previous election campaigns in modern Russia. The author identifies a group of factors that determine the characteristics of the electoral process. The article describes the characteristics of the political forces participating in the electoral process, the peculiarities of functioning of the electoral system.

Key words: electoral system, electoral cycle, electoral campaign, electoral process, majority system, proportional system, mixed system, State Duma, political parties.

INTERNATIONAL RELATIONS

Loginov A. V., Likhachev M. A. Humanitarian Intervention: Between Sovereignty and Human Rights...148

The article focuses on the theory of humanitarian intervention and its applicability to actual meddling in the affairs of other states including military operations — directly or indirectly — sanctioned by the UN. The authors begin with the assumption that intervention and war are not dissimilar because war might be regarded as a radical form of intervention. Historical condition and normative justification of the emergence of the legality and legitimacy of war are reconstructed with the view to highlight the antinomy between defending the state sovereignty and defending the human rights. We opt for the contractarian approach, which, in our view, allows us to overcome the antinomy, and we argue that in international law it is the violation of the human rights by the state that should be the universal and paramount legitimation for intervention. Further analysis of political practices, however, reveals that human rights are rarely invoked in legitimizing intervention. Yet, we demonstrate that classical political realism that prioritizes interests of the state is itself in need of justification if it is used for legitimizing intervention, because its main tenet is the supremacy of the state, which is undermined by intervention. In conclusion, we highlight the methodological problems in normative political theory, which faces the choice of what is to be the “foundational notion” for modern international law.

Key words: humanitarian intervention, jus ad bellum, legitimacy, sovereignty, state, human rights, contract, casus belli, UN.

Kotsur G. V. The Problem of Normative Interaction in the Constructivist Theory of International Relations 161

The author describes the evolution of normative studies in constructivism as the attempts of IR scholars to create a full-fledged abstract model of interaction between the parties to the normative dialogue. While the early “life cycle” models were intended to describe the initial phase of interaction between the West and the rest of the world, modern theory of normative power represents the aim of constructivists to take into account the opposite effect of local normative environments to the Western public discourse. A number of scholars tend to solve this problem by placing the category of “identity” in its post-Marxist version inside the core of their conceptual approach. The author points to the incompatibility of the classic “life cycle” models with aforementioned vision of the theory of normative power due to the initial antagonism between two grand schools it derives from: sociological institutionalism and post-Marxism.

Key words: constructivism, international norms, normative power, identity, post-Marxism.

Kuzmin V. A., Nikolaev Yu. V. The Decision of the Trump Administration to Relocate the US Embassy to Jerusalem and the Reaction of the International Community 170

The authors analyze officials’ public statements, and UN resolutions on the Jerusalem’s status as well as the reasons that led the US authorities to a dramatic change of course on the Middle East issue in early December 2017. The actuality of the Jerusalem problem in the current international relations is indicated.

Furthermore, the article analyses the events that have taken place from the date of signing the decision to relocate the US Embassy from Tel Aviv to Jerusalem. The main purpose of the article is to analyze the issue of the status of the city, based on the primary sources of the Arab-Israeli confrontation. In addition, the authors indicate the states' positions, which diverge into two opposite views on the legitimacy of the Embassy's relocation. The authors conclude that it is necessary to change the existing order in the Middle East around the Jerusalem problem.

Key words: USA, Jerusalem, UN, Israel, Embassy, Palestine.

Guseinov K. K. Why French “Nuclear Zero” is impossible?.....185

This article continues our previous article “Treaty on Prohibition of Nuclear Weapons and the Perspectives of French Nuclear Zero”. Earlier we examined the nuclear deterrence of the French current administration. The adoption of the Treaty on Prohibition of Nuclear Weapons by the UN General Assembly provoked heated debates in the world. The Nuclear states criticized the Treaty. Despite the growing popularity of nonnuclear movement in France President Macron's administration is committed to the modernization of the French nuclear forces. In the article we explain the impossibility of abolishing nuclear weaponry by France due to the set of internal and external factors.

Key words: PESCO, Aachen Treaty, Macron, Brexit.

Kamylin D. V., Papoyan A. R. Features of Relations between the Republic of Armenia and the European Union 193

The article analyzes the peculiarities of cooperation between Armenia and the European Union since the independence of the Republic in 1991. Special attention is paid to the characteristics of bilateral agreements on cooperation and Armenia's participation in the programs of the European neighborhood policy and the Eastern partnership. The factors impeding the establishment of closer ties between the European Union and Armenia are also considered.

Key words: European Union, Republic of Armenia, European neighbourhood policy, Eastern partnership.

AESTHETICS AND PHILOSOPHY OF CULTURE

Temlyakova A. S. The Role of Photography in Cinema: “The Return” directed by A. Zvyagintsev, 2003 201

The article explores the role of photography in cinema. Firstly, a photograph is simultaneously a result of co-creation and a resistance to photography by the mechanism (W. Flusser). On the one hand, the moment of photographing is accidental, on the other hand, the photographer premeditates and calculates the outcome. Thus, following W. Flusser, we define photography as a result of “phenomenological doubt”. A case study of Zvyagintsev's film “The Return” (2003) allows us to demonstrate the theoretical constructs. Zvyagintsev places two photographs in the plot, and the analysis of these photographs plays a significant role in the process of understanding the film. We prove that photography in cinema can be an additional element of demonstrating to the viewer the credibility of what is happening on the screen. Photography here plays a key role in the plot of the film, both for the characters and for the viewer's perception.

Key words: photography, cinema, phenomenological doubt, A. Zvyagintsev, The Return (2003).

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Glazyrin V. A. Back to the Future. Review on Retrotopia by Z. Bauman.....207

CONFERENCES AND SEMINARS

Orlov B. V., Lisovets I. M. The 1st Russian Congress of Aesthetics.....211

ИЗВЕСТИЯ

УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3

Общественные науки

2019. Т. 14

№ 3 (191)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 30.09.2019. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 20,0. Усл. печ. л. 18,8. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 295.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2291;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 22 июня 2018 г. с присвоением международного стандартного номера электронного издания журнала ISSN 2619-0613;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- в лице главного редактора представлен в Секции философских научных периодических изданий Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ);
- включен в подписной каталог «Пресса России» ОАО «Агентство “Роспечать”». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/ru/science/scientific-journals/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/index>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.
2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.
3. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.
4. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.
2. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносят решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.

3. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом при принятии решения о необходимости доработки текста или о его отклонении к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

4. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

5. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

6. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

7. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;

б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

в) инициалы и фамилия автора на русском языке;

г) заголовок статьи на русском языке;

д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

— конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;

— научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;

— основные этапы анализа или аргументации;

— главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники; и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] – означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] – первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) – на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Департамент философии.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 389-97-34).

Электронный адрес: izvestia_3@urfu.ru

АНКЕТА СТАТЬИ

ФИО автора 1 (полностью)	
Организация	
Должность	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
ФИО автора 2 (полностью)	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

На английском языке:

Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Author 2 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	